марина Яхонтова

Лирический дневник

1927–1997

сборник стихов

КИРОВ (ВЯТКА)
АВЕРС
2020

ББК 84(2Рос=Рус)
Я90

Яхонтова, М. А.

Я90 Лирический дневник. 1927–1997 : сборник стихов / М. А. Яхонтова. – Киров (Вятка) : Аверс, 2020. – 250 с. ; 20 см. – 30 экз. – Текст (визуальный) : непосредственный.

Этот сборник недаром назван «Лирический дневник». Марина Яхонтова буквально жила поэзией, поэтическое творчество сопровождало все этапы её долгой и насыщенной жизни – от первых восторженных, немного наивных строк, до откровений мудрой, много прожившей и пережившей женщины. О ней можно сказать, что это поэт тонких душевных настроений. Стихи её светлы, чисты, многим из них присуще редкое чувство доброжелательного юмора. Это настоящая русская поэзия, где душевные переживания автора тесно переплетены с восприятием ею волшебной российской природы в лучших традициях истинно русской поэзии Тютчева, Пушкина, Брюсова, Ахматовой и других и тем самым находит самый тёплый и горячий отклик у читателя.

ББК 84(2Рос=Рус)

© М. Яхонтова, стихи, проза, 1997
© А. Федотов, картина «Весна. Солнце 2014», 2014
© С. Ворончихин, оформление, 2020

I

«колоратура»

(1927–1932)

КАНИКУЛЫ

Здравствуй, утро вольной жизни!
Я взбегаю на крыльцо…
Солнце ласковое! Брызни
Ливнем света мне в лицо!

Пахнет комната смолою…
Раскрываю чемодан:
Пачка книг… клубок с иглою…
Платье… мыльница… стакан…

Лип тяжёлые верхушки
Первым мёдом зацвели,
Пчёлы кружатся. Лягушки
Чуть курлыкают вдали.

На лугах танцуют краски,
Широко, пестро кругом…
О блаженство! На террасе
Чай с топлёным молоком!

Шумливый, крупный летний дождь,
Быстрей свой перепляс заканчивай!
Дай окунуться в зелень рощ,
Дыша их сочностью заманчивой!

Под лёгкой радугой небес
Привольно травке, ливнем встряхнутой…
Как свеж, как молод мокрый лес,
Умытый, крепкий, весь распахнутый!

Говорят, что стихи – титанический труд.
Но всегда ли? – Поспорим…
Хоть вразброд, безалаберно птицы поют,
Щебет нравится утренним зорям!

Свой бас густой вплетая в звон
Далёких сельских колоколен,
Шмель загудел. Ворчливый он!
Ну чем же, чем он недоволен?

Медовый запах льёт земля…
А я пристроилась на брёвнах,
Где слышен грозный бас шмеля,
В тени берёзок малокровных.

У ПРУДА

Хоть я одна сижу на берегу
Под ветками, где ручеёк запружен,
Мне кажется, – я в дружеском кругу,
Пришла на шумный и весёлый ужин.

Лягушки полным голосом орут,
Прибрежная ветла зелёной лапкой
Воды коснулась, и дремавший пруд
Тихонько вздрогнул кожицею зябкой.

Как царственна осанка тростника!
Спустив под воду тоненькие ноги,
На всех глядят немножко свысока
Нарядные кувшинки-недотроги.

Две стрекозы спустились. Наконец
Последний гость вбегает торопливо:
Проворный жук – пугливый плавунец,
Болотное нетонущее диво.

В саду трепещут липы и берёзки…
Как надоело в комнате сидеть!
Как хочется не думать о причёске
И что попало на себя надеть.

Вот прицеплю гамак к цветущим липам.
Как хорошо и как душисто тут!
Пусть он меня качает с лёгким скрипом,
Пусть мне жужжат, стрекочут и поют!

Сентябрь. Чемоданы уложены,
Прощай, полевой ветерок!
А сколько ещё не исхожено
Лесных молчаливых дорог!

Сердитая еду в вагоне я,
С досады терзая билет,
А роща в предсмертной агонии
Мне машет берёзами вслед!

Истрёпан, измочален мёртвый плющ,
Прильнувший к заколоченной палатке.
Как зимний ветер мстителен и злющ!

Какие хулиганские повадки!
За что он горемыку теребит?
Плющ никому не причинял обид.

Невесел палых листьев мёртвый хруст.
Спит солнце в мокрых складках туч-пелёнок,
К забору сиротливо жмётся куст –
Нахохлившийся жёлтенький цыплёнок.

И пёрышки, и косточки его
Ерошит, щиплет ветер – злой проказник,
Кому поля пустые – торжество,
Раскиданные листья – тоже праздник.

Где летом стайка птиц порхала
С весёлым щебетом живым,
Ветвей еловых опахала
Под грузом никнут снеговым.

К лицу холодным зимним ёлкам
Спокойный величавый груз.
Зачем им, – не пойму я толком, –
Крикливый сор флажков и бус?

Иду левей, иду правей, –
Повсюду ветер с ног сбивает!
Февраль – упрямый снеговей –
Свистит и песни распевает.

Здесь вьюги всласть плясали, пели,
Но завтра выщелкнет их вон
Предвестник мартовской капели –
Сосулек лёгкий перезвон.

Прощай, февраль! И напоследок
Крути меня и так и эдак!

На всех полях всё скошено и сжато,
На всех террасах варится варенье,
А под террасой фыркают ежата,
Тем выражая нам своё презренье.

Ведь и они, и белочки-пуховки,
Согласно вековым своим привычкам,
Вкуснятину несут в свои кладовки,
Не прибегая к сахару и спичкам.

У ОКНА

Я в тихой комнате одна.
Скучна безлюдная квартира.
Но из окошка мне видна,
И мне слышна вся радость мира.

Пока я с видом деловым
Зубрю постылые уроки,
Там по квадратам меловым
Девчушки скачут, как сороки.

Там от зари и до зари
Гоняют звонкий мяч мальчишки,
Мурлычут томно сизари
И хулиганят воробьишки.

Невзрачен двор наш и убог,
Но ярки свежие листочки
И краснощёкий колобок,
Который возится в песочке.

Здесь – портреты, там пейзажи,
Чуть подальше – натюрморт…
Пятна красок, пятна сажи,
Рыбий взгляд цветастых морд.

Я насытилась. Устала.
Хватит! Больше не хочу!
Скажут люди: «Ты отстала».
Что поделаешь? Смолчу.

Под шелест трав, под посвист соловьиный
Едва зажглась небес голубизна, –
Стремительною снежною лавиной
На все сады обрушилась весна.

Чуть дунет ветерок, чуть затрепещет
Цветущих вишен локон кружевной,
Мне чудится, что море бьёт и плещет,
Играя белопенною волной.

Почему я весь день беспричинно горю
И сдержать не умею порыва?
Почему я пою? Почему я смотрю
В незнакомые лица пытливо?

Кружит голову мне ветерок-сорванец.
Всеми красками даль заблистала…
Неужели спокойного детства конец?
Неужели я девушкой стала?

«Я твой…» «Твоя…» «С тобой – хоть на край света…»
Потёртых книг избитое клише!
Но те слова, подслушанные где-то, –
Глоток весны. И музыка в душе.

СОФИЙСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ

Душа поёт на этом берегу
(Хоть вслух, конечно, не решаюсь петь я).
Здесь в камень обращённые столетья,
Ощерившись, противились врагу.
Но свергнуты насилье, кабала,
А внешний враг обуздан и не страшен!
За хмурым силуэтом древних башен
Лучатся и ликуют купола.

Зима, уймись! Не к месту фокусы!
Снежком прощальным не пыли!
Пусть мать-и-мачеха и крокусы
Проклюнутся из-под земли.

Они стремятся в жизнь, как птенчики
Из хрупкой тесноты яйца.
Смешные крохотные венчики…
Но как им рады все сердца!

Сегодня верб мохнатые пушки
Пушком листвы сменились понемножку,
А завтра, сил набравшись, лопушки
Догонят в росте детскую ладошку,
А послезавтра… Но зачем гадать?
Весна и в колыбели – благодать!

К затейливым выдумкам я равнодушна,
Из сказок венки не плету,
Но первая зелень – прозрачна, воздушна –
Мне сказку дарит на лету.

Тут кстати бы музыку… Впрочем не надо, –
Спокойно в тиши отдохну.
Стрекочет кузнечик… Звучи, серенада!
Пошире окно распахну.

Я с музой дружбу не водила.
Мой стих не звонок – слишком юн!
Мне дерзновения хватило
Коснуться томных лирных струн.

Поэты признанного роста
Мной не заметят пренебречь:
Течёт бесхитростно и просто
Чуть подрифмованная речь.

Когда для божьих птиц в кормушки
Бросают крошки и зерно,
Проныры-воробьи, как мушки,
Снуют и вьются озорно,
Хватают снедь – и в ус не дуют,
Кто смел, – тот съел и был таков…
Старушки дружно негодуют,
Жалея сизых толстяков
И проклиная бесенят,
– Несправедливо их бранят!

Лишь для людей глуха лесная глушь.
Для крохотных, но деятельных душ
Стал муравейник – горстка хвои ржавой –
Могучей, крепко слаженной державой.

Жаль, не пробиться глазу в тот мирок:
Легла несоразмерность на порог!

От живого остался пенёк.
Но у мёртвых корней по привычке,
Любит в прятки играть огонёк
Притулившейся там землянички.

Не страшна крутизна для опят:
Мох ковровой дорожкой расстелен…
Где же смерть?
От макушки до пят
Тот пенёк принаряжен и зелен.

МЕЛЬКНУВШИЙ ГОД

Люблю мой подмосковный север,
Природы скромность и величье,
Прохладный ландыш, тёплый клевер,
Зимы безгрешное обличье.

Весенний воздух сердцу сладок:
В нём всё: и птичьи отголоски,
И сквознячки, и лёгких радуг
Чуть уловимые полоски.

Отрадно мне нежарким летом,
Про всё забыв, бродить по воле,
Когда лиловым, нежным цветом
Пестрит картофельное поле.

Пора осенняя, немая…
Молчат безлиственные рощи,
И в их прозрачности сама я
Взрослее становлюсь и проще.

Дань классицизму – нимфа над фонтаном
С лицом надменным, горделивым станом,
Лишь из воды глядит на нас без маски:
Как змейка вьётся. Делает гримаски.

МОЁ ГНЕЗДО

Он не Кривоарбатский –
и не Кривоколенный,
Но тоже вроде речки с причудливым изломом,
Мой скромный переулок, кривой, но несравненный,
С нескладным, грязно-серым, родным и милым домом.

Здесь вместо птичьих трелей – воронья перекличка…
Но и сюда несёт весна свои улыбки:
Ведь рядом зеленеет весёлая «Девичка»,
Где водят хороводы молоденькие липки.

В клоках тумана прячется река.
Сошли не с неба эти облака:
Из мутной тины выполз водяной
С растрёпанной, косматой сединой.

Жемчуга цветущих вишен
Так к лицу тебе, луна!
То минутный шорох слышен,
То застынет тишина.

Призрак сада в лунной пудре
Как по воздуху плывёт.
Невесомы ветки-кудри,
Устремлённые в полёт.

Ночь меня не замечает:
Холодна, чиста, строга,
Чуть колышет, чуть качает
Сонных вишен жемчуга.

Мы не в саду, мы в сказочных хоромах.
Слетают вниз прозрачны и легки,
Пахучих распустившихся черёмух
Пронизанные солнцем лепестки.

Сорви, сломав зелёное запястье,
Заветную серебряную кисть
И засуши на память и на счастье,
Чтоб мелким чувствам сердце не грязнить.

Букетик выглядит невзрачно,
Но солнце пляшет на столе.
Вдвойне чиста, вдвойне прозрачна
Воды пригоршня в хрустале.

Полоски радужные ярки:
С каких высот их облик взят!
Все семь цветов небесной арки
В пугливых зайчиках сквозят.

СОПЕРНИЦА

Я моей соперницы не видела,
Но нередко думала о ней.
И её всем сердцем ненавидела,
С каждым днём острее и сильней.

Иногда в моём воображении
Рисовался образ роковой:
Стройный стан… Ленивые движенья…
Узел кос над гордой головой,

А зрачки расширенные светятся
Злым мерцаньем хищного огня…
Но вчера пришлось мне с нею встретиться.
Тот набросок стёрся для меня.

Так случилось. С утренней улыбкою
Расплескало солнце мягкий свет.
Вдруг я вижу: худенькая, гибкая
Девочка – моих, должно быть, лет –

На лужайке, за кустом акации,
Песенку мурлыча, рвёт цветы,
А в движеньях быстрых столько грации,
Беззаботной детской простоты!

Оглянулась. Зазвенела бусами,
Удивлённо вскинула глаза
И, взмахнув кудрями тёмно-русыми,
Унеслась, как дикая коза.

Я за ревность глупую наказана.
Что со мной? Я брежу или сплю?
Ненавидеть я её обязана,
А сама её – почти люблю.

Во власти чувств тревожных, незнакомых,
Роняя с веток белую фату,
Люблю бродить сквозь заросли черёмух
Когда весна… Когда они в цвету…

Придёт зима, непрошенная гостья,
Забуду я, как забывают сны,
Их нежные, их трепетные гроздья
И первый вздох разбуженной весны…

И берёз серебро, и сосновая медь
Так звучны, что нельзя не запеть!
С песней мчусь я домой. Палисадник… Крыльцо…
На террасе лежит письмецо.

Ты мне пишешь смешную нелепую ложь,
Что ты больше ко мне не придёшь, –
Нет! Сегодня готова я верить всему,
Но не этому злому письму!

ПАДУЧИЕ ЗВЁЗДЫ

Падучие звёзды, счастливые звёзды
Стремительно мчатся вперёд.
Их жизнь пролетает мгновенно и просто:
Сверкнёт, отсияет, умрёт.

Мрак неба их росчерк прорежет, расплавит,
И вновь воцаряется мрак.
И всё. И конец… Путь звезды не оставит
На небе свой памятный знак.

Падучей звезде и мгновенья довольно.
Я думаю часто, вздохнув:
Всё гаснет. Пусть гаснет! Но страшно и больно
Нырнуть в темноту, не сверкнув.

«Иудино дерево»… «Барская спесь»… –
К цветам, человек, так развязно не лезь!
Их свято люби и расстанься с привычкой
Грязнить красоту оскорбительной кличкой.

Головками склонёнными желтея
Среди весенней беззаботной травки,
Поникли, как в палатах Берендея,
Заплаканные девушки-купавки.

Кругом звенят невидимые струны,
Но этот звон их грусть не успокоит.
О милые! Весной, когда мы юны,
Ни тосковать, ни горевать не стоит!

Оставлен город. Грохот, толкотня.
И тень любви с её развязкой грустной…
Родное солнце смотрит на меня,
На поле ржи, на огород капустный…

Я счастлива! Я радуюсь тому,
Что ветерок проносится, колебля
То гладь пруда, то листьев бахрому,
То сочных трав некошеные стебли,

Что мне привет бросают на лету
Друзья-стрижи в свистящем резком крике,
Что клевер пахнет мёдом, а во рту
Сок долгожданной первой земляники.

Случайный вздох, случайный взгляд
И в сердце радость – я любима!
Прошло пять дней, и встречи злят,
Всё пронеслось, скользнуло мимо.

Сейчас мечтаю о другом,
Глаза капризные прищуря…
Любовь порхает ветерком.
А где же грозы? Где же буря?

В семнадцать лет как лёд я холодна.
И мучают тревожные вопросы:
Когда же голубая Мать-Весна
Венок любви наденет мне на косы?

И где тот Лель, тот светло-русый Лель,
Который, – соловьёв лесных чудесней, –
Придёт с полей и, в руки взяв свирель,
Мне сердце околдует грустной песней?

Когда взойдёт любви моей заря?
Когда забьётся сердце знойно, жарко?
Когда падёт в объятья Мизгиря
Пугливая Снегурочка-дикарка?

Жизнь бурлит как хрустальный родник,
Только сердце пока на свободе…
Я живу среди клёнов и книг
И молюсь, как язычник, природе.

Жадно к солнцу тянусь, к облакам,
Парк просторный мне стал уже тесен,
И брожу по росистым лугам
В царстве птичьих и девичьих песен.

Я пьянею от запаха трав,
А порой из романа Толстого
Прибегает, мне сверстницей став,
Лучший друг мой – Наташа Ростова.

Лесные тайны не мной разгаданы,
Лес тайнами не с каждым делится…
Душистый бархат лесного ладана
Среди опавшей хвои стелется,

Дрожит осина зелёным кружевом,
Играя веточками тонкими,
Пенёк под мхом стал шаром плюшевым
И манит рыжими опёнками.

Капризно гнутся их ножки длинные,
Сплетясь с рассыпанными ветками,
Точь-в-точь как надписи старинные
На книге с тонкими виньетками.

В хрупкой зелени сада весеннего,
Где дрожит разноцветная тень,
Я люблю над страницей Тургенева
Размечтаться, вдыхая сирень.

Скоро вечер. Как тени минувшего,
Ляжет на землю мягкая синь…
В лёгком шорохе сада уснувшего
Слышу поступь его героинь.

И мерещится мне, что за клёнами,
Где сирень так густа и бела,
Забелел ветхий домик с колоннами,
Где Калитина Лиза жила.

А из дальнего флигеля старого
Непременно придёт поутру
В тёмном платье Елена Инсарова,
Чтоб приветить меня как сестру.

Мне нарядность лета дорога, –
Ширь полей, извивы светлых речек…
Унесусь в медовые луга,
Где трещит невидимый кузнечик,

Забреду подальше от дорог,
Отдаваясь чувству сладкой лени,
Шевелит мне платье ветерок,
А полынь щекочет мне колени.

Ветерок, ласкай меня! Нахлынь,
Колыхаясь в танце прихотливом,
Горьковато-пряная полынь,
Голубая, с бархатным отливом.

Мои стихи колоратурны:
Нет веских фраз, глубоких тем,
Им чужды маски и котурны,
Не видно роз и хризантем.

Их мотыльков порханье
Не дерзкий взлёт бог весть куда.
Но в них мой пульс… Моё дыханье…
Мой кругозор… Мои года…

Ночь разлилась. Луна в ущербе.
Поля затихшие пусты.
Чуть-чуть колышутся на вербе
К воде склонённые листы.

Как я люблю в ночных просторах
Вдыхать прохладу и покой,
Ветвей усталых слушать шорох
Над засыпающей рекой

Встаёт туман. Бело и сыро,
На чёрном небе – бледный серп…
И заглушил все шумы мира
Невнятный шёпот сонных верб.

Широко, величаво, богато
Расплылись, разожглись облака…
Розовеет в разливах заката
Стан берёзы белей молока.

Скоро синие сумерки лягут,
Мир застынет, заснёт недвижим…
Не для ландышей, нет, не для ягод
Вечерами мы в рощу спешим.

День шумливый до капельки допит.
В царстве листьев, теней и росы
Кто-то ждёт меня. Ждёт и торопит,
И сердито глядит на часы.

Только я не хочу торопиться, –
Мне не страшно, что время идёт, –
Мне приятно, что ждёт он и злится,
Проклинает, ругает, но ждёт!

Мы не были влюблёнными. Хотя
Всё лето, как в лирическом спектакле,
Полусерьёзно и полушутя
В их роль входить нам нравилось. Не так ли?

Пора задёрнуть занавес! Давай
Театрик наш с достоинством покинем:
Будь счастлив! Если хочешь, прививай
Вкус к той игре другим своим богиням.

Так мирно спят предсумрачные воды,
И гладь их так зеркальна и тиха,
Что дамою из карточной колоды
Мне видится прибрежная ольха.

Но трудно мне, неопытной гадалке,
Судьбу по этой карте разгадать, –
Не верят мне насмешницы-фиалки,
Которых здесь в траве не сосчитать!

Ну как отсюда я уеду?
Нарядно во дворце зелёном,
Ведут здесь ландыши беседу
Своим неслышным перезвоном,

Таясь в траве, под деревцами,
Они боятся шумной славы,
Но золотыми бубенцами
Им откликаются купавы.

Мы – девушки, мы – первый вздох весны.
На взгляд мы – сёстры белоснежных лилий,
Но не всегда безгрешны наши сны,
Мы скромный вид храним не без усилий.

Как часто манит нас запретный плод,
Туманя души, опьянив рассудок…
Но прикрывает муть лесных болот
Голубизна чистейших незабудок.

Блеск весенний разбросан зыбко
В пробуждённых зелёных лесах…
У любви озорная улыбка,
У любви бесенята в глазах.

Я своих бесенят поймала,
Поломала я рожки им,
Крылья белые им привязала, –
Каждый стал точь-в-точь херувим.

И умильно при каждой встрече
Люди глупые говорят:
«Вот у этой невинные речи
И святой голубиный взгляд».

Нет! Я не верю лилиям болотным,
Их лепесткам, хрустальным и бесплотным,
Когда они – сверкающее чудо –
Покоятся над чёрной гладью пруда.

Я не люблю глубин застывших, мрачных,
Милее мне дрожанье струй прозрачных,
Ручья лесного, что крадётся чащей,
Весёлый голос – ломкий и звенящий.

Холодная среди лучей и зноя,
Нас лилия пленяет белизною,
Но в глубине трясин гнездятся черти…
Бегите прочь – и лилиям не верьте!

Искусство прошлых лет вам кажется рутиной.
Для вас оно мертво. Для вас оно старо.
А мне мечтается: хотя б на миг единый
Почувствовать в руке гусиное перо!

Жасмин раскрылся ароматный
И полночь шлёт ему привет:
По лепесткам струится мятный,
Зеленоватый лунный свет.

Цветы неопытны и юны,
Ведь их обязанность проста:
Блестеть, как маленькие луны,
На чёрной россыпи куста.

Вообразив, что жизнь пресна,
Солим её, горчим и перчим…
Но верю, жду: любви весна
Ворвётся вдруг нежданным смерчем,
Развеет мелких чувств раздор,
Даст всё – и воздух, и простор.

Зелёные свои раскинул сети,
Густые ветви пышно растрепав,
Мой лес весенний в ландышевом цвете,
В коврах фиалок, в золоте купав.

Так тихо здесь, что каждый отголосок
В душе, как песня, оставляет след,
Так зелено, что снежный ствол берёзок
И тот зелёным отблеском задет.

СВЕТЛЯКИ

Здесь в лесу, где мрак теней бездонных
Нас укрыл от лунной пелены,
Светляки мерцают в травах сонных –
Голубые капельки луны.

С давних пор луна ко мне ласкалась,
Всё звала на крылья облаков,
А потом сдалась – и расплескалась
По земле огнями светляков.

Чуть светясь, как блики в тёмном зале,
Как дождя на листьях слабый след
Червячки земные мне сказали,
Как красив небесный лунный свет.

Убогий домик. Садик неказистый.
Двор сорняком зарос. Но я молчу:
В простор лугов, звенящий и душистый,
Могу я убегать, когда хочу.

А впрочем, мне и здесь совсем неплохо:
Привет мне шлют и просятся в стихи
Лиловые ежи чертополоха,
Простёртые, как крылья, лопухи.

Шла в лес послушать перекличку птичью,
А он молчит. Что делать! Не судьба!
Лишь издали доносится стрельба
Тех, кто пришёл, как в магазин, – за дичью.

Им – честь и место. Я спешу уйти.
Они чужие. Нам не по пути.

НОКТЮРН

Как хорошо, как тихо на балконе!
Сад напоён прохладой полусна.
Чернеют листья сонные на клёне
И тучкой перечёркнута луна.

Ты присмирела, бывшая шалунья,
Ты сдержаннее стала, холодней,
Серебряное любишь полнолунье,
Как раньше – пляски солнечных огней.

Сейчас ты стынешь мёртвою царевной,
В хрустальном гробе безмятежны сны.
Но чувствую, что холод твой душевный
Предвестник торжествующей весны.

РАССВЕТ 1

Стволы деревьев серебря,
Плывёт туман. Восток разбужен.
Пригоршню розовых жемчужин
В траву закинула заря.

Прозрачней, легче и нежней
Стал пряный запах белых любок…
Жизнь подняла звенящий кубок,
И ранний зяблик вторит ей.

По распластанным крышам кирпичных громад
Разливаясь горючим потоком,
Солнце вечера – треснувший спелый гранат –
Истекает багряным соком.

Всё живое размякло, зарылось в тени,
Вьётся пыль раскалённою дымкой…
Только ты, моя грусть, как в минувшие дни
Охлаждаешь меня невидимкой…

Как ландыши в лесу призывно пахнут!
Но я их не сорву и не сомну:
Весенний мир ведь и для них распахнут
И вдаль, и вширь, и ввысь, и в глубину.

РАССВЕТ 2

Подкралось утро, бережно ступая
В наплыв тумана. Полусумрак бел.
Сквозит сирень, невнятно-голубая,
Такую сам Рахманинов воспел.

Ещё лучи листву ей не согрели,
Ещё роса прохладна и свежа,
Но непоседы-жаворонка трели
Уже звенят, взвиваясь и дрожа.

Сейчас над сердцем прошлое не властно,
Вчерашней грусти нить оборвалась,
И любишь жизнь так горячо, так страстно,
Как будто ты сегодня родилась!

Говорят, с милым рай в шалаше,
Но меня не загонишь в шалаш…
Что ты дашь беспокойной душе?
Что ты сердцу горячему дашь?

Нет, уж лучше уйти навсегда!
Ну какая тебе я жена?
Что поделать? Боюсь никогда
И ни с кем я не буду нежна.

Угомона не знает душа…
Пусть дорога пойдёт по камням, –
Мне милей твоего шалаша
Путь к неясным далёким огням.

ГРИБНАЯ ПОРА

I

Начались грибные страсти
Всю семью взбодрил июль,
Все в заботах, все во власти
Сковородок и кастрюль.

Я живу не «понемножку»,
Жизнь богата и щедра:
Загораю. Ем окрошку.
По грибы хожу с утра.

В добрый час под гомон птичек,
Не скупясь, подкинь, лесок,
Сыроежек и лисичек
В мой заветный туесок!

II

Белый гриб? Замри и стой!
Мухомор? Шагаю мимо,
Хоть грибок он не простой:
Статен, ярок нестерпимо.

Пусть красуется в лесу,
От людей спасаясь ядом!
Жалко мне: его красу
Можно трогать только взглядом,
Не утаскивая в дом…
Но спасибо и на том!

НА ПЛЯЖЕ

Туфли прочь! На землю платье!
Как младенец, я легка,
В материнские объятья
Подхвати меня, река!

Ты дуришь в минуту злую,
Гонишь в тину, тянешь в глубь…
Что ж, дури напропалую,
Но сначала приголубь!

Стал ты добрым, прилежным садовником,
Но не мне красоваться в саду:
Ведь не розой, а диким шиповником
Расцвела я тебе на беду.

Своевольная я и колючая,
Приручить меня – хватит ли сил?
Незнаком ещё мне тот Петруччио,
Кто меня бы встряхнул – и сразил!

НАД РЕКОЙ

Любовь преображает, как река:
Ведь в зеркале текучей, зыбкой влаги
На хлопья снега рвутся облака,
Изломаны деревья на зигзаги.

С любимыми лукавим мы, хитрим,
Лицо скрываем в карнавальной маске,
Нам ясности милей намёков дым,
Штрихи оттенков манят, а не краски.

Играем в прятки, роем тайники,
Держась с другими искренне и просто…
…Дрожат и вьются в зеркале реки
Прямые сосны мачтового роста.

Вдвоём мы и загадочны, и злы,
А врозь мы прямодушные, простые…
…Прибрежные недвижные стволы
Скользят в воде, как змейки золотые.

ЛЕСНОЙ РУЧЕЁК

Над хрусталём нежданного ручья
Нет резвых нимф и не шалит дриада,
Вода не ищет нас – она ничья,
Её очеловечивать не надо!

Все вымыслы скатились под откос,
В пыли веков античная причуда,
Принадлежит лишь трепету стрекоз
Игра воды – моё лесное чудо.

Сумрачной я не была от рожденья,
Чёрствой, бездушной меня не зови, –
Словно весной молодое растение
Сердце раскрыто навстречу любви.

Брось попрекать меня давней обидою,
Меньше трагических слов говори, –
Если б ты знал, как я часто завидую
Глупо влюблённой, слепой Бовари!

Если б ты знал, как душа моя просится
Жить нараспашку, легко, без затей,
Как мне минутами хочется броситься,
Крепко зажмурившись, в ветер страстей…

Эти порывы глушу. Но не плачу я, –
Верю: он грянет, мой час грозовой!
Спорит и борется сердце горячее
С трезвой, холодной моей головой.

СТАРАЯ БАСНЯ

Закон глупцов «так принято» – гони!
И предрассудки не лелей, не пестуй!
… Хотя иных людей и в наши дни
Крылов смешит «разборчивой невестой», –

Мила и симпатична мне она!
Ну чем она капризна? – Ведь понятно:
Душа, что ни в кого не влюблена,
На всех светилах будет видеть пятна.

Мне только очень жаль, что под конец
Она смирилась с пошлою судьбою,
Отправясь с кем попало под венец… –
И перестала быть самой собою!

Застольные песни не девушкам петь!
Суровы приличий законы.
Но если нам весело, – как утерпеть?
Ведь люди же мы, – не иконы!

Пузырься, шампанское, смейся, играй
В задорно звенящих бокалах!
Стань символом жизни – плесснись через край
С разлёта, – как волны на скалах!

Как ландыши весною хороши
В жемчужных бусах сказочных царевен!
В них столько света, музыки, души…
А поздним летом их наряд плачевен.

Невесело идти на семена,
Плестись за жизнью кое-как, не в ногу,
Заветные когда-то имена
Ронять в туман забвенья понемногу.

Как больно, что весенний мой расцвет
Недолгим будет. Не смиряюсь! Нет!

МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ
(Фантазия)

Вечер. Я согрелась в складках мягкой шали.
Посиди со мною! Почитай мне вслух!
Помнишь, как весною яблони дышали,
Осыпая счастьем нас, влюблённых двух?

Тихо здесь, уютно. А по листьям блёклым
Скоро ночь размажет вялый мокрый снег,
Капли, застывая, тянутся по стёклам…
… Мы теперь с тобою связаны навек.

Хорошо быть вместе! А бывало прежде
Страх меня тревожил: вдруг уйдёшь к другой?
Сердце было радо крошечной надежде…
А сейчас всё ясно. На душе покой.

Я тебя любила трепетно, несмело.
Я тебя боялась – губ твоих и глаз.
Глупая девчонка! – как я покраснела,
Прошептав «любимый» в самый первый раз,

Как лицо зарыла в лепестки букета,
Поцелуй твой первый уступив цветам…
… Дай мне с верхней полки синий томик Фета,
Мы найти былое можем только там.

В тишине осенней задремал наш домик,
Занавесил окна первый зимний пух…
… Не хочу быть грустной! Дай мне этот томик!
Сядь ко мне поближе! Почитай мне вслух!

КОШМАР
(Фантазия)

Сочится жизнь без перемены.
Упал платок с озябших плеч.
Залиты сумерками стены.
Лень электричество зажечь.

Прозрачна сеть дождинок-блёсток…
Я тихо встала у окна,
Гляжу на людный перекрёсток, –
Как хорошо, что я одна!

Больной цветок мне тянет стебель…
Он тоже сохнет, мой цветок.
В углах лиловых тает мебель.
Я молча кутаюсь в платок.

Восторг любви и радость дружбы –
Всё недоступно мне теперь:
Сейчас мой муж придёт со службы,
Неумолимо звякнет дверь,

Сюда войдёт – обрюзгший, серый,
С угрюмой складкою у губ…
Кидаюсь к шкафу за мадерой,
Разогреваю в кухне суп…

Начнёт хлебать, губами чмокать,
Я молча сяду здесь, в тени.
Обшлаг покажет или локоть,
Не глядя, буркнет: почини!

Промямлет мне, пока тарелки
Я убираю со стола,
Про планы, сводки, недоделки
(Его служебные дела).

А я в ответ ему – ни слова.
Посуду вымою, зевну,
Бельё поштопаю – и снова
К моей отдушине – окну.

Но там я вижу только слякоть,
Круги зонтов да мокрых шляп…
… И ночь без сна. И страх заплакать,
Спугнуть невозмутимый храп.

Роняет небо золотые блики
На зрелые пшеничные поля,
Где льют цветы ползучей повилики
Чуть горьковатый запах миндаля.

Цветы другие, кверху вскинув лица,
Все краски солнца ловят нарасхват,
А их удел – у ног чужих стелиться…
Вот почему их запах горьковат!

Бывают жизни яркого накала,
Как бурный взлёт, стремительный рывок…
Хочу так жить! Я сроду не искала
Спокойного уюта без тревог.

Меня не искушайте. Тех любите,
Кто, ослеплённо выбрав одного,
Вращается по замкнутой орбите
Планетой тусклой солнца своего.

Не гневайся, Царевна Несмеяна,
Что я живу, дурачась и смеясь.
Ты даже в правде вечно ждёшь обмана
И в чистоте боишься встретить грязь.

Весна в цвету. Сад напоён сиренью,
Лес растворён в звенящих песнях птиц…
А ты скользишь по жизни строгой тенью,
Не поднимая царственных ресниц.

А я всё в даль смотрю. И верю в чудо.
Меня тоска в свою не втянет сеть.
Не стану я над тёмной гладью пруда
Сироткой васнецовскою сидеть!

Через витраж причудницы-реки
На странный бал смотрю заворожённо:
Вальсируют мальки и мотыльки, –
Одни – в воде, другие – отражённо.

И радужно сквозит речное дно
С танцорами живыми заодно.

НЕПОГОДА

Крут ветер – лезет на рожон!
Свод неба тучами оброс,
Лес до корней преображён
Стволы и ветки – всё вразброс!

Кипенье, пляска и борьба, –
Мир опрокинулся вверх дном,
Бушуют, плещутся хлеба,
Все травы ходят ходуном.

Будь ты как мрамор, будь как лёд, –
Тебя подхватит этот взлёт!

Отпылал закат багряный…
Но ты жжёшь меня, весна!
Аромат густой и пряный
Разливает бузина.

Запах трав, цветочный запах
И без солнца горячи…
…Душит лес в косматых лапах
Полумёртвые лучи,

Ночь вуаль надела вдовью,
Опускаясь на поля…
…Но пьянящею любовью
Дышат воздух и земля!

В НОЧНОМ ТРАМВАЕ

Встреча краткая, но огневая…
Помнить – глупо. Не помнить – нельзя.
Летом… Ночью… В безлюдном трамвае
Вдоль замолкнувших улиц скользя…

Тёмных, вкрадчивых глаз выраженье
Так влекло, что она не могла
Краем глаза его отраженье
Не ловить в полумраке стекла.

Встала. Гордо нахмурила бровки,
Стала собранной, жёсткой, прямой,
С нетерпеньем ждала остановки,
Торопливо бежала домой.

Он за ней. Тихо тронул за локоть.
Шаг быстрей… Догоняет опять.
Оттолкнула, просила не трогать,
Но боялась ресницы поднять.

Добежала! И в гневном протесте
Резким взмахом захлопнула дверь.
Не нарушены правила чести…
Почему же ей грустно теперь?

ПОДРУГЕ

I

Не шутишь ты, не пьёшь вина,
На тёмном платье – строгий вырез,
Ты хороша и холодна,
Как лиловатый тонкий ирис.

Шёлк тёмных кос рука твоя
Всегда зачёсывает гладко.
Ты – косы ровные, а я –
От них отбившаяся прядка.

Ты недоступна и строга,
Как авиньонская Лаура…
Но сбрось на миг свои снега
И не следи за мной так хмуро.

Молчишь ты? Гнев твой не остыл?
Мы видели на старой фреске:
Сам Алигьери тронут был
Слезами грешницы Франчески.

II

Ты мудрая, святая. Я – беспутная.
Меня подчас ты судишь очень строго.
Размолвка не страшит меня минутная,
Я знаю, что у нас одна дорога.

Твоя мне дружба накрепко подарена,
Хоть ты меня чуждаешься порою…
Голубка, вспомни: разве Ольга Ларина
Татьяне не была родной сестрою?

III

Люблю интимность лампы затенённой
И вечера с тобой наедине…
Ты в сумерках мне кажешься Мадонной
На потемневшем старом полотне.

Мы разные с тобой. И вечно спорим.
Ты хмуришься. Ты недовольна мной.

Но радостью, мечтами или горем
Я, скрытная, делюсь с тобой одной.

Зачем пугаться нашего различья?
Я знаю – между нами нет стены, –
Стремленья наши и мечты девичьи
В венок единый крепко сплетены.

IV

Молоденькой листвой опушена
Прозрачная берёза на полянке.
Лесная притаилась тишина
В мохнатых ветках ёлочки-смуглянки.

Смеющееся солнце, летний день
С берёзовой смешались белизною,
А в бархат ёлки мягко вкралась тень, –
Но обе дышат жизнью и весною.

Пусть ты серьёзна, легковесна я, –
Зачем ты смотришь отчуждённым взглядом?
Ведь мы с тобой, молчальница моя,
Два деревца, что зеленеют рядом.

Мы выросли с тобой в одном лесу,
Одна весна влила нам в сердце соки…
… Как жадно наши ветки пьют росу,
Как облака прозрачны и высоки!

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Прогнав дымок рассветного тумана
И голосами птичьими звеня,
Заря сегодня всколыхнулась рано
И ветерком овеяла меня.

Луч змейкой проскользнул по занавескам.
Я в лес спешу. Он, как всегда, мне рад:
Внизу хрустит валежник звонким треском,
А всё живое вышло на парад.

Как будто акварельные наброски
Во всей своей застенчивой красе
Сквозят полупрозрачные берёзки,
Чуть золотятся лютики в росе,

И бабочки танцуют спозаранку
То над цветами, то среди листвы…
Я вышла на знакомую полянку.
Там кто-то ждёт. Я знаю, это Вы, –

Такой смешной, растерянный, смущённый,
Что ни к чему смущаться мне самой.
Я пью Ваш взгляд, покорный, восхищённый,
Я знаю, вижу, чувствую: «ты – мой»!

Пришла зима, снежинки-балеринки
Запорошили память о былом…
… Мы встретились на шумной вечеринке
За празднично украшенным столом.

Мешались ритмы танго и фокстрота,
Все лица раскраснелись от вина,
Рождала хохот каждая острота…
Но Вы вошли, – и вспомнилась весна.

Подняв глаза, Вы долго и упрямо
Мой взгляд поймать хотите за столом
И, наконец, оставив Вашу даму,
Ко мне спешите. Снова мы вдвоём.

Мне радостно, что Вы так близко, рядом,
Привычный, прежний… Нет, совсем другой!
С туманным, жгучим, незнакомым взглядом,
С настойчивой и дерзкою рукой.

Шепчу, сердясь: «На нас глядят! Довольно!»
Ваш голос твёрд и властен: «Не пущу!»
Я рвусь от Вас, но к Вам тянусь безвольно,
Хочу окаменеть, но трепещу.

Такой ли я была в то утро мая?
Вы были робки, царствовала я…
… Покорных, слабых рук не отнимая
Я вижу: всё сместилось – я твоя!

ПОСТСКРИПТУМ

Шёл кинофильм. Заря плыла к берёзам…
Цвели бокалов радужные грани…
Включили свет, – и полотном белёсым
Сменились ливни красок на экране.

1938

От незрелости в мыслях и нравах
Многоцветья красот златоглавых
Нас лишили на веки веков:
Нет в Москве «сорока сороков»…

Сохраним хоть в преданиях отчих
Тень великих, поруганных зодчих.
Как бы облик Москвы не зачах
В однотонных её кирпичах.

II

«лирическое сопрано»

(1933–1938)

Ты в шумном чаду вечеров танцевальных
Бог ведает чем моё сердце привлёк...
Но вот мы в лугах. Травы в бликах хрустальных,
Над морем цветов полевой мотылёк

Огнём голубым полыхает воздушно…
Со свистом пронёсся стремительный стриж…
А ты здесь скучаешь, глядишь равнодушно,
Некстати смеёшься, нескладно остришь.

Должна ль я идти твоей спутницей робкой
Дорогою жизни нелёгкой, большой?..
Ну нет! Даже этой коротенькой тропкой
Среди простеньких трав ты прошёл как чужой!

Для дружбы полутень нужна едва ли,
Зато любви без полумрака нет,
Недаром менестрели воспевали
Любви-мечты далёкий зыбкий свет.

Любила я тебя, почти не зная,
В густой тени любила б до сих пор,
Но осень по ветвям прошла сквозная,
И скинул лес парадный свой убор.

Нагие ветви, тронутые тушью,
Как трещины чернеют тут и там…
… Безличности твоей и малодушью,
Мой бедный друг, я сердца не отдам.

Опять сады цветами запестрели,
Но в сад любви дорога нелегка…
Недаром воспевали менестрели
Любовь-мечту, любовь издалека.

Бандура, балалайка и зурна
Усердствуют во славу нашей эры,
А я не тем созвучиям верна:
Люблю неприхотливые пленэры.
Свободное дыханье – шаг в простор,
Всё остальное – мишура и вздор.

Мы себя иллюзиями тешим,
Но напрасно ловим огоньки
Там, где лес ночной на радость лешим
Разбросал гниющие пеньки.

Иногда обманчив листьев шорох,
Загрязнён цветущий, свежий сад.
Иногда в серебряных озёрах
Вод болотных, мёртвых слышен смрад…

Мы словам приподнятым не верим!
Путь один: перешагнув порог,
Расписной, но бутафорский терем
Променять на пыль степных дорог.

Зверей стреляют. И кроят манто.
Там льётся кровь. Здесь мы в мохнатых шапках…
Ещё страшней арена шапито,
Где зверь живой – зато на задних лапках…

Не ищи зовущего в доказанном!
Ясность не чарует, не влечёт.
Красота есть только в недосказанном,
Только в том, что искрится, течёт.

Красота – не в храме, ей воздвигнутом.
Её мир – туманность и намёк.
Не ищи прекрасного в достигнутом!
Манит нас лишь дальний огонёк.

Не в скульптуре, строгой и утóнченной,
А в звезде, сверкнувшей на лету,
Не отлитой в форму, незаконченной
Жизнь являет людям красоту.

Поэт страдал: назойливо и громко
Звучали болтовня, и визг, и смех.
Он многих женщин знал, но Незнакомка
Ему явилась и затмила всех.
Её глаза в волшебный край манили, –
Ведь тёмная вуаль была густа, –

И полное безмолвие хранили
Скульптурно-неподвижные уста.
Поэт был мудр: взглянул и удалился…

… Как горек дым погасшего огня!
Как жаль, что ты мне не на миг явился
И не был Незнакомцем для меня!

Сухие листья рассыпают клёны
С шуршаньем перевёрнутых страниц.
Стремятся к югу, точно «Песнь Миньоны»
Встревоженные стаи певчих птиц.

И тянутся, и тянутся, как нити
То чёрных, то цветных оживших бус…
Леса мои родные! Отдохните,
На корни сбросив шелестящий груз.

Темнеет бархат алых георгинов…
Как светел мир! Как осень хороша!
И ты усни, сухие листья скинув,
Горячая, несытая душа!

Кто запретит мне собственной судьбою
Сполна владеть как собственным добром?
Я не бывала божьею рабою, –
Мне не бывать Адамовым ребром!

У ФОНАРЯ

(Полуфантазия)

Лишь сумрак у меня в гостях,
Лишь в прошлом встречи и утраты
На всех окрестных плоскостях
Редеют жёлтые квадраты.

Скользящий женский силуэт,
На смутном фоне – контур чёткий…
Куда спешить ей? Что за бред
Руководит её походкой?

В притихшем воздухе пустом
Шаги отчётливы и гулки…
Она нашла знакомый дом
В уже безлюдном переулке,

Остановилась у дверей,
Тоскливо осмотрела стены…
В скупом мерцанье фонарей
Всё, как тогда. Без перемены.

Живёт здесь «Он». Её мечта,
Её кошмар, её проклятье…
Сейчас она уже не та
И не спешит в его объятья.

Они расстались. И теперь
Всё отошло и отшумело,
А так недавно эту дверь
Она распахивала смело,

Взлетала на второй этаж,
В волшебный мир, где ждал любимый,
То раб, то деспот. Скромный паж
И властелин неумолимый.

Он ей шептал: «Навек с тобой!» –
Слова условленного штампа…
И свет струила голубой
Задрапированная лампа.

……

Густая тень лежит пятном.
Усталые сомкнула веки.
Она мечтает об одном, –
Забыть об этом человеке.

Казалось ей: взошла заря!
Но чувства были мелки, грубы…
…При мутном свете фонаря
Дрожат подкрашенные губы.

Гроза. В траве переполох,
Дрожмя дрожат полынь-осока,
Но гроздья стрел чертополох
Взметнул раскидисто, высоко.

Как вспышка молнии, он жгуч,
Тёмно-лилов, подобно тучам.
И цвет, и ярость летних туч
Сродни цветкам его колючим.

Провозгласил седой поэт:
Гармонии в природе нет, –
Повсюду царствует хаос, –
В игре страстей, в бессилье слёз…

Не спорят с мудрыми невежды!
Но всё же я полна надежды
На пёстром жизненном пути,
В сплошном клубке противоречий,

Присущих доле человечьей,
Смысл неопознанный найти.

Над страницами «Анны Карениной»
Незаметно мелькнул этот день.
Разноцветными листьями вспененный
Сад ронял золотистую тень.

Ты мне пишешь: «Разрывом, как коршуном,
Две истерзаны близких души…»
Правды нет в этом слове восторженном.
Не ищи со мной встреч! Не пиши!

Обмануть я надежду боюсь твою…
Заклинаю: «Не жди! Не зови!»
Я себя успокоенной чувствую,
И ничьей мне не нужно любви.

Не ревнуй, не сердись. И участливо
Не заглядывай в сердца тайник.
Я сейчас одинока. Но счастлива
Среди клёнов, настурций и книг.

Не люблю я никого, –
Уж такой характер странный!
Не смогла и для «него»
Стать любимой и желанной.

Горевать теперь смешно.
Эта боль – пустяк, пылинка…
…Ночь, вспорхни в моё окно
Синей птицей Метерлинка!

ПОДСОЛНУХ

I

Давно закончен летний труд.
Чернеют брошенные грядки,
И стебли мёртвые гниют,
Кругом валяясь в беспорядке.

Но гордо голову вознёс,
Венец носящую со славой,
Несокрушимы, как утёс,
Подсолнух мой золотоглазый.

II

Сад купается в солнечных волнах.
Вольно льются лучи напоследок,
Золотя горделивый подсолнух.
Среди трав, низкорослых соседок.

И берёзы янтарного цвета,
И стеклянная даль голубая
Шлют последнюю ласку привета
В ливне щедрых лучей утопая.

По пустынным задворкам, по улицам голым
Горделивой царевной метель проплыла,
Прошуршала, скользнула пушистым подолом,
Смыла чёрную грязь – и осталась бела.

Я люблю её стан величавой осанки,
Её поступь лебяжью, алмазный убор –
И вертлявые лыжи, и резвые санки,
Что детишки со щебетом тащат во двор.

У поздней осени нет связи
С тобою, ранняя зима!
На землю, липкую от грязи,
На почерневшие дома

Легла жемчужная лавина,
И хлопья плыли с высоты,
Как тихий лебедь Лоэнгрина,
И величавы, и чисты.

Скользнула осень серой тенью,
Недружелюбна и нема…
Снежинок первому цветенью
Я шлю привет. Цвети, зима!

ИНЕЙ

Сугробы величавы, как курганы
На всех деревьях – свадебный покров,
Сейчас они – снежинки великаны
Из небывалых, сказочных миров.

Лист неопавший, – пусть он жёлт и скрючен, –
Под глянцем льда нарядно заблистал:
Жизнь украшать был смолоду приучен
Лоскутик, замурованный в кристалл.

Привет тебе, зима! Ты мраморной богиней
Над смертными царишь в холодной белизне…
Карнизы в хрусталях, пронзённый солнцем иней,
Безмолвие снегов, застывших в гордом сне,

И серебристый мех позёмок пышнохвостых,
Что, крадучись, скользят, ползут из-за угла,
Слепящую метель и чистый, колкий воздух,
И сказочный цветник промёрзшего стекла.

Кипит болтливых вод веселье, –
Как брызги солнца горячи!
Справляют с криком новоселье
Нетерпеливые грачи.

Как переливны, как крылаты
На синих далях облака!
Глядишь, – серебряные латы
Сорвёт мятежница-река.

И мутной, рыжею волною
На берег весело плеснёт…
Уж пахнет солнцем и весною
Полуистлевший, мокрый лёд.

Устали мы от вьюг угрюмых…
Бушуй, весна, свой плащ развей
В разливах рек, в волшебных шумах
Густых, встревоженных ветвей.

ВЕСЕННИЙ ТРИПТИХ

I. МАРТ

Весны с зимою поединок.
Уж тлен в сугробах пышных, сочных,
И бахрома хрустальных льдинок
Блестит на трубах водосточных.

Как много солнца и простора!
Как облака светлы и близки!
Как много звонкого задора
В нахальном воробьином писке!

Ещё вчера метель летала
На лёгких крыльях лебединых,
Но отблеск тёмного металла
Рассыпан жилками на льдинках.

Хоть рёбра крыш в одежде хрупкой
Белы, как лунная дорожка, –
На солнце томною голубкой
Воркует мартовская кошка.

2. АПРЕЛЬ

Травинок первые намёки,
Лучистых луж последний всхлип…
Зазеленел узор далёкий
Схематизированных лип.

Весна везде – в оконных стёклах, –
Они блестят, как зеркала, –
В фиалках нежных, чуть поблёклых,
Но полных крымского тепла.

Не только юная природа,
Всё мило, как нежданный дар, –
И ты, невиданный полгода
Просохший серый тротуар,

И мостовая, где так звонко
Девичьи каблучки стучат,
И красный шар в руках ребёнка,
Возня собак и крик скворчат.

3. МАЙ (ОДУВАНЧИКИ)

В прозаическом винном стаканчике,
Словно солнце, внесённое в дом,
Распушившись, горят одуванчики
Ярко-жёлтым весёлым пятном.

Нет мне дела до глупых насмешников, –
Пусть глумятся над вкусом моим!
Мне милее бесцветных подснежников
Одуванчиков солнечный дым.

Ведь к подснежникам мы не приучены,
Никогда их не рвём на лугах,
Только видим, как нитками скручены
Умирают они на лотках.

Одуванчики, вестники милые
Мне привычной московской весны!
И сады, и задворки унылые
Их дразнящим огнём зажжены.

Земля бурлит в весенней смуте
Здесь – полумрак и тишина.
Но даже в комнатном уюте
Я равновесья лишена.

Вот с книгой приютилась в кресле.
От чтенья вряд ли будет прок!
Клочки минувшего воскресли
И взгляд скользит, не видя строк.

Хоть угольки давно остыли,
Жива невнятная тоска
И мысль упрямая, – не ты ли?
При каждом возгласе звонка.

За дверью солнышко и слякоть,
Холодный чистый ветерок,
И любишь жизнь, и хочешь плакать,
И взгляд скользит, не видя строк…

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Гроза прошла. Гнев туч лиловых
В зигзагах молний отсверкал,
И капли на ветвях лиловых
Блестят осколками зеркал.

В простор полей, на вольный воздух
Бегу невысохшим двором…
Привет вам, листья в каплях-звёздах!
До новых встреч, притихший гром!

И страсть, и смерть в твоих раскатах,
Разящий меч, пьянящий сок…

Берёзы с хлыстиков покатых
Роняют брызги на песок.

Колышет ветер лёгкие качели
Цветущих веток. Ласково-грустна,
Полупрозрачна юная весна,
Светла, как «Примавера» Боттичелли.

Задумчивы сады и молчаливы.
В их лепестковом царстве тишины
Все краски белизной приглушены,
Лишь плавают оттенков переливы.

Ряд избушек. Дорога. Колодец.
Мутный пруд с покачнувшейся ивой.
Полусломанный ясень-уродец.
Палисадник, заросший крапивой…

Но заброшенный тихий посёлок
Мне не кажется скучным и бедным:
Рядом клёны раскинули полог,
Сосны светятся отблеском медным.

Пусть сегодняшний день и не ярок,
Шум деревьев пророчит ненастье,
Ширь полей – драгоценный подарок,
Запах трав – долгожданное счастье.

Небо прячется в сереньких тучах,
И закат без единой кровинки, –
Но в лугах молодых и пахучих
Веет солнцем от каждой травинки.

Среди осоки молодой,
Где ветер речку овевает,
Полузатоплена водой
Старуха-лодка догнивает,

Но в скромной лужице, в воде,
Что в ней застыла без движенья,
Светло и чисто, как нигде,
Сияет неба отраженье.

Июньский полдень ярок и палящ.
Всё робкое спешит уйти от зноя
Под плюшевый, густой еловый плащ,
В осиновое кружево сквозное.

Умолкла мошкара, к листве припав,
В глубь раковин попрятались улитки…
Лишь яркие шары – цветы купав –
Блестят в траве, как золотые слитки.

Пусть облака, истаяв от жары,
Размазались, как стёртые белила, –
Нет силы, шелковистые шары,
Которая бы вас испепелила!

СИЛУЭТ

Чёрен лес, задремавший вдали,
Но река в голубых переливах,
Над водой камыши вознесли
Тёмный бархат голов горделивых.

К ней луна с высоты снизошла
И навстречу туманам-сединам,
Среди лилий Одеттой плыла,
Их касаясь крылом лебединым.

ПОЛНОЛУНЬЕ

Неподвластна смутам и досадам,
Так близка, и так отдалена,
Ты взнеслась, всплыла над чёрным садом
Горделиво, чистая луна.

Плоть земли преобразить готова
В невесомость бликов и теней;
Отблеск солнца буйно-золотого
Приглушён жемчужностью твоей.

Не родная ты и не чужая,
Ты раскрылась сказочным цветком
И плывёшь в пространствах, остужая
Трепет сердца мудрым холодком.

ЗВЁЗДНОЕ НЕБО

«И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами
И нет преград меж ней и нами
Вот отчего нам ночь страшна».
(Тютчев)

Бездыханная бездна миры поглотила:
Вечный холод в пространствах царит,
Адским пламенем люто пылают светила,
Где живое – пылинкой сгорит.

Что мне холод безмерный и жар нестерпимый?
Смерть не смеет в глаза мне взглянуть,
Если к мягкой земле, бесконечно любимой
Я прильнула на тёплую грудь.

Здесь со мной величавые горные цепи,
Здесь леса, где звенят соловьи,
Полноводные реки, широкие степи,
Люди – братья и сёстры мои.

……..

Нет, земля не песчинка, не горсточка праха!
Как её полноправная дочь,
Я смотрю без смятенья, без древнего страха,
В мрак глубин твоих, звёздная ночь!

Покрывалом вселенная стелется чёрным,
Точно зверь укрощённый, ручной, –
Взглядом робко-мерцающим, кротким, покорным
Смотрят звёзды из бездны ночной.

Мы в огнях не сгорим и во льдах не застынем,
Вихри нас не сомнут, не сорвут, –
Не задуть беспредельным, но мёртвым пустыням
Малой искры, что жизнью зовут!

Вас, беды, никому не избежать.
В нежданный час вы и меня хлестнёте.
Как выстоять? Как голос удержать
И в дни ненастья на звенящей ноте?

Как душен воздух! Как горяч!
Как тучи сдвинулись свинцово!
Уж не ползут – несутся вскачь,
Как волк с картины Васнецова.

Подкрался ветер, чуть дыша,
К земле пригнулся воровато,
И травы, ласково шурша,
Его приветили, как брата.

Недолго вихрь играл с травой...
Вот трепет пробежал по клёнам,
Вот в дикой пляске вихревой
Верхушки плещутся со стоном,

И, освежая зелень рощ,
Неся цветение равнинам,
Из чёрных туч бродяга-дождь
С рычаньем прорвался звериным.

Мрачны, черны озёрные глубины,
А глади вод сродни цвета любые, –
И незабудок точки голубые,
И рыженькие пятнышки рябины.

Но ветер-живописец вдруг решает
Схватить цветы, и ягоды, и листья
Одним мазком. И торопливой кистью
Все краски на палитре он мешает.

В ПАЛИСАДНИКЕ

Тоскуя о лугах, о милых реках,
Где свеж и зелен трепетный тростник,
Я не люблю сидеть в библиотеках
За крепостной оградой пыльных книг.

Как будто мозг их тяжестью завален,
Как будто в кожу въелась эта пыль, –
Меня гнетёт и гонит из читален
Их тишина и важный, хмурый стиль.

Но здесь, где сытый солнцем палисадник
Сиренью дышит, шелестит травой,
Захватывает сердце Медный Всадник,
Грохочущий по гулкой мостовой,

Бесстрашная насмешница Земфира,
Кристальный мир «дворянского гнезда»,
Парящий над хребтами сын эфира,
И Незнакомка – падшая звезда,

Арбенин хмурый, жертва злой гордыни,
И Дон Гуан во власти нежных чар,
И вскормленник печали и пустыни
Войну и смерть рождающий Анчар.

«Как хороши, как свежи были розы…» –
Красивые и грустные слова!..
…Дрожат на солнце лёгкие стрекозы…
Сиренью пахнет… Шелестит трава…

Ещё не вечер. Свод хрустальный
Льёт свет прозрачный, свет дневной, –
Но вдруг повеяло печальной
И предвечерней тишиной.

Чуть тронул мимолётный трепет
Верхушки яблонь, тёмных слив,
И, ввысь взлетев, он тучки лепит,
Даря им розовый отлив.

Сад разрумянился левкоем,
Белеют флоксы, как снега,
Но наплывающим покоем
Дохнули дальние луга.

И я на вернисаже побыла.
Ваш почерк смел. И есть, чем похвалиться:
Теснились многогранные тела,
Пестрели перекошенные лица.

Вы в поисках. Вам весело дерзать,
Но как вы ни крутите – ни вертите, –
Своей Сикстинской вам не написать,
Не подползти к подножью Нефертити!

ИЮЛЬ

Пышет солнце, рассыпав по озеру блёстки,
Разливаясь по синему своду,
Прокопчённые солнцем мальчишки-подростки
Исхлестали сажёнками воду.

Пахнет терпкой ромашкой и дикою мятой
И рассыпчатой почвой прогретой…
Как привольно идти по траве неизмятой
С песней счастья, ещё не допетой!

ЧИТАЯ «ФАУСТА»
(Сонет)

Да, если б Мефистофель не был сказкой,
Мне, грешнице, не миновать бы ада!
Конечно, ни чертей с ночной их пляской,
Ни эллинских богов и мне не надо, –

Но и плотины строить, как ни странно,
Нет у меня потребности и рвенья,
А главный грех мой в том, что постоянно
Душа кричит: «Остановись, мгновенье!» –

Мгновенье встреч любовных и прогулок,
Когда весенний лес звенящ и гулок.
Когда речная ширь дарит прохладу.
И те непревзойдённые мгновенья,
Когда плоды чужого вдохновенья
Открыты сердцу, мыслям, слуху, взгляду…

На западе тускнеет отблеск розовый.
Под чёрным покрывалом, с высоты
Уж ночь скользит боярыней Морозовой,
Подняв над миром бледные персты.

Навстречу ей смиренно ветлы клонятся
Над тронутой туманами рекой.
Но сердце не смирить. Зачем бессонница
Дыханьем жарким гонишь мой покой?

БЕГСТВО

Ты – островок, хотя зовёшься дачей.
По книгам и танцулькам не скучаю,
Не мудрствую ни над какой задачей,
Ни на какой вопрос не отвечаю.

А хмурых дней и мошкары кусачей,
И прочей чепухи не замечаю.
Земля свежа, в душистое одета…
Живое – здесь, а неживое – где-то…

Зловонный город тонет в дымке чёрной,
А сердце рвётся в тень и аромат
Природы вечно юной, животворной
От раскалённых каменных громад.

Но не в луга, где зной всю зелень выжег,
Не в сад, где каждый прутик мне знаком,
А в глушь лесов, где коренастый рыжик
Горит под ёлкой тёплым огоньком,

Где тайнами лесными пахнет хвоя
И липкая, тягучая смола,
Где залегло раздумье вековое
На каждой ветке каждого ствола.

Брожу я без цели тропинкой кривой
Во власти осенней напевной печали,
Измятые листья смешались с травой,
И звонкие птицы в ветвях замолчали.

Нахмурясь, смеётся, с улыбкой грустит
Прозрачный лесок. В нём теперь не тенисто:
На вздёрнутых шейках берёз шелестит
Последней листвы золотое монисто.

И в сердце привычная нежность жива
К пугливым осинам, шуршащим и пёстрым,
Что вечно полощут листвы кружева,
И к светлым берёзам, родным моим сёстрам.

Легла зима. Запели вьюги,
В пуху лебяжьем спят леса…
Давно звенят на дальнем юге
Птиц легкокрылых голоса,

Но не страшна мне власть мороза,
Зима мне кажется родной,
Она, как Mater Dolorosa,
Склонилась кротко надо мной.

Нет смерти на равнине снежной:
Под снегом – сон живых ростков…
Пробьёт мой час – я буду нежной,
Прорвутся чувства из оков,

Пробьёт мой час – и будет кто-то
Дороже мне, чем я сама…
Моя душевная дремота
Недолговечна, как зима.

Мягче пуха, свежей лепестков
Покрывало безмолвной земли,
Всюду мёртвые волны снегов
И свисающих льдов хрустали.

Иллюзорны мечтанья людей!
Рвёшься к солнцу, а стынешь во мгле…
Серебрятся цветы орхидей,
Листья пальм на оконном стекле,

Но их нежная ткань не жива,
Лжёт холодный серебряный юг:
То обманщик-мороз кружева
Сплёл под посвист насмешливых вьюг.

ДНО ПАМЯТИ («ДОМ ВЕСНИНА»)

Я и тебя люблю, Москва-река!
Но из тумана памяти порою
Являются ко мне издалека
Во всём величьи Волга и Ока
Под нашим домом. Под крутой горою.

В изломах вниз бегущих стен Кремля
Мох зеленеет. Лепятся берёзки.
Необозримы небо и земля –
Раздолье рек… Бескрайние поля…
Лесов заволжских бледные плоски…

Полузабыты милые места!
Но из глубин младенчества с собою
Я унесла виденье: высота
Со мной плывёт, крылата и чиста,
В даль смутную и в небо голубое.

В МУЗЕЕ

Матисс под жирным слоем грима
И угловатый Пикассо
Бросают цепкое лассо
Не на меня. Спешу я мимо…

Картин мне близких здесь немного,
Глазам, не сердцу дорога
И полусумрачность Дега
И многокрасочность Ван-Гога…

А сердцу ближе белоснежный
Берёзок нестеровских стан,
Напевный, мудрый Левитан,
И Демон Врубеля мятежный.

Лишь Айвазовский, вспенив море,
Сроднил меня с волной морской,
Раскрыл передо мной Крамской
Глубины замкнутого горя, –

Будь дважды, трижды атеистом, –
Тебя захватит красота
Его скорбящего Христа
В глухом безлюдье каменистом!

Без нашей радости и муки,
Любви и злости – нет искусств,
Без человечьих сложных чувств
Бесцветны краски, немы звуки…

СТАРЫЕ КНИГИ

Пока вас не коснулись наши руки,
Безмолвными рядами вы стояли,
Напоминая клавиши рояля,
Где дремлют затаившиеся звуки.

Мы голоса великих, как спириты,
Хотим услышать, – но без свеч и блюдца:
Они лишь в книгах буйствуют, смеются,
Грустят, мечтают, – всем страстям открыты.

Смерть в немоту низводят всех подряд,
А здесь – живые с нами говорят!

ЧИТАЯ «КАНДИДА»

Служа казённым вкусам и запросам
За скромный стол и утеснённый кров,
Мы в унисон с вольтеровским Панглосом
Усердно славим «лучший из миров».

Усердно славим, но нескладно строим, –
Темны подвалы, хоть блестит фасад…

Без похвальбы, как дивным тем героям
Нам бог велит возделывать наш сад.

ЧИТАЯ АНАТОЛЯ ФРАНСА

В чужом родное узнаю:
Одни цветут – другие страждут,
Пингвин дурит, Таис – в раю,
А боги жаждут… Боги жаждут…

ВЕЧЕР В ПАРКЕ

Вдвоём, как в сладком полусне,
С тобой бродили мы по парку.
Шли люди, радуясь весне,
Как долгожданному подарку.

Нас жалкий пруд не привлекал,
Колёса смеха не манили,
Гримасы вогнутых зеркал
И клумбы с запахом ванили.

Нам так хотелось поскорей
Уйти поглубже, в шорох листьев,
От мутно-жёлтых фонарей
Свет лунный добела очистив.

Но мы покоя не нашли, –
Молчком и под интим гитары
Вокруг нас шли, всё шли и шли,
И тоже пары, пары, пары…

Свет лунный лился как слеза
По тёмным и по светлым косам,
И льнули девичьи глаза
К приземистым, широконосым…

Любовь – высокий пьедестал,
Любовь – химера ослеплённых…

Здесь каждый необычным стал
От чьих-то глаз в него влюблённых.

Меня смутил сомненья бес,
Мне вечер в парке тайну выдал:
Ты, божество моих небес,
Не мной ли сотворённый идол?

……

Освобождаясь от оков,
Святой Антоний у Флобера
Взирал на глиняных богов,
Что создала людская вера.

На их развенчанную плоть
Смотрел он, бледный и дрожащий,
Взывая горестно: «Господь!
Скажи, а ТЫ? ТЫ настоящий?»

Я не знакома с Гангом и Тибром,
Строф не дроблю, не пользуюсь верлибром,
Не волочусь за шлейфом Коломбины,
Не восторгаюсь бёдрами рабыни,
Не забираюсь в джунгли или дебри,
Чтоб стать подругой тигру или зебре,
Не раздеваю девушек до нитки,
Не ворошу египетские свитки.

На что мне разудалые ковбои,
Муаровые ширмы и обои,
Прокуренной таверны безобразье
И королей прекрасных сероглазье,

В загуле пастушок из-под Рязани
И прочие хмельные пейзане,
Поддельные персидки и турчанки,
Картонные тачанки-ростовчанки,
Флирт королев с кудрявыми пажами,
Пиратский бриг с лихими типажами,
Лиловых негров модные ливреи,
Курильни из Гонконга и Кореи,
Иссохшие факиры, их питоны,
Загробные взывания и стоны,
Затёртые библейские сюжеты
И облака в кальсонах, и манжеты
С растерзанными в клочья кружевами,
Пустыни с бедуинами и львами,
Вулкан страстей, каких не знают люди,
Варяги, скифы, устрицы на блюде,
Креолок тёмно-бронзовых улыбки,
И арфы, и рыдающие скрипки,
И будуары, и кабриолеты,
Цветы в шампанском, шпаги, эполеты,
Святые чётки, грешные бриллианты…

Чтоб чёрт побрал все эти фолианты!!

Мне всё приелось (даже ананасы):
Эпитетов, метафор выкрутасы,
Словесных акробатов пируэты…
Простите несмышлёныша, поэты!

1930

БАРКАРОЛЛА

Всех час заката к вёслам приохотил.
С рекой и песней слиты вечера.
Опять спешит сегодня, как вчера,
За лодкой лодка в тень склонённых вётел,

И, огибая мели и коряги,
Там девушки поют, щека к щеке,
О чём попало, – то об ямщике,
То о костре, о Стеньке, о «Варяге»…

Над головой зелёный свод узорчат,
Ветвей тяжёлых неподвижна вязь,
Но отраженья их, дрожа, кривясь,
В изрезанной воде гримасы корчат…

……

А нас с тобой не увлекает гребля,
И мы скользим тихонько, не спеша,
Не сокрушая стебли камыша,
И зеркало речное не колебля.

Ещё закат в цвету. Ещё не бросил
Последнего бескровного луча…
Как золотая змейка горяча
Под крыльями почти недвижных вёсел!

Как этот час безмолвия чудесен!
От всей души тебя благодарю
За то, что провожаем мы зарю
Без болтовни, без шуток и без песен,

За то, что ты не любишь быстрой гребли,
Умеешь наслаждаться тишиной,

Не трогаешь кувшинки водяной,
Не обрываешь нежных лилий стебли

И не втыкаешь мне их трупы в косы,
Букетов полудохлых не даришь,
Банальных пустяков не говоришь
И редко-редко задаёшь вопросы.

Рассвет сначала бледен, как мертвец,
В нём холод гипса трагедийной маски.
Потом чуть розоват… Лишь под конец
Рождаются в нём праздничные краски, –

Такие краски яркие, что их
Ни в масле не создашь, ни в акварели…
… Грустить ли мне о том, что путь мой тих,
Что чувства и желанья присмирели?

Родной когда-то уголок
Предстал в обличье незнакомом:
Весёлой церкви куполок
Приплюснут взгромождённым домом,
На месте старых тополей
Влачат свой жребий хворостинки…
… И мне сейчас всего милей
Мотив заигранной пластинки,
Что просочился из окна,
Служа нехитрому досугу.
Ему здесь рада я одна,
Как современнику и другу.

Мой критик привередливый, ты прав:
Названия созвездий, птиц и трав
Я знаю плохо. Но разбегу строк
Не нужен атлас или каталог.

В природе видит потрясённый стих
Не частности – всю сопряжённость их,
Не раздроблённо звёздный мир царит,
Когда «звезда с звездою говорит».

Ненастный день. Нам скучно. Мы раскисли…
Шагнуть бы сквозь незримый перевал,
Да унести разбросанные мысли
Туда, где даже прадед не бывал.

Вот тёмный замок грешницы Изольды,
Где башен строй оскалено-зубчат.
Турниры… Менестрели и герольды…
Обычай строг, но чувства не молчат.

Другой набросок: Дом в поместном стиле.
Углы фронтона… Чёрточки колонн…
Когда туда съезжались и гостили,
Звучали экосэз и котильон.

А иногда встают иные тени,
И мчит меня нечаянный каприз
В мир врубелевской сумрачной сирени
И к бледным фижмам сомовских маркиз.

И Дева, и Телец, и Скорпион, и Лев,
И две Медведицы блестят в пространстве чистом.
Тот, кто их смог узнать, на небо поглядев,
Был сущим Пикассо, заядлым модернистом.

ДАВНО МИНУВШЕЕ (мои 16-17)

I

Крутили патефон, мололи вздор
Лукавый, намекающий, игривый.
В любой нежданный час любой Линдор
Мог стать неотразимым Альмавивой,
Нам полагался только лимонад,
Мы о шампанском даже не мечтали,
Но так хотелось пылких серенад!
Так были милы рыцарские дали!

II

Мы не ледышки, – боже упаси! –
Но и не дамы из «Декамерона».
Кто слишком смел, – пощады не проси!
Чем злей наскок, – тем крепче оборона.

Прохладен пробивающийся ключ,
А молодой шиповник так колюч!

III

«драматическое сопрано»

(1940–1946)

Я хочу быть твоей любимой,
Смело встать на твоём пути
И минутой неповторимой
В твою тихую жизнь войти.

Я хочу, чтоб твой голос ровный,
Называя меня, замирал,
Чтоб, бледнея от муки любовной,
Ты в объятьях моих сгорал.

Да, хочу… Говорю впервые
Мне не свойственным языком.
К счастью, эти слова вихревые
Ты не слышишь. Они под замком.

Как празднично блестят чертоги наши!
Дремавший пруд просеребрив до дна,
Закат наполнил бледных лилий чаши
Густым потоком терпкого вина.

Так заиграли красок переливы,
Так вспыхнули в их глубине сквозной,
Что даже ствол полузасохшей ивы
Сверкнул в ответ задорной желтизной.

Средь зелени, спорхнувшей с акварели,
Поёт нам репродуктор вдалеке
О том, как шаловливые форели
Резвятся в серебристом ручейке.
Раскрылись одуванчики нарядно,
А в звонкой песне мельник молодой,
Расставшись с жерновами безоглядно
Рванулся вдаль – вдогонку за водой.

Я тоже бегство праздную, любя
И Шуберта, и солнце, и тебя!

Иван Купала зорям дал раздолье:
Листву взъерошил, травы растрепал.
На всех кустах – пчелиное застолье,
Над каждой лужей – стрекозиный бал.

А папоротник нам искать не надо:
Про клад заветный ненадёжна весть.
Другим цветам, как самоцветам клада,
К восходу суждено расцвесть.

ПРИГЛАШЕНИЕ

Мой садик мал, мой домик тесен,
Но я зову тебя и жду.
В мир сочных трав и птичьих песен
Тебя я гордо приведу.

Введу тебя в мои владенья,
Где я пирую и царю, –
В лесном дворце душистой тенью
Тебя по царски одарю.

И милых клёнов листья-лапки,
И шорох лип, и птичий гам,
И влажных ландышей охапки, –
Всё брошу я к твоим ногам.

Живой родник фиалок милых
Нас встретит брызгами в лесу.
Снежком калинок белокрылых
Тебя, как вьюга занесу,

Всё-всё тебе: скульптурность ёлок,
Летящий вверх сосновый ствол, –
Роскошен мой зелёный полог,
Богат мой пиршественный стол!

Лужайку скатертью цветочной
Я по-хозяйски застелю
И запах леса, пряный, сочный
По кубкам щедро разолью.

Недаром вьются пчёлы и шмели,
На все лады жужжат они недаром:
Все чашечки пирующей земли
Напоены живительным нектаром,

А луг так густо клевером зарос,
И от него так бурно мёдом веет,
Что не слабее выхоленных роз
Благоухает он и розовеет.

Не со мной ты ходишь на охоту,
Не со мной ты споришь горячо,
Ранним утром сквозь полудремоту
Не моё ты чувствуешь плечо.

Для меня твой дом – чужое царство.
Врозь живём, как люди разных каст.
Если захвораешь ты, – лекарство
Не моя рука тебе подаст.

Но когда на мир влюблённым взглядом
Смотришь ты, захвачен листопадом
Или майской зеленью сквозной,
И в часы, когда душа согрета
Тихой песней, строфами поэта, –
Где бы ни была я, – ты со мной!

Какой я покорилась ворожбе?
Каким я околдована Мерлином,
Что все порывы, помыслы к тебе
В полёте устремляются орлином?

Ты слышишь плеск широкого крыла?
Ты сердца моего биенье слышишь?
Так стала жизнь богата и светла,
Как будто ты морским простором дышишь!

Да. Люблю…
Но слащавою ложью
Ни тебя, ни себя не предам.
Не приникну с цветами к подножью,
Не коснётся тебя фимиам.
Ты не стал моим тайным кумиром, –
Не возносит тебя пьедестал.
Просто-напросто всем моим миром
Ты нежданно-негаданно стал.

Хочешь любви безрассудной, шальной,
Дерзкой и вольной, как реки весной?
Знай: не смиренно тебя я люблю!
Реки шумят: «Захлестну… Затоплю…»

У половодья коротенький век,
Но не грусти, дорогой человек!
Если страстям суждено отгореть,
Нежность не даст нашим встречам стареть!

КРЕДО (СИМВОЛ ВЕРЫ)

Атеистка от рожденья,
К неземному холодна,
Многоцветьем Возрожденья
Я навек опьянена.

Страсть к познанью – не рутинных,
А неведомых миров…
Буйство красок на картинах
Вечно юных мастеров…

Обнажённые наяды…
Карнавал… Фламандский пир…
Смех Рабле… Венок «Плеяды»…
Всеобъемлющий Шекспир…

Громозвучный гул органа…
Пасторальная свирель…
И «Венера» Тициана,
И сикстинский Рафаэль…

……

Век Джоконды, Примаверы,
Вихревого бытия,
Враг молитв, губитель веры, –
Вот – религия моя!

Расставшись с асфальтом, расставшись с трамваем, –
Подальше от бдительных глаз, –
Стихи вспоминаем, мотив напеваем:
«Что смолкнул веселия глас…»

Приволжских окраин незваные гости,
Бродяги, почти дикари.
Но с нами – сам Пушкин в вакхическом тосте…
«… Ты, солнце святое, гори!..»

ПОЧТИ ПЕСНЯ

Прочь сомненья. Кончилось ненастье!
Надо мной безбрежна синева!
Если можно умереть от счастья,
Почему же я ещё жива?

Если счастье к небу поднимает,
Почему не в звёздных я мирах?
Если счастье долгим не бывает,
Почему смешон мне всякий страх?

И облака сверкают белизной,
И небо ярко-сине… Неужели
Правдоподобна роскошь этой гжели
И совместима с хлынувшей войной?

ПОПЫТКА ОБЪЯСНИТЬ НЕОБЪЯСНИМОЕ

Есть множество людей приятных и примерных,
Но ординарных и душою небогатых…
… За то люблю тебя, за что в веках пещерных
Любили женщины самцов своих косматых, –

За преданность лесам, чащобам и болотам,
Азарт охотника и страстность рыболова,
Хоть ты – «учёный муж», хотя твоим работам
Сродни серьёзный тон и вдумчивое слово.

За то люблю тебя, что в разговорах светских
О жизни говоришь не в лёгком светском стиле,
А, главное, за то, что у кроваток детских
В приятельских домах – твои глаза грустили…

ЧЁРНОЕ ЛЕТО (1941 года)

Черны и дни и вечера.
И ты не тот, и я не та,
Между «сегодня» и «вчера» –
Огнём прожжённая черта.

Во все сердца, во все дома
Стучится горе. Властный стук!
Мой кубок сказочный сама
Должна я выпустить из рук.

Без сказки жить привыкла я,
Не о моей грущу судьбе.
Растворена вся боль моя
В одном тебе! В одном тебе!

Вдруг чувствуешь: так дух твой изнемог,
Что руки вяло опустились сами,
И горло сжал непрошенный комок,
Готовый хлынуть жалкими слезами.

Ты горбишься, слабеешь, – но тотчас
С души сползает сумрачная дымка:
Прищуром улыбающихся глаз
Любимый смотрит с фронтового снимка.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ты – моя весенняя
Звонкая струя,
Маленькая Ксения,
Ласточка моя!

Горю нет названия,
Страхам нет числа…
Травка моя ранняя, –
Ты меня спасла!

Слёзы вытру насухо,
И не выжмет слёз
Никакая засуха,
Никакой мороз.

Тёплая, хорошая, –
Я храбрей, сильней
С этой хрупкой ношею
У груди моей.

Мой реквием застыл. Нет места рифмам в груде
Бессвязных горьких слов. Не подымая глаз,
В молчании должны встречаться с горем люди…
… Молчанья день настал и для меня сейчас.

Сквозь мельканье километров,
Сквозь пустыню горьких лет
Я на крыльях снежных ветров
Вдаль лечу – тебе вослед.

Ты в землянке полутёмной.
На столе у фитилька
Огонёк мерцает скромный
Трепетаньем мотылька.

Вижу быстрое движенье
Что-то пишущей руки,
Лоб со складкой напряженья,
Серебристые виски…

Непобритый… Чуть колючий…
Ведь кругом – кромешный ад!
У плеча, на всякий случай,
Верный спутник – автомат…

… Но обманчивы миражи!
За столом лишь я сама.
Ни души со мною. Даже
Ни открытки, ни письма…

Солдатский путь суров, тяжёл, –
И кровь, и боль, и ночь без края, –
Но как спокойно ты ушёл,
Меня улыбкой ободряя.

Взгляд добрых мужественных глаз,
Как тёплый свет со мной остался.
В мучительный прощальный час
Ты только слёз моих боялся.

Опять одна… Нет, не одна!
В тот горький час я ощутила:
Как жизнь ярка, как смерть сильна
Со мной любовь – моё светило!

ВЕЧЕРОМ

«Спи спокойно!» – шепнула дочурке.
Злая зимняя ночь настаёт,
Но на низенькой, доброй печурке
Как у Диккенса чайник поёт.

Свет коптилки. Раскрытая книга.
Лист бумаги. Конспектов тетрадь.
Звуки радио. Сольвейг у Грига
Помогает о встрече мечтать…

Я знакома с войной понаслышке,
Я представить могу лишь с трудом
Огневые, зловещие вспышки,
Вражских мин разрушительный гром.

Там, где битвы упорны и бурны,
Затерялся далёкий мой друг,
И не в силах я слушать ноктюрны,
И тетрадь выпадает из рук.

В письмах правду мы кутаем ватой,
Друг от друга тревогу таим…
Но невольно себя виноватой
Сознаю перед счастьем моим:

Ты измучен солдатской судьбою,
Тяжки дни фронтового пути…
Я – далёко. Не там… Не с тобою…
Мы не вместе… Прости мне! Прости!

В ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ

В воскресный день растрёпаны и жалки,
В лохмотьях, – а мороз январский лют! –
Снуют по рынку смуглые гадалки
И по дешёвке счастье продают.

А девушка и полчаса, и больше
Не чувствует, как жжёт её мороз.
Он старшина… Он ей писал из Польши…
Чего ей ждать? Свиданья? Горьких слёз?

Кипят бои. Опасности велики,
Чужая неприветлива земля…
Ни бубен, ни червей, лишь пики, пики
Зловеще окружили короля…

Зато старушка рада: сон разгадан,
Напрасен страх, – всё кончится добром!

Спешит другая в церковь. Тлеет ладан,
Иконостас играет серебром.

Болит спина. Рассыпалась причёска.
Молитвам и поклонам нет числа.
Ей кажется, что свечкою из воска
Сыночка своего она спасла.

И вечерами после той молитвы
Глаза бедняги радостно горят:
Господь ему оплот. На поле битвы
Его не тронет вражеский снаряд,

Над ним простёрты ангельские крылья…
Гадают люди. Рвутся к алтарю…
…Лишь я в тоске кляну своё бессилье
И на старушек с завистью смотрю.

Мои лампадки с детских лет разбиты,
Заброшен суеверий островок,
И в шёпоте базарной Карменситы
Мне не найти лекарство от тревог.

Но часто по ночам, когда не спится,
И днём, когда тревоги полны дни,
Так хочется кому-нибудь молиться:
Спаси его! Спаси и сохрани!

Снежинки вьются, ласковы и плавны,
И плавно в тень уходят. Ночь близка.
Бессмертным плачем древней Ярославны
Звенит моя сердечная тоска.

Она летит – посланница живая –
Вслед за тобой, в чужие города,
Ко всем стихиям горестно взывая,
Чтобы тебе не делали вреда.

Кругом чужие реки, полны ядом,
Дома чужие и чужая речь…
Не я, лишь боль моя с тобою рядом,
Бессильная помочь, предостеречь.

Земля врага – прообраз лютых мачех
Из вещих сказок… Заслонить! Спасти!
Согреть прикосновеньем рук горячих,
Шепнуть: «Родной…». Взмолиться: «Не грусти!»

Сейчас мне не с кем обменяться словом.
Бывают дни – я прячусь от людей.
Трепещут хлопья в сумраке лиловом,
Как крылья всполошённых лебедей.

ЧИТАЯ К. СИМОНОВА

Мне чудится, что с собеседником незримым
Веду я разговор, волнуясь и любя,
Что почерком твоим, родным, неповторимым,
Написаны стихи «С тобой и без тебя».

Здесь вижу боль твою, солдатский путь, землянку…
Ты так же горячо твердишь мне в письмах: «Жди!»,
Мечтая, что и я, проснувшись спозаранку,
От счастья всхлипнула, прильнув к твоей груди.

Твой голос узнаю я в голосе другого,
И в лирике чужой – тон твоего письма,
Такого нежного, душевного такого…
…Но отнят голос мой: В. С. была нема.

САРАТОВ. ПЕДИНСТИТУТ. 1944 год

Холод льётся от пола, от стен,
От портфеля, от книг, от тетрадок.
Холод властно берёт тебя в плен,
Давит грудь, как сердечный припадок.

Помутнело на окнах стекло, –
Как, бывало, в промёрзшем трамвае, –
Белым пухом оно заросло,
Солнце пряча и небо скрывая.

Чёрным призраком в рыжих горшках
Стали мёртвые пальмы-южанки…
…Лица девичьи, в душных платках,
Нахлобучены низко ушанки,

Все в тулупах, – в мужских валенцах,
Точно сам Дед Мороз на картинке…
Из застывших чернильниц в сердцах
Вытрясая лиловые льдинки.

Спотыкаясь, скрипя и спеша,
Дружно трудятся перья-страдальцы.
Кто-то бросил тетрадку, дыша
На опухшие красные пальцы.

Кто-то стиснул перо на авось
Кулаком в меховой рукавице,
Чтоб аршинными буквами, вкось,
Но тянулась строка по странице.

Полудетские эти сердца
Знают горе. У каждой утрата:
Вот у этой убили отца,
А у той – искалечили брата.

Нашей бывшей певуньи жених
Как ушёл, не черкнул ей ни строчки,
И в глазах голубых, озорных
Не блестят уж лукавые точки.

Подурнела. Румянец поблек,
Улыбается вяло и редко
Бедный мой полевой василёк!
Дикой яблони тонкая ветка!

Нелюдима, угрюма зима,
Мрачен дом с ледяными углами, –
А у многих в деревне дома,
С жаркой печкой, где плещется пламя.

Там привычный уют. Там родня,
Хлопотливая, добрая мама…
Но, уйдя от тепла и огня,
Они учатся. Жадно. Упрямо.

Пусть царит вездесущий мороз!
Цепкий холод и ветер сердитый
Но мешает им страстно, до слёз,
Сострадать Дездемоне убитой.

Их волнуют Гаврош и Кристоф,
Хрупкость Вертера, доблесть Роланда,
Горечь скрытая гейновских строф,
Звёздный путь непреклонного Бранда,

Мудрый Данте, что твёрдой стопой
Погружался в казнящие недра,
И Матильда – «Цветок голубой»,
И любовью сожжённая Федра.

Пусть ваш облик нелеп, неуклюж, –
Не согнут вас лишенья и беды!
Чистый свет этих глаз, этих душ –
Свет зари нашей близкой победы.

Как запад сегодня малинов!
Быть буре! – твердят старики.
Под тенью лесных исполинов
Нахмурились воды реки.

Они под надёжным укрытьем
От ветров, от злых непогод.
Деревья! Как хочется жить им!
Их много в час бурь упадёт.

Река, защищённая лесом,
Бушуй, свои волны плещи,
Не спи под зелёным навесом,
Под тканью живого плаща,

Всей плотью вскипи молодою,
С деревьями труд раздели,
Насыть животворной водою
Все корни родимой земли.

Противься стихиям взбешённым,
И буря замрёт вдалеке,
И лес-богатырь отражённым
Воспрянет в притихшей реке.

НА ПОВОРОТЕ СОБЫТИЙ

Кто верит в вещий сон, в мистические числа,
А я – в созвучья слов, исполненные смысла:
Орёл крылат, могуч, для клеток не рождён…

Как празднично звучит: «Орёл освобождён!»

ПОЧТИ РОМАНС

Своей Звездой меня ты не зови, –
На небе звёзд не счесть и не измерить.
Как отличишь звезду своей любви?
Как в постоянство мне твоё поверить?

Но с Солнцем тоже не ровняй меня.
Его лучи томительны и жгучи.
Не ты ли сам, июльский зной кляня,
Уходишь в тень и радуешься туче?

Сердечнее звучит «моя Луна!»
Но смысл обидный я ловлю и в этом:
Не так уж я бледна и холодна,
Чтобы мерцать чужим, заёмным светом.

Я не Луна, не Солнце, не звезда…
И если мне планетой зваться надо,
Зови меня Землёй, – как я тогда
Гордиться буду! Как я буду рада!

Люби меня, как любишь ты леса,
Как дом родной, как мягкий шелест нивы,
Как ширь лугов, как птичьи голоса,
Как вольных рек свободные извивы.

Здесь маки рдели. Там сирень дышала.
Но сад разрыт. Обуглилась изба…
Зато цела, припрятав злое жало,
Густой крапивы тонкая резьба.

Ей солнце друг. И ветер её товарищ.
Ну как её, гордячку, не любить!
Упрямо зеленеет средь пожарищ,
Себя не позволяя истребить.

Как радуется сердце ей, колючей,
Предчувствуя, что скоро рядом с ней
Цветы садов, забыв про скорбный случай,
Раскинут вновь лучи своих огней.

Пышноволосый и широкоплечий,
Дуб на горе стоит, как исполин,
Как богатырь могучий перед сечей
Из древних песен, дедовских былин.

Снаряды здесь гремели и свистали,
Всю землю у корней его разрыв,
Безудержный поток огня и стали
К нему стремил свой яростный порыв.

Но, не страшась ни смерти, ни увечий
И охраняя мирный труд долин,
Пышноволосый и широкоплечий
Держался дуб, не дрогнул исполин.

Он словно говорил: «А ну, попробуй
Согни меня! Попробуй, сокруши!»
Вот он стоит – упрямый, крутолобый,
Не растрепав ни листьев, ни души.

НАД ВОЛГОЙ

Не блеском ледяных оков,
Разбитых солнечной весною,
Не бледным золотом песков,
Не гор прибрежных крутизною

Священна волжская волна,
Не славной древностью преданий, –
А тем, что нам возвращена
Ценой немыслимых страданий.

Родная Волга! Ты свята
Героев жертвенной любовью,
Чья кровь горячая слита
С твоей холодной чистой, кровью…

…От битв последних далека,
Как символ чести и свободы,
Струит могучая река
Свои медлительные воды.

НОВОГОДНИЙ ТОСТ

До гор Кавказа шла разруха,
До волжских вод дымилась кровь,
Но не слабели твёрдость духа,
Надежда, ненависть, любовь.

Мы пережили год суровый,
Душил нас голод у Невы,
Встал враг железною подковой
У сердца нашего – Москвы.

Но варварским не дался ордам
На Красной Площади парад!
Несокрушим в величьи гордом
Гранитный, строгий Ленинград!

Любя и веря, – мы на страже, –
Хранить та вера помогла
Кариатиды Эрмитажа,
Святыни Царского Села.

Дворцы метро, где так бесплотны
Колонн взлетающих ряды,
И Третьяковские полотна,
И ереванские сады.

Во всех сердцах решимость крепла
Отмстить за муку детских глаз,
За горы трупов, груды пепла,
За развороченный Донбасс.

Людей на подвиг поднимая,
Творит и борется страна,
Грозой Симфония Седьмая
У Шостаковича полна.

В боях, у самой пасти смерти,
В полях, где плечи ломит труд,
И на станке, и на мольберте
Оружье мощное куют.

Там, где цветут мимозы Крыма,
Там, где в снегах гудит тайга,
Безудержно, неотвратимо
Оно преследует врага

……..

Сейчас вступаем в сорок пятый.
Год сокрушительных побед!
Он врезан бронзовою датой
На мраморе грядущих лет.

В рывке стремительном, орлином
Герои знамя вознесут.
Пусть полыхает над Берлином
Пророча беспощадный суд!

АПРЕЛЬСКОЕ УТРО

(Дочке)

Проблеск солнца к нам прыгнул из окон,
На полу рассыпаясь в квадраты.
Я целую взъерошенный локон.
До чего мы сегодня лохматы!

Не пора ли нам выстирать платье
Твоей старой замызганной кукле?
Буду кашкой её угощать я,
Расчесать ей попробую букли.

Хорошо на садовой дорожке…
Встань! Прильни ко мне тельцем горячим!
Станет мокро, – наденем калошки.
Из-за дождика мы не заплачем!

Суматошной будет радость встречи…
Закружится мигом голова, –
Как бессвязны будут наши речи,
Как смешны и сбивчивы слова!

Почему-то взгляд твой станет влажным,
Почему-то дрожь в моих руках…
Захочу спросить тебя о важном,
А начну болтать о пустяках.

Все черты привычны нам и новы,
Как у пьяных помутится взгляд,
Все вопросы будут бестолковы,
Все ответы будут невпопад.

Наша встреча для чужого взора
И нескладной будет и смешной,
Но цветы морозного узора
Заблестят тропической весной,

А когда, волнуясь, мы друг друга
Горячо и жадно обовьём,
Шум дождя ли, зимняя ли вьюга –
Зазвенит, засвищет соловьём.

МАЙ 1945 ГОДА

Война убита. Зарево победы –
Весна в весне. Бескрайняя весна!
Забыты водянистые обеды,
Мрак чёрных улиц и ночей без сна, –

Всё позади – с любимым расставанье,
Озноб тревог, отчаянье утрат,
Надрывное сирены завыванье,
И дым печурок, и коптилок смрад.

Знамёна реют. Цвет их жгуч и ярок,
В них трепет волн и летних зорь лучи…
… Вдруг радость меркнет.
Меркнет, как огарок
Оплывшей и истаявшей свечи:

Так много лиц безглазых и безносых,
Скрипят, стучат протезы, костыли…
Рукав пустой, как тряпка. На колёсах
У наших туфель в уличной пыли –

Обрубок человеческий безногий…
… Для этих продолжается война,
И твёрдо знаешь, – с ужасом, с тревогой, –
Что никогда не кончится она.

Нет, равнодушно, точно нам нет дела,
Мы не пройдём вдоль улиц и аллей,
Не видя изувеченного тела,
Не замечая стука костылей!

Был человек в обличьи человечьем,
Здоров и крепок, молод и любим, –
За праздник наш он заплатил увечьем…
Мы жалостью его не оскорбим!

Бессмертной славой, гордою любовью
Мы окружим родные имена,
Тех, кто от рабства оградил нас кровью,
Тех, для кого не кончилась война.

ПРАЗДНИЧНЫЙ ТОСТ

Туманы времени густые
Потомки властно разорвут,
Родятся новые Толстые,
И наши тени оживут.

Пройдут года, – и наши чувства,
Раскаты гнева, боль обид
В шедеврах нового искусства
Поэт далёкий воплотит.

Вам – люди света и свободы –
Я завещаю песнь мою,
Слагайте гимны, пойте оды,
Которых я не запою.

Не льётся песня по просторам
Закрыта крепко на засов,
Я не солью мой голос с хором
Стандартно-льстивых голосов.

Восторгов шумных ураганы
И славословья сладкий чад…
… Когда усердствуют Реганы,
Уста Корделии молчат.

Прочь рифмачей однообразных!
Поднимем праздничный бокал.
Чтоб ярче россыпей алмазных
Свободный гений засверкал!

Звенит любовь ручьём певучим,
Когда тебя я обнимаю.
Зачем же мы друг друга мучим?
В чём наш разлад? Не понимаю!

Вся жизнь в приливах и отливах, –
То схватит страх. То хлынет счастье.
Ловлю во взглядах молчаливых
То страстный зов, то безучастье…

Так видим мы в речных глубинах
Под рябью волн, в тиши подводной
И трепет крыльев голубиных,
И тёмной бронзы блеск холодный…

Свинцовой, мёртвой стала гладь реки –
Ещё вчера живая, голубая,
И первый снег засыпал лепестки
Последних астр. Безмолвно погибая

Они хотят дышать, хотят цвести
И тянут вверх морозом опалённый
Нарядный венчик, стебелёк зелёный…
…Любовь моя, весна моя, прости!

Вчера вы все смущённо замолчали,
Увидев, что сама я не своя.
Рассеянность мою, порыв печали
Простите мне, любимые друзья!

В беде моей не вижу я отдушин,
И все мои ответы невпопад,
Лишь от того, что на меня обрушен
Садов цветущих пенный водопад.

Любовью обойдённая, могу ли
Убить её, проклясть её, когда
О ней одной жужжат в весеннем гуле
Земля и солнце, воздух и вода.

ПОЧТИ БАЛЛАДА

Рос клён зелёный на просторе,
Расправив ширь могучих плеч,
Себе на муку и на горе
Он вздумал молнию привлечь.

Глазами дикими сверкнула
И своенравна, горяча,
С размаху старый клён хлестнула
Всей силой жгучего бича.

Истерзан, чёрен ствол угрюмый.
Не зеленеть ему вовек…
Но ты тем клёном быть не думай,
Будь человеком, человек!

Пей радость жизни чашей полной,
Порывов бури стань сильней,
Стерпев ожог разящих молний,
Встряхнись, – и вновь зазеленей!

Нет беды в размолвке, бурной ссоре,
И разлука тоже не беда.
У любви одно есть злое горе:
Лишней стать, как в поле лебеда.

Светел мир, когда необходима
Ты тому, кто стал твоей судьбой,
Страшно жить, когда спешит он мимо,
Не решаясь встретиться с тобой,

И, забыв о всех мечтах вчерашних,
Смотрит хмуро, будто незнаком,
Будто я кажусь на прежних пашнях
Уж не хлебом жизни – сорняком.

При солнце даже капли на былинке
Сверкают, точно грань алмазов чистых,
И безнадёжно серые пылинки
Горят светлей созвездий золотистых.

В лучах любви мы благородней, чище,
Умрёт любовь – мы мелочней и суше,
С ней мы богаты – без неё мы нищи…
Как уберечь от тлена наши души?

Нет, нет, – вернуться не прошу я,
Не от тебя с волненьем жду ответа:
Как душу полноценную, большую
Мне сохранить без солнечного света?

Любовь живёт в бурливых красках,
Любовь не летняя заря,
Её мы познаём не в ласках,
Себя любимому даря,

Не там, где песня льётся звонко,
Где все цветы тебе к лицу,
Не там, где с трепетом ребёнка
Подносит мать его отцу…

Кто бьётся, кто ломает руки
В глухой тоске, – тот знает страсть.
Мы познаём лишь в час разлуки
Любви всесильной зов и власть.

Нет чести в жалобах, в укоре, –
Позор мешать другому жить!
Ты любишь? Значит, сможешь горе
Молчаньем гордым задушить,

Обиды горькой не покажешь,
В слезах не бросишься на грудь.
Сковав себя, негромко скажешь:
«Пусть будет так. Прощай. Забудь».

Потом ты стынешь… Цепенеешь…
И мрак кругом… И ты одна…
Но лишь тогда сказать посмеешь:
«Как смерть, любовь моя сильна!»

Чтоб устыдилась, чтоб была не вправе
Его кольнуть заслуженным упрёком,
Мизгирь припомнил горестной Купаве,
Скользнув по ней высокомерным оком,
Её грехи: «…Любила без оглядки,
Обеими руками обнимала…»

И я с любовью не играла в прятки,
Хоть знаю жизнь… И книг прочла немало…

Когда ты счастлив, блёклая трава
Тебе шуршит о юности, о лете,
И золотая, мёртвая листва
Поёт о золотящемся рассвете.

С любых кустов любые рвёшь цветы
Беспечно, без боязни уколоться,
А ночь бросает звёзды с высоты,
Со дна реки, из лужи, из болотца…

Когда грустишь и плачешь, – всё не так:
Весны боишься, осень ненавидишь,
И звёздной ночью видишь только мрак,
И вместо роз одни шипы ты видишь.

Когда нам плохо, – даже свет не бел,
И блики солнца дымкою задеты…
Как заунывно жаворонок пел
Над крышами Вероны для Джульетты!

Идя путями фронтовыми тяжкими,
Ко мне ты рвался, как к родному дому,
Но отдал всё за личико с кудряшками,
Похожими на бледную солому,

За милое бесцветное создание.
– Как сил хватило молча отшатнуться,
Стерпеть, понять?
– Спасло меня сознанье:

Ты здесь! Живой!
– А мог и не вернуться…

Отцвело и конец… Та, другая, умней, –
Признаю с неотступною болью, –
Растворилась в тебе, стала тенью твоей…

Я бы с этой не справилась ролью!

Всё обошлось без бурь и без истерик.
Тонула я, но из опасных ям
Меня живою вынесло на берег
На радость перепуганным друзьям.

Всё обошлось. Но я не верю чуду.
И страшно мне: ведь много долгих лет
На скованной руке носить я буду
Невидимый гранатовый браслет.

Как камушку тепло на солнцепёке!
Ведь день за днём всё жарче, горячей
К нему стремятся щедрые потоки
Золотоносных солнечных лучей,

Его голубя, нежа и лаская,
К нему текут с лазурной высоты…
Чуть колыхаясь, как волна морская,
Льют аромат медвяные цветы…

Но не ценя лучей и ароматов,
И белым днём, и ночью голубой
Всегда уныл, всегда бесцветно матов
Тот камушек, и тусклый, и слепой.

Зато сверкнёт, как хризолит блестящий
Вода живая в трепете листка.
Когда лучи, прорвавшись в сумрак чащи,
Росистых трав касаются слегка.

Вот почему, – как золота крупинки,
Минуты счастья в памяти тая, –
Беззлобно я сошла с твоей тропинки,
Вчерашняя соперница моя.

Ни ревности, ни зависти не зная,
Твоё я принимаю торжество
И на него вовек не променяю
Короткий проблеск счастья моего.

Бились в стёкла осенние капли…
Твой нежданный приход был жесток!
Я шутила. Лишь руки ослабли, –
То, дрожа, теребили платок,
То висели, как жалкие плети,
А могли бы так крепко обнять…

… Но тому, кто родней всех на свете,
Не дано было это понять!

Смеялся, искрился прибой
На резвых крыльях волн певучих,
Пока лучистый, голубой
Небесный свод не скрылся в тучах…

… Игра воды усмирена
Ненастной тучей темнолицей,
И своевольная волна
Лежит подстреленною птицей.

Любовь – и высота, и крутизна.
Там спуска нет по тропочкам пологим.
Неосторожным пропасть суждена,
И многие приносят горе многим.

В моей такой обыденной судьбе,
Мне некого винить… Упрёки – мимо…
Но как посмел ты изменить себе?
Невероятно! Непереносимо!

Тебя измучило моё
Неугомонное начало.
Ты выбрал пастораль. Житьё
В затоне тихом. У причала.
Мы видим часто, там и тут:
В контрастных связях нет разлада, –
Смиренных любят, к робким льнут
Мужи джек-лондонского склада.

Но мне казалось, дорогой,
Ты не такой, как все… Другой…

Давно ль над прудом золото волос
Расчёсывала ива – Лорелея?
Опали кудри с ивы и с берёз,
Под грузом их хрустящим спит аллея.

Как на старинном тёмном серебре
С поникших веток стёрлась позолота, –
Ромашки почернели на горе,
Засохли незабудки у болота.

Скорей бы все желанья отцвели, –
Весенняя, непрошенная нега, –
И лёг на грудь горячую земли
Холодный пласт безжизненного снега…

ПРОЩАЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Устав от фронтовых кровавых драм,
Ты захотел покоя и уюта.
Желанней стала тихая каюта.
Чем палуба, открытая ветрам.

Любовь моя всё стерпит, всё простит.
Живи в скорлупке жизнью незаметной!
Но помни: горькой старостью бездетной
Судьба за малодушье отомстит!

ПОД СТУК КОЛЁС
(ПРОЩАНЬЕ С САРАТОВОМ)

Я здесь пережила лихие беды.
Сирен ночных взыванья были люты!
Но здесь же надо мною в час Победы,
Как брызги солнца, искрились салюты.

Здесь я впервые жизнь дала ребёнку,
Дочурку к сердцу трепетно прижала.
Здесь комкала и мяла «похоронку»,
Которая впилась в меня как жало.

Здесь я была любима и любила
Впервые в жизни – до самозабвенья…
Но это волшебство мгновеньем было,
И в прах распались золотые звенья.

Нет, ни в краю сугробов и ненастья,
Ни на цветущем юге, возле моря,
Судьба мне не дарила столько счастья,
Не насылала столько злого горя!

Мой город вихревой! Не оттого ли
Тебя со сложным чувством оставляю
И в час прощанья с сердцем полным боли
Тебя кляну! Тебя благословляю!

СТАЛИНГРАД – 46

Погибших не вернуть и не забыть…
Но разбомблённый город снова ожил.
И на вопрос, что Гамлета тревожил,
Из-под развалин отвечает: «Быть»!

Пусть воскресают наши города,
На пепелищах возводя гнездовья,
И пусть судьба сиротская и вдовья
Минует всех. Навеки! Навсегда!

IV

«меццо»

(1947–1977)

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

Жизнь идёт. От тебя я теперь далеко.
Ты чужой. Так решила сама я.
И ты видишь – меня надломить нелегко,
После бурь я, как прежде, прямая.

Снова вольно дышу, и просторен мой путь.
Жизнь щадит меня, даже балует,
Но никто мне не хочет в глаза заглянуть,
И никто не звонит, не целует.

Мой румянец поблек. Поседели виски…
Что поделать? Должно быть, старею!
Так наполнены дни, что не знаю тоски,
Дружбой сердце спокойное грею.

Видно, больше не встречу души мне родной.
Понемножечку вырастут дети…
…«Я стою на вершине… Мне страшно одной…» –
Так поётся в одной оперетте…

ГОРОДСКИЕ ПРОГУЛКИ

Фонтанами, ротондами и арками,
Округлой кроной бритых тополей
Нас манят парки. И любуясь парками,
Мы бродим вдоль ухоженных аллей.

Но мне не по душе, когда линейками
Расчерчена зелёная краса.
Весь гладкий парк с удобными скамейками
Отдам я за лохматые леса!

……..

Гармонию ампира совершенного
За плавность линий я люблю и чту,
Но кутерьму Василия Блаженного
Всем зданиям московским предпочту!

ЛИСТОПАД

Леса в тёмно-зелёном шёлке
Крепились из последних сил,
Но ветер из цветной кошёлки
Монеты листьев раструсил.

Где свежесть зелени пахучей?
Смотрю и вижу, – все подряд
Деревья леса, – грустный случай! –
Оделись в нищенский наряд.

Где пышных крон великолепье?
Ольха над ржавою травой
Склоняет рваные отрепья,
Сиротской никнет головой.

Вот клён в оранжевых заплатах,
Осин цветные лоскуты,
С берёз, трепещущих, крылатых,
Рвёт ветер пёрышки-листы.

Как ивы грустны и плакучи!
Что ивы! Плакать их удел,
Но над рекой, на самой круче
И тополь статный поредел.

Дрожь листьев на воде, – как блики
На тёмном бронзовом щите…
Мои деревья! Как велики
Вы в вашей гордой нищете!

Я вашим кланяюсь лохмотьям,
У вас учусь беду встречать.
И щедрых красок полноводьем
На все невзгоды отвечать!

КРОПОТКИНСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Нам всем авторитетно разъясняли:
Не место здесь громаде неуклюжей!
И, чтоб Москву украсить, заменили
Могучий контур подогретой лужей.

Как же я страшилась доли брачной!
Участь жён мне представлялась мрачной,
Ужасал меня домашний быт…
Страх мой детский мною не забыт.

Поделом судьба меня карает!
Одиноко сердце догорает.
Лишь две пары милых детских глаз
Льют тепло мне в душу и сейчас.

Спит притихший ангелочек, –
Баю-баюшки, баю, –
Я его без проволочек
Восхвалю и воспою.

Сломан конь. Замызган мишка.
Сколько пятен! Сколько дыр!
А ручонки! А носишко!
Где ты, строгий Мойдодыр?

Мы отвыкли от порядка:
Вскочит, – мигом в коридор.
За щекою шоколадка,
В хохолке – лихой задор.

Всем чертям бросает вызов,
Бьёт во все колокола,
Топот… Визг… Букет капризов…

Я сама такой была!

Весна деревьям головы вскружила,
Цветут сады, без края, без конца,
Всё зеркало реки запорошила
Прибрежных вётел жёлтая пыльца.

Красуйся лес, в пушинках и серёжках,
Песнь радости пропой, прошелести…
Все сорняки цветут на всех дорожках, –
Как тут и мне душой не расцвести!

Как сладостно кружилась голова!
Мечты сияли утреннею зорькой…
Но осень вновь войдёт в свои права,
Они умрут, оставив привкус горький.

Мечты мои! Вы терпкие плоды
Манящей и обманчивой рябины,
Что озаряют блёклые сады,
Играя и пылая, как рубины.

Вы лживы, гроздья, полные огня!
Как летний день, вы красочны и жгучи,
Но осень хмуро смотрит на меня,
Сгоняя свет и нагнетая тучи.

МОИМ СВЕРСТНИЦАМ

Когда деревья плодоносят,
Им лепестков уже не надо:
Они без грусти переносят
Удел свой – отцветанье сада.

Дать сок плодам и нам отрадно,
Но этой радости нам мало:
Хотим цвести, цвести нарядно, –
Пока нас вьюга не сломала!

МОЛИТВА

С советами друзей считалась мало
И не всегда я слушалась рассудка, –
Тебе лишь, Мать-Природа, я внимала,
Одной тебе всю жизнь внимала чутко.

Я не всегда бывала осторожна,
Покорная твоей могучей власти:
Забьётся сердце жарко и тревожно, –
Я без оглядки шла навстречу страсти.

Есть жизни, словно гладкая аллея,
Всё ровно в них, прямых, как щель канала, –
Но о своих ошибках не жалея,
Тебя, Природа, я не проклинала.

Весну, мою весну умчали годы,
Умчали лето, осень золотую, –
Зачем же против Матери-Природы
Наперекор привычке я бунтую?

Дохнуло стужей. Тучи загустели,
Лицо помяв и накидав седины,
Как в зимний воздух – порошок метели,
В речной поток – непрошенные льдины.

Уходит жизнь. Старею год от года.
Что делать с сердцем, жарким и мятежным?
Сдержи мой бунт строптивый, Мать-Природа,
И научи мириться с неизбежным!

Спит земля пустая, заснежённая,
Спит под снегом листьев мёртвый хруст,
Сиротливо ветки обнажённые
Клонит книзу придорожный куст.

В эти дни ноябрьские, предзимние
По-январски воздух свеж и чист, –
Но порой вдруг глянет из-под инея
Неподвластный ветру цепкий лист.

Всё бело кругом, – он смотрит зелено,
Всё заснуло, – он сгоняет сны,
Но цвести цветам зимой не велено,
И его минуты сочтены.

Почему ж не снег в стихи мне просится,
А борьба последнего листа?
Почему слова не произносятся:
«Здравствуй, осень, и прощай, мечта»?

Сирень не расцветёт, когда кустарник стар.
Глубокой осенью фиалкам не цвести…
Не смею никому, как некий ценный дар,
Одну подсохшую листву преподнести.

Весна и молодость мелькнули как во сне,
Но не забыты мной те огненные сны,
И хочется запеть, как в опере Масснэ:
«О не буди меня, дыхание весны!»

О ПЕСНЕ

В вечерний час, когда легли туманы
И воздух стал по-сказочному бел,
Когда разлился запах трав медвяный, –
Девичий голос песню вдруг запел.

Хорош ли, плох ли был чужой тот голос, –
Не знаю я. Но он звенел тоской,
То рвался вверх, как золотистый колос,
То, как туман, стелился над рекой.

И вдруг – сломалась песня, как соломка,
На полуслове замерла, звеня…
Её сама допела я негромко,
Чтобы она не мучила меня.

А песнь моя? В ней много слёз и крови,
Но кто её, бедняжку, допоёт,
Когда её судьба на полуслове
Безжалостно и грубо оборвёт?

Крадётся ночь угрюмой тенью,
Мрак неуступчив и жесток, –
Но отдан первому смятенью
Огнём охваченный восток.

И ночь напрасно хмурит брови,
В туманы кутается зря:
Живым биеньем жаркой крови
Сквозь мрак прорезалась заря!

ПОСЛЕ СПЕКТАКЛЯ

Небо июньское чуть лиловато,
Тронуто мягкой серебряной тенью…
Что это? Грустная бледность заката?
Что это? Утренней зорьки рожденье?

Чутко внимаю ветвям шелестящим,
Шёпотом листьев, почти незаметным…
Листья прощаются с днём уходящим?
Иль говорят с ветерком предрассветным?

В первый раз в жизни мы вместе, мы рядом, –
Я не решаюсь тебе улыбнуться,
Выдать боюсь себя голосом, взглядом,
Страшно руки ненароком коснуться.

Близкий сегодня, – ты как сновиденье,
Завтра уйдёшь навсегда, без возврата…
Что это? Утренней зорьки рожденье?
Нет! Это горькие краски заката!

Срезать цветы, срывать их не люблю!
Пусть это розы, мак, желтофиоли, –
Они бессильно никнут к хрусталю,
И сок на их стеблях, – как слёзы боли.

Букет мой свеж, но мимо воли взгляд
В нём ищет краски, тронутые тенью,
Цветы струят чистейший аромат,
Но в нём сквозит и слабый привкус тленья…

Раскрылся венчик. Радужный такой!
Но ненадолго. Злая неизбежность…

… Ещё печальней – собственной рукой
Срезать едва раскрывшуюся нежность:

Пусть молча вянет, как цветы в бокале:
На смерть издревле грешниц обрекали!

НА УЛИЦЕ

Я женщину встретила. Ниточкой брови,
В кудряшках, как в медном венце,
И губы пылали, как капельки крови,
На жалком поблёкшем лице.

На вычурной шляпке – кокетливый бантик…
Прохожим, конечно, смешно.
Одной лишь тебе, перезрелый романтик,
Над нею смеяться грешно.

Бедняжка, увы! Не обманешь природы, –
Весна твоя – в царстве теней…
Но разве стихи сочинять в наши годы,
Спешить на свиданья – умней?

Ведь знаешь и помнишь, – огня было много,
Остался лишь пепел и дым,
Пора с добродушной улыбкой дорогу
Теперь уступить молодым.

И знаешь и помнишь, и помнишь и знаешь, –
А всё-таки больно до слёз,
И рвёшься к теплу, и весну догоняешь, –
Но путь преграждает мороз.

Пускай же накрашена ты неискусно,
Пускай твоя шляпка пестра, –
Смотреть на тебя не смешно мне, а грустно,
Моя дорогая сестра!

В ЭРМИТАЖЕ

Пронизан жемчуг лунною прохладой,
Рубины пламенеют, как ожог,
Здесь рядом с беломраморной наядой
Чернеет древней Африки божок.

Здесь возле смуглых богородиц
И розовых, улыбчивых мадонн
Вздремнул индийский костяной уродец
И строит глазки пухлый Купидон.

Пастушка из фарфора рядом с бонзой,
Близ гобеленов – шпаг старинных сталь,
Как бы порхая над массивной бронзой
Снежинкой лёгкой, – искрится хрусталь.

……

Попробуй, сердце бедное, хоть раз ты
В себя впитать и унести с собой
Всех этих красок звучные контрасты,
Всех этих форм волшебный разнобой!

ДОЧКЕ

1

Люблю тебя за то, что ты моя.
Ещё сильней за то, что ты – не я,
А человечек с собственной судьбой.
Как слитны, как раздельны мы с тобой!
Я – ствол твой по закону естества,
Ты – шелест веток… яркая листва…

2

Взрыв новостей! Вопросов масса!
Как вихрь, примчалась ты из класса
И щедро делишься с роднёй
Пытливостью и болтовнёй.

Косички превратятся в косы.
И загрущу я в тишине:
Теперь ведь все рассказы и расспросы
К подружкам хлынут. Не ко мне…

3

У девочки моей плохая мать:
Ни платья сшить, ни уложить ей косы,
И не всегда умеет понимать
Её раздумья, чувства и запросы.

Мечталось мне: она – вторая я,
Черты отца я отыщу в ней тоже…
Но вижу, – своенравная моя
На нас обоих не совсем похожа.

Не увлеченья наших юных дней, –
Другое что-то сердце ей тревожит,
И память о годах весны моей
Понять мою дочурку не поможет.

Будь счастлива! Всю жизнь тебе отдам,
Откроешь ли доверчиво мне душу,
Или замкнёшься… Верь своим мечтам!
Не я спугну их и не я разрушу.

4

Пушистый шёлк взлохмаченной головки,
Блеск бойких глаз, где не гостила грусть,
Все хитрости твои и все уловки
Пока ещё я знаю наизусть.

Жизнь для тебя нова, необозрима,
Мир непонятен, сложен, незнаком, –
То, ценного не видя, мчишься мимо,
То страстно увлечёшься пустяком.

Но кто тебя назвать посмеет глупой?
Жизнь рухнула лавиной на тебя, –
Вглядись в неё, услышь, вдохни, ощупай, –
Я отойду, волнуясь и любя.

Плывёт кораблик к неоткрытым землям
Извилистым и путаным путём…
Хочу помочь, – совет мой неприемлем.
Пусть будет так! Потерпим… Подождём…

Я знаю, – не успеем оглянуться,
Серьёзной станешь, – день тот не далёк, –
И будет только к солнышку тянуться
Прямой, хоть не окрепший стебелёк.

5

Палило солнце, словно сжечь дотла
В моём саду хотело всё живое,
Но заслонила старая ветла
Всё, что могла, густой своей листвою.

Дитя моё, просторен и широк
Путь жизни молодой под солнцем мая,
И манит вдаль попутный ветерок…
Я не боюсь: ты смелая, прямая.

Но в жизни много туч. И скрытых ям.
Ведь даже солнце больно жжёт порою!
В тяжёлый час прильни к моим корням, –
Я крылья опалённые прикрою,

Пока в стволе не высох жизни сок,
Найдёшь приют от зноя и от града.
Твои воскреснут силы, и высок
Полёт твой будет. В нём моя награда!

КОНТРАСТЫ
(ЦВЕТОЧНЫЙ ПАВИЛЬОН ВДНХ)

Здесь всё: и орхидея, и камелии,
И розы, и нарциссы, и фиалки…
Здесь Клеопатра около Офелии,
В кругу вакханок – скромные весталки.

Одни цветы – полны огня, эротики,
Их краски вызывающи и хлёстки,
Другие – мило приоткрыли ротики…
Точь-в-точь как удивлённые подростки!

Садами цветущими дышит весна,
Но тут же рассыпан и мусор, и щебень.
Мы в гору идём, – но дорог крутизна
Сбивает с пути. Не пускает на гребень.

Возводим залитые солнцем дворцы,
Но к ним присосались гнилые лачуги…
… За счастье сражались и гибли отцы,
Их братья сменили, сменили подруги.

Так как же мы смели попасться впросак,
Терпя карьеристов, стяжателей, пьяниц,
Поддельных учёных, продажных писак,
Угодливых книг неестественный глянец,

Парадных полотен бескрылую лесть,
Слащавых спектаклей мирок голубиный,
Ханжей, норовящих нам в душу залезть,
Непрошенных менторов с крепкой дубиной,

Тупых черносотенцев, чванство своё
Бесстыдно назвавших служеньем отчизне…
Ах, вырвать бы с корнем труху и гниль ё,
Как мерзкий сорняк, –
Ради чести и жизни!

К чему мне рай? Но не хочу и ада!
Мне жизнь мила! Но жизнь, а не бедлам!
Не маски Гойи. Не гофманиада –
Чудовищность с усмешкой пополам.

Хочу, чтобы мужчина стал мужчиной,
Не огрубляла женщину броня,
Чтоб Фёдор Достоевский с «бесовщиной»
Не стал пророком нынешнего дня.

Мне грустно, дорогой, что ты не молод,
Ещё грустней, что я не молода…
Но как твой свет прощальный чист и золот,
Любви вечерней тихая звезда!

Осенняя спокойная напевность
Светлей весны, когда в душе бурлят
Порывы жадной страсти, злая ревность,
Дурманя, как вино, казня, как яд.

Вскипает юность мутным водопадом,
Дни осени – как тихая река…
Какое счастье – сесть поближе, рядом,
Руки коснуться – невзначай, слегка,

Какая радость – встретить ласку умных,
Внимательных, чуть-чуть лукавых глаз,
С волненьем ощутить средь сборищ шумных
То тайное, что связывает нас.

О поздней встрече горевать не надо,
Оплакивать минувшие года…
Благословенна будь, моя отрада,
Любви вечерней тихая звезда!

Мы часто прошлое шевелим,
Нас память цепко в плен берёт,
И нет конца подводным мелям,
Мешают корни плыть вперёд.

Не подражай, родная, взрослым,
Раздумьем скована не будь,
Доверься крепким, лёгким вёслам
И мчись в простор. Счастливый путь!

Мы, беззаботные, душистым маем
Жемчужную черёмуху ломаем
И, рассыпая брызгами росу,
Рвём ласковые ландыши в лесу.

Среди цветов нам радостно, привольно,
Но как зато бывает больно-больно
Когда порой наш увлечённый взгляд
Случайно нас заманит в чей-то сад.

Приветливо склонённым веткам рада,
На миг забудешь ты, что есть ограда,
Но, полоснув по сердцу как ножом,
Тебе напомнят: ты в саду чужом.

Глаза потупив, сжавшись, ты уходишь,
Потом тоскуешь, места не находишь…
… Избавь меня, судьба, – и навсегда, –
От новой боли, нового стыда!

СОСНЫ

Лучи скользили по стволам,
И золотое пламя сосен
Сожгло в душе, как старый хлам,
Обломки прежних бурных вёсен.

Воспоминанья и года
Ушли, как тени неживые,
Как будто вновь я молода,
Как будто я люблю впервые.

Я и сама уйду, как тень,
В твой мир я не внесу разлада, –
Но этот отданный мне день, –
Он мой, – и мне роптать не надо.

Так шлёт вечерняя заря
Привет прощальный хмурым соснам.
Им краски новые даря
Своим лучом золотоносным.

НА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫСТАВКЕ
(Прощанье с Дрезденской галереей)

Года, подобно доброй фее,
Велят былое зло прощать,
В боях добытые трофеи
Назад с поклоном возвращать.

Что ж, уезжайте! Путь счастливый
Тебе, пирующий Рембрандт,
Сну Афродиты под оливой,
Портретам герцогов, инфант…

Но как расстаться мне с Мадонной,
С её певучей красотой,
Такой безмерно вознесённой
И человечески простой?

Новые кручи познал человек,
Жизнь его так многогранна, что нынче
Тусклым нам кажется солнечный век
Данте, Рабле, Леонардо да Винчи.

Вместо пустынь зеленеют леса…
Но, как пустыня, мертвеет искусство.
Где вы, живые шаги, голоса,
Мысль непокорная, смелое чувство?

С царственной Волгой сплетается Дон,
Атом расщеплен. А в сердце обида:
Где величавая нежность Мадонн?
Взгляд Джиоконды? Осанка Давида?

Сумрак осени глубокой…
Как давно я в нём живу!
Тучи хмурой поволокой
Затянули синеву.

И деревья бездыханны,
Шорох лиственный затих? –
Только огненные канны
Рдеют в парках городских.

Тебе, я знаю, тоже не легко.
Грустят твои глаза, полны печали,
О юности, ушедшей далеко,
О чувстве, о котором мы молчали.

Зато другим не принесли мы зла,
Двуличием себя не опозорим.
Зато заря вечерняя светла
У нас с тобой. На зависть многим зорям!

ЭЛЕГИЯ

Птичьей стайкой мечты улетели,
И забыты все песни, как сны…
Ведь смешно воспевать, в самом деле,
Краски сорок девятой весны!

Счастья мне принесла лишь крупицу
Скряга-жизнь, хоть душа и жадно…
… Нет, бедняжка, пора примириться:
Скудный кубок твой выпит до дна

Не на радость тебе, а на горе
Эта кровь до сих пор горяча…
Твоя дочь станет женщиной вскоре
(А недавно была до плеча!)

Что ты дашь ей? На зрелый твой опыт
Взгляд свой кинет она свысока.
Отдадут ей деревья свой шёпот,
Зацветут для неё облака,

День подарит ей солнца улыбки,
Озарит её звёздами ночь…
Как и ты, будет делать ошибки,
Не позволив советом помочь,

Тоже вступит с судьбой в поединок,
Научившись любить, ревновать…
Твой удел – для её вечеринок
Платья гладить, да стол накрывать.

Меркнет день. По вишнёвому саду
Приглушённо стучат топоры,
И я знаю, скрывая досаду,
Что ни с кем до рассветной поры
Не бродить мне весеннею рощей
С сердцем трепетным, полным огня…

… Уж в трамваях «мамашей» и «тёщей»
Молодёжь называет меня!

МАМЕ

I

Мой лучший, самый тёплый друг,
Моя опора и отрада!
Жизнь завершила полный круг,
И нам жалеть тебя – не надо.

Твоей завидую судьбе,
Такой законченной и ясной,
И плачу я не о тебе
В мой горький час, в мой час ненастный.

II

О зорях, радугах и звёздах
Мы песни праздные поём,
Забыв насущный хлеб и воздух
Которым дышим и живём.

Родная! Мир был так чудесен,
Так полон света и тепла,
Но я тебе не пела песен,
Не для тебя цветы рвала.

Теперь стихи бегут потоком,
Тебе не нужные совсем
В твоём безмолвии глубоком
Под пышной грудой хризантем.

III

На кладбище я редко прихожу,
Меня не тянет гнуться над могилой:
У девочек моих я нахожу
Знакомый свет твоей улыбки милой,

Ты с нами. Но не в рамке на столе,
Безмолвная, без мыслей, без стремлений…
… Неистощимо льётся по земле
Живая перекличка поколений.

МОЁ ЗАВЕЩАНИЕ

Крепка, неразрушима наша связь!
Бессильной жертвой старческих болезней
Мне скоро быть придётся, становясь
Из года в год слабей и бесполезней.

Но я не смею жаловаться, нет!
Не покорюсь бесплодному страданью:
Закат ведь неизбежен, как рассвет,
Всё, что цвело, подвластно увяданью.

Ростки любви последней спят в снегу.
Отцвёл мой сад! Но ваше минет детство.
Я рада, что оставить вам могу
Богатых чувств богатое наследство:

Любите труд исканий, шум забав,
Искусства клад, накопленный веками,
На грудь Природы-Матери припав,
Глотайте радость жадными глотками.

Держать умейте память под замком
И не тревожьте старых ран сердечных, –
Придёт любовь – отдайтесь целиком,
Не требуя привязанностей вечных,

Бросайтесь в жизнь, дерзая и ища,
Для новой жажды жажду утоляя, –
… И я уйду из жизни, не ропща,
Бессмертие её благословляя.

Всё тянешься ты вверх, моя отрада!
Умнеешь? Хорошо! Бунтуешь? Пусть!
Взрослеешь, значит! Радоваться надо!
Но в радости моей сквозит и грусть.

Потоки дней безжалостны, бездонны…
Лишь на полотнах, что живут в веках,
Всё те же вечно юные мадонны
Младенцев вечных держат на руках.

НА КОНЦЕРТЕ

То искрой резвою порхает,
То льётся струйкой, как вода, –
Но струйка мигом высыхает,
А искра гаснет без следа.

Такую музыку я знаю,
Её люблю я даже. Но
Бывает музыка иная,
В которой всё накалено.

В ней жизнь и смерть, восторг и слёзы,
Любви начало и конец,
Страстей живительные грозы,
Смятенье мыслей, жар сердец.

Она не льётся, слух умаслив,
Она – прозренье и тайник…
… Как счастлив тот и как несчастлив,
Кто в лабиринт её проник!

ПЛОЩАДЬ ДЗЕРЖИНСКОГО

Ещё вчера теснились, расцветали,
Пестрели книги у стены седой.
А башни рядом! А фонтан Витали
С затейливо танцующей водой!

Но их не пощадили! Их не стало!
Нет той стены. Исчез фонтан. Хоть плачь!
Лишь бдительно взирает с пьедестала
Зловеще вознесённый главпалач.

Ты и в радости, и в горе
Страстен, молод и хорош,
И когда в научном споре
Всех по-юношески бьёшь,

И когда молчим мы вместе,
И когда даришь мне ты,
Словно девушке-невесте,
Все весенние цветы,

Чтоб светлей была разлука
В дни, когда ты вдалеке,
Всё забыв, ручонку внука
Держишь в ласковой руке.

ГОРОДСКИЕ ДЕРЕВЬЯ

Москва быть тихой не умеет,
Но раздробив оковы льда,
Молчит и буйствовать не смеет
Душа весны – её вода.

Простор техническим новинкам!
Проспект грохочет, дом поёт.
Но ни стихиям, ни травинкам
Москва поблажки не даёт.

Лишь тополя, легчайшим пухом
Чуть-чуть
Припудрив все дворы,
Подбавив седины старухам, –
Шумят во славу детворы.

МОСКОВСКИЕ РАДУГИ

В ночной Москве, под небом чёрным
Скользят по глыбам рукотворным
Гирлянд неоновых огни,
Зато всё прочее – в тени.

Под блеск витрин бульвар мрачнеет,
Пустое небо каменеет.
Как знать, – реальны или нет
Лиризм луны… разброс планет…

ЛИЦО МОСКВЫ

Одним по вкусу мощные и длинные
Проспекты, павильоны из стекла, –
Другим милы особняки старинные,
Хранители уюта и тепла.

Одни хотят, чтоб были, как в Америке,
Дома всё выше, стиль их всё новей, –
Другие любят маленькие скверики,
Зубцы на башнях, луковки церквей.

Париж и Рим, Америка и Азия,
Святая Русь, барокко и ампир –
Всё есть в Москве! Её разнообразие
Для жадных глаз – роскошный, щедрый пир.

В её контрастах бьёт ключом история,
Даря ей самобытную красу…
… С хребтами ладят низкие предгория!
Нет диссонанса в смешанном лесу!

Огнём прощальным отсверкав,
В просторах неба грустно тая,
Узорный вышитый рукав
Склонила зорька золотая.

День отгорел… Ушла весна…
На всём живом – печать страданья…
Не знает юность, как грустна
Необходимость увяданья!

Дочурка, не сердись, не спорь,
На старших не глядя с обидой,
Огням вечерних поздних зорь
Не подражай и не завидуй!

Пускай шаги твои звенят
В неутомимом лёгком марше, –
Храни свой чистый, ясный взгляд
И не желай казаться старше.

Пускай не всё идёт на лад,
Путь труден сквозь туман, вслепую, –
Цени, как драгоценный клад,
Рассвета свежесть голубую.

Нет полевых цветов. Колосья сжаты.
Ночами ветры кружатся, ворча…
Но как роскошна ты, как хороша ты,
Листвы осенней пышная парча!

Люблю твой шелест, осень золотая,
Твой праздничный торжественный наряд,
Твои леса, где листья, отлетая,
Смеющимися красками горят,

Люблю по молчаливым чащам
Среди пахучей сохнущей листвы…
Как я богата, золотом хрустящим
Осыпанная с ног до головы!

Ты, младшая, весенний мой подснежник,
Тебя ещё луч солнца не обжёг,
Не всколыхнул кудрей твоих пушок
Желаний вихрь – мучитель и мятежник.

В тебе ещё прозрачно всё и ясно,
Как ранним утром в стёклышке росы,
И детских игр волшебные часы
Тебе одно внушает: жизнь прекрасна!

Но время мчится. Детства срок недолог…
Не торопись! Помедли! Подожди!
Так хочется прижать тебя к груди,
Укрыть от ветров под надёжный полог,

Чтоб жизнь текла, сердечка не тревожа…
Но нет! Беречь тебя мне не дано,
Ты вырвешься на волю всё равно, –
Ты, к сожаленью, на меня похожа!

14 МАЯ 1961 ГОДА (свадьба дочери)

Стремительно бежишь ты от меня,
Как горный ручеёк, прозрачный, чистый,
Искрясь, играя, радостно звеня
И не пугаясь тропки каменистой.

Будь счастлива, – желаю от души
В коротенькой моей эпиталаме, –
И превращай со смехом в кругляши
Все злые камни с острыми углами!

Берёзы без листвы, в вороньих гнёздах,
Стволы возносят в синеву, в зенит…
Так чист сегодня, так хрустален воздух,
Что ждёшь невольно: вдруг он зазвенит?

Опало ваше золото, берёзки,
Но вы глядите с лаской, не грустя,
На школьницу, на малыша в матроске,
Как он шагает, яблоком хрустя.

Здесь лето зеленело и дышало.
Но язычками яркого огня
По каждой ветке осень пробежала,
Теплом последним вея на меня.

Смотрю я на обугленные сучья:
Печальна их немая чернота…
Как памятны мне шорохов созвучья!
Но лес не тот. И я уже не та…

Хватает в жизни горя и ненастья,
Но ты, дитя, безоблачно живи!
Всем сердцем я тебе желаю счастья,
Неугасимой, солнечной любви.

А если в ней обманешься, – расстанься,
Но ивою плакучею не гнись,
И никому не смей кричать: «Останься!»
И никого не смей молить: «Вернись»!

ДЕВИЧЬЕ ПОЛЕ

Малышнёй переполненный скверик,
Словно пёстрый нарядный цветник,
Словно вскинувший брызги на берег,
Солнцем тронутый чистый родник.

Сердцу мил этот щебет ребячий,
Звонкий визг, озорная возня.
Самый ловкий гордится удачей,
Неуклюжего смехом дразня,

Самый младший, – одет медвежонком, –
Хочет всё расшвырять, раскопать,
Хоть и трудно нетвёрдым ножонкам
В крупных валенках твёрдо ступать.

Я смотрю, – и далёкая дата
Вдруг из дымки всплыла голубой:
В этом маленьком сквере когда-то
Я гуляла, родная, с тобой.

Помню капор с зелёным помпоном…
Ножки быстрые были легки
Назло ямкам и прочим препонам,
Наставлявшим на них синяки.

Не вернуть ту дочурку былую,
Даже капор сберечь не смогла…
… Всё равно, как приду – расцелую,
Хоть ты ростом меня догнала!

СЛУШАЯ МОЦАРТИАНУ

Ровесники мои! О прошлом не жалейте!
Ведь праздничный хрусталь, фонтанов серебро
Не меркнет в тех мирах, где в лад Волшебной Флейте
Пирует Дон Жуан на Свадьбе Фигаро.

Штурмуют телефон баском,
Чуть хрипловатым от волненья,
И с твоего соизволенья
Крадутся в комнату гуськом.

Но ты – вниманья никакого!
От чувств любовных далека,
На них ты смотришь свысока,
Как «Неизвестная» Крамского.

Не торжествуй, моя родная!
Ты весела, но я-то знаю,
Чем твой триумф тебе грозит:
Какой бы гордой ни была ты, –
Придёт любовь, как час расплаты,
Один за всех тебе отмстит.

Ты горячо бунтуешь, дорогая,
Во всём ты хочешь забежать вперёд,
Авторитеты все ниспровергая
Так яростно, что злость меня берёт.

Ты занеслась. Но я сержусь напрасно:
Дерзай, звени, упругая струна!
Чем резче ты со мною не согласна,
Тем ярче я в тебе возрождена.

Толкуют вечно старики о порче
Былого вкуса, злости не тая…
… Но, может быть, вы нас мудрей и зорче?
И, может быть, права совсем не я?

В наследниках своих мы ищем с ними сходство
И ценим в них свои воскресшие черты.
Ребёнок не в тебя? Трагедия! Уродство!
Похож? Он – образец ума и красоты.

Зачем лепить двойник? За что мы свежесть губим?
Родитель, дорогой! Будь твёрдо убеждён:
Бессмертье наше в том, что мы сильнее любим,
Чем собственное «я», тех, кто вчера рождён.

Пусть мыслят, как хотят! Их путь – не повторенье,
А поиск новизны, дерзанье и горенье.

ВНУЧКА-ПЕРВЕНЕЦ

Нашла… Полукоттедж, полуизбёнка…
Я добралась, и я награждена:
Бежит ребёнок моего ребёнка,
Дочурка, – хоть не мною рождена.

Упала в травку – грустная картина!
Но не ушиблась. Скачет, как блоха,
Весёлый гномик, шустрый Буратино
В обнове – колпачке из лопуха.

БЫВШИМ ДЕВОЧКАМ

Нет детских игр. Девичьего кокетства.
Нет школьных лет. Студенческой поры.
Но ваши зрелость, молодость и детство
Вплелись в гирлянду новой детворы.

Вот пеленашку бережно качаю,
Вот с дочерью на равных говорю…
Но всё в одном клубке: не различаю
Кто мне родней? Кому себя дарю?

Всё, что во мне – моря и сушу,
Разброс фантазий и страстей,
Короче, – собственную душу
Должна делить на шесть частей.

Зачем? Процесс деленья сложен,
Я в арифметике слаба…
Наоборот, – в шесть раз умножен
Мой горизонт, моя судьба.

Тот – жрец искусства, тот – науки.
Иных прельщает божий храм…
А я протягиваю руки
Родным косичкам и вихрам.

Какое поношенье – стать бабулей!
Но этот титул с гордостью ношу…
К «Театру кукол» кто-то мчится пулей.
Где мне поспеть, хотя и я спешу.

Роль сыграна. Но кровное единство
Меня не отпускает в тень кулис:
Кантата молодого материнства
Бравурно исполняется на бис.

Я к яркому пристрастна, как цыганка,
Но в этих залах всё созвучно мне:
И классики холодная чеканка,
И тающая трепетность Моне.

Сквозь тишину холстов, скульптур, мозаик,
Где так ветвист и многолик талант,
Шагни смелей в поэзию, прозаик!
Стань чудотворцем, робкий музыкант!

КНИЖНЫЕ ПОЛКИ

Те книги, что в шкафу моём ютятся,
Обращены к различным полюсам:
Обычные болтают, суетятся,
Прекрасные – возносят к небесам,
К лазури, звёздам, дымкам бестелесным…

Лишь с тех высот, с той мощной крутизны
Нам путь открыт и к человечьим безднам,
И к старине, и к голосам весны.

Ненастными бессолнечными днями
Лишь в реку опрокинутая рощица
Не потускнела, не срослась с тенями,
А своенравно плещется, полощется,
В полутуман без красок и движений
Вливая многоцветность отражений.

V

без претензий на вокал

(1987–1989)

ОПЯТЬ ВДВОЁМ

Опять вдвоём. Как постарели оба!
Опять вдвоём. Но исчезаешь ты,
Банальное заклятье: «Твой до гроба»,
Сгустив до первозданной черноты.

Таким ли прежде я тебя знавала,
Бессильный пленник грелок и простынь?
Нет, не сдержать, не отвратить обвала…
Не уходи! Не гасни! Не застынь!

Опять вдвоём… Мечты осуществились!
Вдвоём, вдвоём, – всё остальное – прочь!
Но лист опал… Часы остановились…
Вдвоём, вдвоём мы погрузились в ночь…

ЕЙ, НЕОТВРАТИМОЙ

Хоть против воли нас несёт к Тебе навстречу,
О долголетии я не молюсь судьбе:
Ведь в лучшем случае Тебя я не замечу,
А в худшем случае – обрадуюсь Тебе.

Сердца кровоточат, как раны ножевые,
Когда уходят те, кто близок нам и мил.
Как радостно живым дарить цветы живые!
Как зябко лепесткам на холмиках могил!

Крадётся и ко мне неотвратимым ходом
Тот неизбежный час. Я не боюсь его.
Но милый круг друзей редеет с каждым годом,
Как лес под топором…
Вот, что страшней всего!

Вы нас порой бранили, но любили.
Вы берегли нас, мама и отец.
Мы голоса родные не забыли,
Но я давно ничья не дочь. Конец!

И женщиной желанной я бывала…

Молчи! Не смей надгробья поднимать!
Из мрака, из душевного развала
Прорвись для жизни, бабушка и мать!

Лес порублен, но помнит о лете…
Здравствуй, осень, – печальный приют!
Минет срок – земляничные плети
Опрокинутый ствол обовьют.

Хлынут россыпи майских жемчужин,
Брызнет соком июньский коралл,
И обрубок окажется нужен…

А не он ли сто раз умирал?

На кладбище кричит зловеще вороньё.
Клубятся чёрные, как духи мрака реют
И… гнёзда мастерят, птенцов питают, греют…

Неистощима жизнь! Всеобщий тлен – враньё!
Могилы роют здесь. И пепел здесь хранят.
Но звонки голоса детей… И воронят.

Как обветшал мой милый дом!
Как облысел зелёный дворик!
Штурмую лестницу с трудом,
Вцепясь в перила…
«Бедный Йорик!»

Мы равнодушьем сердце не остудим,
Но и тоску не пустим на порог.
Давно когда-то в утешенье людям
Наш мудрый пращур истину изрёк,
С которой не поспоришь: «Все там будем…»

Да, каждому из нас отсчитан срок,
Но жизнь течёт привычной чередою
И остаётся вечно молодою.

Плохо птицам, потерявшим стаю!
Без друзей и мне не до веселья.
Рюмки целы, но из них глотаю
Лишь одни аптекарские зелья.

Сверстники, коллеги, побратимы
Незабвенны, но невозвратимы…

Под снегом лужи больше не таятся,
И, – подражая бегу вешних вод, –
Стволы осин, как ручейки струятся
И мягко льют в чистейший небосвод,
В голубизны, что в нём растворена,
Свои зеленоватые тона.
Любимая гравюра, статуэтка,
Как гость желанный, вносят радость в дом.
Привыкнув, приглядевшись, мы нередко
Почти не замечаем их потом.

Не замечаем и красот природы,
Знакомых всем. Но убегают годы
И в них всмотреться, вслушаться велят…
Каким стал зорким мой прощальный взгляд!

От вывертов, от своеволья злого
Ни пьес, ни зданий нам не уберечь,
Нетленны только музыка и слово:
Прямая страсть и подлинная речь.

Холсты теряют свежесть колорита,
В музеях мрамор гипсом заменён,
Лишь песня всем столетиям открыта,
Лишь книги прорезают пласт времён

И, даже повествуя о былом,
Сжигают нас своим добром и злом.

Когда я нестерпимо устаю
От стен и от асфальта городского,
Меня берут в густую тень свою
Сокольники, Измайлово, Кусково.

ВДНХ. Многоголосье роз,
Кордебалет фонтанов, павильонов.
А в Кунцеве струят стволы берёз
Свой млечный путь сквозь кряжи древних клёнов.

Бульвары, скверы – тоже на виду.
И там я рада каждой свежей ветке.
Лишь Зоопарк сторонкой обойду.
Так повелось.
Не нравятся мне клетки!

СЛУШАЯ БЕТХОВЕНА

Мы знали скорбь. Но мы и счастье знали,
Вот почему для всех живых жива
«Девятая», где в хоровом финале
Рванулось солнце в музыку, в слова,
С трагическим вступленьем властно споря.
Гимн Радости – убийственен для горя!

Пришла весна на радость всем влюблённым
И всем садам.
Порхает юность шагом окрылённым
То здесь, то там.
Птенцам полёт предписан. Но меня-то
Что вознесло?
Люблю весну восторженно и свято
Годам назло!

Ночь тонким лунным серпиком срезала
Лучей последних, скудных колоски
И щедрой кистью тени разбросала:
Вслед за штрихами – жирные мазки.

Смотрел бессильный серпик, как врастали
В глубокий мрак, в безмольвье небытия
Далёкие миры, земные дали,
Деревья из чугунного литья.

Хоть лето давно не в зените,
На парк наш любимый взгляните,
Где пляшет фонтан, где плющём,
Как лёгким узорным плащом,
Колонны ротонд обвиты,
Где, – словно под кистью Сарьяна, –
Пронзительно, празднично, рьяно
Вовсю полыхают цветы.

Стемнело. Пестрота цветов мертвеет
В лиловой мгле, под дымкою седой.
Но сквозь туман сильней и слаще веет
Жасмином, табаком и резедой.

Какой волшебник из далёкой сказки
В моём саду сегодня побывал,
Преобразил растаявшие краски
В живых благоуханный мощный шквал?

Берёзы всех деревьев мне родней
Не белизной, а разноцветьем стана:
Днём их стволы – как водомёт фонтана,
А звёздной ночью – как театр теней.

Вот их коснулась дождевая хмурь,
Вот проскользнули в отблесках заката
Все краски первомайского плаката
И беглая, прощальная лазурь.

КУСТОДИЕВ

Трактир… Пекарня… В лопухах овраги…
Цветная россыпь девичьих платков…
Несутся карусельные коняги
Под звон несуществующих платков.

На ярмарку спешит из церкви паства,
Забыв и о святых, и о чертях…
Какие многокрасочные яства
Теснятся на расшитых скатертях!

Забыть успели о весёлом лете
Пустые гнёзда, ивовые плети,
Безжизненно склонённые к реке,
И клён в облезлом рыжем парике.

Где блеск листвы? Её тона, отливы?
Как обречённо киснет под дождём
Примятый сад! Но мы неприхотливы:
Чему-то рады… И чего-то ждём…

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ЗНАКОМОЕ

Вам пятьдесят. Я шла за вами следом,
Коля Брюньон и храбрый Дон Кихот,
Дивясь по-детски: вот неймётся дедам!
Кто в бунт ввязался, кто удрал в поход.

Чем старше мы, тем ярче, зеленее
Двух непосед лавровые венки.
Друг Ласточки и рыцарь Дульсинеи
Помолодели. Здравствуйте, сынки!

По воле украшателей Москвы
Бульдозер взрыл и полквартала схрупал,
Где возлежали каменные львы
И спорил с солнцем трёхсотлетний купол.

Не будем огорчаться! Будем ждать:
Мы наловчились древность возрождать.
Ведь есть у нас цемент и есть бетон,
Кисть маляра подыщет нужный тон,

Найдётся зодчий – купол возвести,
Для росписей настенных – богомаз…

… Стекляшка тоже вещь. Она в чести,
Когда на свалку выброшен алмаз!

«НАД ВЕЧНЫМ ПОКОЕМ»

Тона суровы, линии просты,
Но тленное не царствует над бездной:
Озарены смиренные кресты
Раздольностью – озёрной и небесной.

Не тишь да гладь венчают путь людской,
А облаков разомкнутые звенья,
Их вольный взлёт, их вечный непокой…
… За полминуты до исчезновенья.

ЧЕРЁМУШКИ

Здесь не найдёшь былых трущоб,
Здесь нет приземистых окраин,
Где двухэтажный «небоскрёб»
Торчал как козырь, как хозяин.

Давно покончено с гнильём,
Где у обшарпанных простенков
Моталось заодно с бельём
Тряпьё немыслимых оттенков.

Но и черёмух тоже нет,
Исчезли липы вековые
И яблони в расцвете лет,
Плодоносящие… Живые…

С родных ветвей, не помнящих родства,
Отторгших всё, что сникло, отшумело,
Слетает обречённая листва,
Блестя победно, празднично и смело.

Ей дела нет до завтрашней зимы, –
Неугасимы рдеющие листья,
Как будто мастера из Хохломы
Мазнули их своей весёлой кистью.

Ноябрь листву сорвал, разнёс…
Раздолье золотое, где ты?
Стволы фарфоровых берёз
Лишь в белизну свою одеты.

Но разве плох такой наряд?
Ведь также голы и неярки
Фигуры маленьких наяд,
Таких весенних в мёртвом парке.

На фоне синевы, насыщенная соком,
В апреле мне мила деревьев чернота,
Но грустно мне, когда в предзимии глубоком
Их ветви лишены последнего листа.

Ни лиц, ни голосов, ни смеха, ни улыбок…
И хочется самой скорей свернуть назад.
Скворечник без скворцов, аквариум без рыбок
Похожи на тебя, пустой Нескучный сад!

Не сожалей о том, что годы мчатся мимо,
Что неизбежное живущих сторожит:
Ведь всё, чем жизнь полна, что свято и любимо,
В твою судьбу вплелось, тебе принадлежит.

Пока не меркнет мысль, не выгорели чувства,
Пока цветёт земля и небосвод высок, –
Всё – собственность твоя: и голоса искусства,
И безыскусственный ребячий голосок.

Любить бы всеобъемлющее море
И тайнопись немеркнущих светил,
Но нрав наш ненасытный нам на горе
Теряться в этих безднах запретил.

Себе на горе любим мы цветы,
Чья красота так скоротечно вянет,
И тех, кого сейчас зовём на «ты»,
Кого, быть может, завтра уж не станет…

Из каждого окна прохожим шлёт привет
Уютный огонёк чужого очага.
Затеплилось в домах. А вольный лунный свет
Во всю длину реки раскинул жемчуга.

Хоть холод и простор не всем сердцам сродни,
Открой для них своё! Остановись! Взгляни!

СЕНТЯБРЬСКИЙ РЫНОК

На полках, лоснясь от гордыни,
Царят раскормленные дыни,
Спешат арбузы распахнуть
Свою сочащуюся суть,
Пестреют яблоки, – а рядом
С тёмно-лиловым виноградом
Янтарный глянец спелых груш,
Плоть персиков зашита в плюш,
Хурма отсвечивает медью…

Нет, Рубенс не трудился здесь:
Ты окружён базарной снедью.
Протиснись, выбирай и взвесь!

Что впереди? Стена. Бесцветность мела.
Что позади? Весенняя вода,
Шумевшая раскованно и смело
Пока не расплескалась без следа.

Жить прошлым никогда я не умела,
Жить будущим – смешно в мои года.
Чем я владею? Настоящим днём.
Не мало ли? Все краски жизни в нём!

Хоть хмель весны нас больше не дурманит,
К весеннему влеченье неизменно.
Старинное нас тоже властно манит,
Когда оно бессмертно и нетленно.

Пусть неизбежны поздних лет печали, –
В конце пути не меньше, чем в начале,
Мы к юности и к вечности причастны…

Как себялюбцы голы и несчастны!

Мир звучных красок, красочных созвучий
Не редкий дар, не мимолётный случай, –
Он сросся с нами испокон веков.
Жизнь к нам добра. Её закон таков:
Чтоб не дряхлеть душой сейчас и впредь, –
Умейте слушать, чувствовать, смотреть.

В ненастные часы, когда цветы молчат,
А память ворошит былое непрестанно,
Учитесь, старики, у собственных внучат
Вновь мир воспринимать свежо и первозданно.

Привычный ритм… Ребячий гам…
И книг, давно прочтённых, груды…
Но реки к старым берегам
Упорно рвутся из запруды.

Не лучше ль сохранять покой,
Не соблазняясь новой встряской?
Не всем равнять себя с рекой,
Но жалок пруд, заросший ряской.

Листы берёзы, только что опав,
Ещё не сбившись в ком у загородки,
Блестят, как золотые самородки,
Как лепестки кувшинок и купав.

А завтра – под дождём и на морозе –
Им должно превратиться в мусор, прель…
Грустить не надо о самой берёзе:
Её разбудит солнечный апрель.

Решает время запросто вопросы,
Чему расти, а что швырнуть в отбросы,
Чтоб жизнь не захламлялась. Но грустна
Отзеленевших листьев желтизна!

В последний круг вхожу без сожалений.
Бег времени естественен и прост, –
Два символа у смены поколений:
Миг листопада и бессмертье звёзд.

Твердит рассудок: голову нагни…
С судьбой смирись… Надеждой жить не надо…
Но день мне кинул все свои огни,
Весь птичий гомон, все дыханья сада.

Жизнь неуклонно под откос летит,
И путь передо мною всё короче.
Но постное унынье мне претит,
Когда так ярки дни и звёздны ночи!

Развевая огненные волосы
На прямом, негнущемся стебле,
Дерзко пламенеют гладиолусы,
Как вино, как жгучий смех Рабле.

Злится осень, хмурая и косная:
Раздавила б, если бы могла
Не сама ли жизнь победоносная
Ей в отместку факелы зажгла?

ДАМАМ МОЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Мы поутихли, дорогие сёстры,
Невозвратимы бурные деньки!
Но наши язычки всё так же остры,
Да и в мыслишках бродят огоньки.

Судьба нас прицепила к нашим норам,
Как вещи к их футлярам и чехлам,
Но нашу сущность не сроднить с минором
И не загнать в домашний пыльный хлам!

АРБАТ ОБНОВЛЁННЫЙ

Мельтешат рубли, десятки, трёшки.
В гущине толчёшься сам не свой.
Торгаши прилипли: «Вот матрёшки!
Вот пейзаж! Вот орден фронтовой!»

Ни на что в той свалке не похожий
Сиротеет пушкинский музей…
Что ж ты мимо, взмыленный прохожий?
Заскочи разочек! Поглазей!

VI

финал
(1990–2000)

ЗАПОЗДАЛОЕ ПОКАЯНИЕ

Мою весну шелками можно вышить:
Под ласковым родительским крылом
Умела я не видеть и не слышать
Вокруг меня трещавший бурелом.

Всем и за всё твердили мы «спасибо!»
Везде – герои. Вся страна – герой.
Вот Комсомольск… Вот магистраль Турксиба…
Вот Днепрогэс… А вот и Волховстрой…

Кругом росли дворцы, дома, вокзалы…
Сам центр перед Черёмушками сник.
А «Ленинка» моя! Какие залы!
Какой простор для вожделенных книг!

Мы всасывали слепо, точно губки,
Всё, что долбили в нас учителя,
Не ведая о том, что «душегубки»
Плодит не только дальняя земля.

Внимая седовласым и матёрым,
По-детски не догадывались мы,
Что каждый наш наставник стал актёром,
Спасаясь от тюрьмы, да от сумы.

Суфлёр на месте… Вызубрены роли…
Хлопочет бутафор… Наложен грим…
И выпалив дежурные пароли,
Поэты ликовали: «Мы творим!»

Так ослепляла пышность декораций.
Так был блестящ и ярок реквизит,
Что думалось: «Мы – сплав счастливых наций!
Мы – выше всех! Ничто нам не грозит!»

Театр сверкал, разнообразя сцены,
Весь в золоте рекордов мировых,
Велик эффект! Но непомерны цены:
Живые превращались в неживых…

Как я гордилась шлюзами канала!
Как любовалась мрамором метро!
Сейчас скулю: «Не ведала… Не знала…»
Позор тебе, молчавшее перо!

Мертвы… Унижены… Гонимы…
Был Человек – осталась тень.
Лишь имена и псевдонимы
Без нас встречают «Юрьев день»

И в прошлом было много гнили,
Хвалебных од и мёртвых тел.
Есенина не сохранили,
И только Бедный богател.

Ахматова! Из драмы в драму,
Всё претерпев и отстрадав…
Не знать пощады Мандельштаму:
Клыкаст, ухватист волкодав!

Цветаеву загнали в петлю,
Заляпан грязью Пастернак…
Журнал схвачу – раскрыть помедлю:

Страшны Бутырки и ГУЛАГ!
Живые подползают с дрожью
К кровоточащим дневникам…

……

На нивах с вытравленной рожью
Просторно жирным сорнякам!

ЗНАКОМЫЕ МОТИВЫ

Индийского гостя алмазная сказка,
Зов северных скал и дворцов веденейских.
Вы – юность моя! Раздвоилась окраска
Прямых восприятий и тех, полудетских.

Над бойкими ритмами модной «Спидолы»
Бессмертно звучанье былого напева
В воркующем плеске скользящей гондолы,
В суровых раскатах варяжского гнева.

Пой, Феникс! Мы славим волшебную птицу
За редкостный дар возрождаться из пепла…

Ах если б и вправду смогло возродиться
Всё то, что затравленно глохло и слепло!

А. АХМАТОВОЙ

В зените Твоего благополучья
Я – первых рифм неопытный стажёр –
Дерзнула верить в наших лир созвучье
С поправкой: Ты – минор, а я – мажор.

Любя Твой стих, я злилась и терзалась,
Когда тебя бесчестили дуро́м,

Но и тогда, как раньше мне казалось
Единокровна я с Твоим пером.

Был голос Твой и чист, и независим,
Но только скорбный «Реквием» прочтя,
Я поняла, что Ты причастна к высям,
Каких не знало глупое дитя.

К духовности метнулись люди,
В пучину колдовских примет,
Одних влечёт к Христу и к Будде,
Других прельщает Магомет.

А я с церквями порвала,
Ухватки знахарей – убоги,
Но и не вам моя хвала,
Олимпа мраморные боги!

Мне ближе чувства дикаря, –
Не знал Авроры он и Феба,
Но знал: божественна заря!
Священны все светила неба!

Сознанью первобытных душ
Чужды мистические тени, –
Не в божий храм – в лесную глушь
Шёл древний люд склонять колени.

Где эта глушь?
– Не обессудь, –
Разорены её владенья!
Но верит в фатум Возрожденья
Моя языческая суть.

СВЯТОЕ ПРИЧАСТИЕ

Все облеклись в монашескую ветошь, –
Зелёные юнцы и старики.
В том сером стаде стать овцою? – Нет уж!
Мне это не к лицу и не с руки.

Истерзанный Христос! В Тебя я верю.
Не в божество! Достойный Человек
Оставил нам, как скорбную потерю,
Свою Голгофу. Свой короткий век.

Замучен был людскою нелюбовью,
Но кровью истекал, людей любя…
Позор смывать грехи чужою кровью!
Держи ответ за самого себя!

ИСКАТЕЛЯМ СВЯТЫНЬ

Брама… Вишну… Саккья-муни…
Расстилались люди в прах…
Мы ж воздвигли храм Коммуне,
К ней неслись на всех парах.

Ради равенства и братства
Топот шествий, треск речей…
Совершали святотатства,
Размножали палачей.

С честью гибли коммунары,
Чтоб заря для всех взошла.
Финиш – лагерные нары
Без предела, и числа.

Декорации сгорели,
Мы не прежние, не те,
Поумнели и прозрели,
И… завязли в пустоте.

Но ведь люди мы, не звери!
Мы духовности хотим!
Нам долбят: «Духовность – в вере»…
Решено! – Кулич святим,

Купол чистим, храмы белим,
Золотим иконостас,
Крестим лбы, спешим к купелям,
Бормоча: «Помилуй нас».

……..

Если дети станут дуться,
Баловаться за столом,
Марш в чулан! В пыли найдутся
Куклы, брошенные в лом.

Можно, скинув паутинки
И слегка отчистив грязь,
Нарядить их, как картинки,
Простодушно веселясь.

……..

Чтоб не жить одной кормушкой,
Чтоб духовность обрести,
Надо ль старой погремушкой
По-младенчески трясти?

У РАЗБИТОГО КОРЫТА

Я знаю, – разумеется, по книгам,
Подробно в это вникнуть не берусь, –
Веками гибла под монгольским игом
Забитая, растоптанная Русь.

Потом прикрылось шапкой Мономаха
Неистребимо въевшееся зло.
Не просыхали ни кнуты, ни плаха…
Лишь горстке уцелевших повезло.

Всё было, было, – и Москва горела,
И декабристов гнали в рудники,
Хлева пустели, и земля хирела,
Леса стонали, сохли родники…

Что ни писатель, – скорбные картины:
Казнь псковичей, не сдавшихся врагу…
Терзанья Анны… Бедной Катерины
Предсмертный крик на волжском берегу…

Как горько неприкаян был Печорин
И всякий прочий «лишний человек»…
А всё же по-особенному чёрен
Нам брошенный судьбой двадцатый век!

Наш век – электризованный, железный,
Для изощрённой техники хорош,
Но род людской заглатывался бездной
Безвинно. Беспричинно. Ни за грош.

Свирепствовал Нерон. Зверел Аттила
Ведь наша Русь стонала не одна! –
Их время, к счастью, вечность поглотила,
Случались и иные времена, –

Свет Ренессанса, факел Просвещенья
И мимо наших не прошли дверей
Бывало: о любви и всепрощеньи
Взывали у подножья алтарей.
Бывало: соколиными очами
Смотрели предки. Вместо скудных крох
Пеклись блины и пахло куличами,
Летели тройки, прыгал скоморох.

……..

И наши беды в пыль забвенья канут!
Не в том беда, что их невпроворот,
А в том, что не был подло так обманут
Так одурачен ни один народ.

Так было. Стали хрупки
И жития, и троны.
Попрятались голубки,
Раскаркались вороны.

Звалась эпоха смутной,
Сцепляя в этих смутах
Бунт голытьбы беспутной
С грызнёй бояр надутых.

Хватало нашим дедам
И казней, и молений…
…Судьба стремит к тем бедам
Пласт новых поколений.

Кто за судьбу ответит?
Что впереди...

Гнёт Лубянки развеялся прахом.
Далеки Колыма, Анадырь.
Но спасённые стиснуты страхом:
Кто нас выведет? Кто поводырь?

Лабиринтами их услаждают
Табуны Сименонов, Агат,
В лабиринте и сами блуждают
Все наощупь. И всё наугад.
Из огня – в снеговую порошу…
Что с людьми? Не сошли ли с ума?

Ни в кого из них камень не брошу:
В безысходности вязну сама.

МОИМ ДЕТЯМ

Я окрылить старалась ваше детство,
Учила вас и вдаль смотреть и вширь…
Жестоко младшим оставлять в наследство
Развал надежд… Безвыходность… Пустырь…

Не за себя мне страшно: Я исчезну.
Пусть стариков счастливых не найдёшь, –
Не жаль отживших, уходящих в бездну.

Тебя мне жаль, шальная молодёжь!

Расстаёмся со звёздами алыми.
Стал наш герб, как в былые века,
Злющей птицей с гадючьими жалами
В странной позе цыплят-табака.

Гимн немой, бессловесный мы слушаем,
Как и должно, – с тупым равнодушием,
И, – косясь на трёхтряпочный флаг, –
Ждём от Господа всяческих благ.

Кумиры оплёваны. Новых не стройте!
Развал и сумбур в человечьих умах.
Равняясь на бизнес в Чикаго, Дейтройте,
То душим кого-то, то грабим впотьмах.

Гордимся свободой – понятием новым,
Подонков и гениев вечной мечтой.
Бесчинствуют Стеньки… Простор Пугачёвым…
Где пушкинской «Вольности» факел святой?

МАРТОВСКАЯ РАСПУТИЦА (1991-го)

Шажком плетёмся. Клячам не до рыси.
Истрёпаны седло и стремена…
Готовы мы, – как Варлаам в «Борисе», –
Всей глоткой клясть «тугие времена».

Он гордо пел о битвах у Казани,
А сам в котомку собирал гроши…
И нам хватило тех же наказаний:
Мы так же пьяны. Так же хороши.

Распутица и слякоть… Вязнешь, тонешь…
Осталось нам – в уме перебирать
То Куликово поле… То Радонеж…
Бородино… Суворовскую рать…

И то, как мы орали дружным хором
Совсем недавно «Гитлеру – капут!»
Как развалился сталинский декорум,
Как Слово прорвалось из рабских пут…

……

Но жизнь не озаришь вчерашним блеском!
Глядишь вперёд, а будущее – пыль,
И видятся за чахлым перелеском
Сплошной бурьян да высохший ковыль.

Прозрели мы! И смело, без опаски
С развенчанных красот сдираем краски.
Но, – боже мой! – какую грязь и гниль
Открыл нам трезвый взгляд на нашу быль!

Виновных пусть забвение накажет!
Но нам, заблудшим, кто судьбу предскажет?
Не обратить ли нам надежды луч
На слово предков, чей талант могуч?

И вот я перечитываю снова
«Войну и мир», «Бориса Годунова»
Интриги… Битвы... Хлебный недород...
Пирует Смерть… Безмолвствует народ…

Плыла галера – воплощенье зла
Под лязг цепей, при несмолкавшем стоне
Рабов безгласных. Но плыла.… Плыла…
А новый наш корабль гниёт в затоне!

Давным-давно, в те призрачные годы,
Когда не я бродила по земле,
Надежды бивались о невзгоды,
Кружил Рембо на «Пьяном корабле».

Сейчас – век скоростей. Мелькнул «Икарус»,
Гремит подземье в щупальцах метро, –
Но тот «Корабль» и лермонтовский «Парус»
Звучат для нас свежо и не старо.

И наш удел мотаться в океане!
Разбит наш компас… Рулевого нет…
Маяк погашен… Горизонт в тумане…
«Куда ж нам плыть?» –
Как вопрошал поэт.

Что дальше? Кто придёт? Какая смена?
Чья власть заколобродит по Руси?
Я не желаю внука-бизнесмена!
Внук-агитатор – боже, упаси!

Поборники культуры, как вас мало!
Как грустно, что и ваш удел – стареть,
Но к вам взываю, я всегда взывала…

Пожарам – гаснуть! Разуму – гореть!

ПАСХАЛЬНОЕ

Люблю зимы прощальные наряды
И светотени мартовского дня,
Но ветхие церковные обряды
Не веселят, не трогают меня.

Взыграли купола в парадном блеске,
Резвится перезвон колоколов,
Но строгие иконы или фрески
Не ближе мне, чем Врубель иль Брюллов.

Мне чуждо торжество богослужений –
Хор монотонный, свечек огоньки…

А праздник мой – в причудах отражений
Привольно расплескавшейся реки,
В отмытом от снегов прозрачном лесе,
В игре лучей, в пушинках на ветле…

И я шепчу моё «Христос Воскресе»
Воскресшей и оттаявшей земле.

Горланим, спорим, тычемся, блуждаем
На радостях, что треснула тюрьма,
И. как новинку, с жадностью глотаем
Подёрнутые плесенью тома.

Священны Парфеноны, Колизеи,
Но человеку нет пути назад!
Мы чтим мемориальные музеи,
Но современник наш – не экспонат.

Для бедных жертв психических увечий
Немало порасставлено сетей,
Но твёрдо верю в Разум человечий
В грядущий век –
И в собственных детей!

ГОРОДСКОЙ МОТИВ

(Набросок)

За водкой – толпы. Шум и давка.
Гудят пропойные басы.
Старушки жмутся у прилавка:
Хоть бы клочочек колбасы!

Наплыв хулиганья неистов, –
Орут, галдят, наш слух грязня.
Куда ни глянь, – порнографистов
Крикливо пошлая мазня.
Полураздетые путанки
Шныряют нагло тут и там…

Последний штрих: грохочут танки.
И где? По мирным городам!

Мир озверел. Ощерились народы.
Везде, во всём – смятенье и разлад.
Не стоит эта жизнь хвалебной оды,
Не место в ней романтики баллад.

Пути скривились. Спутаны маршруты,
Где ни концов не сыщешь, ни начал.
С природой дикой мы предельно круты,
Но собственный наш разум одичал.

Кликушеских заклятий не приемлю,
От тёмного шаманства пользы нет.
Крупинкой света представляю Землю
На чёрном небе остальных планет.

С поверхностью земной нерасторжимы
И распри, и кровавые режимы,
Но потаённый свет с тобой всегда,
Культуры колыбель – Земля-Звезда!

АВГУСТОВСКИЕ ДНИ

Тень прошлого хлестнула нас по нервам
Зажаты рты… К казарме поворот…
Но я в те дни, как раньше, в сорок первом, –
Увидела несломленный народ.

Ведь множества, не только единицы,
Воспрянули и вскинулись в ответ.
Но спутаны истории страницы…
Зачем живём? Где путеводный свет?

Не все мы – плод духовного увечья.
Всё есть у нас: и сила, и мозги,
И доброта, и совесть человечья, –
Но вехи сбиты. Сквозь туман – ни зги…

Я верю в Троицу!
Не в ту, –
Не в символ церкви косной,
А в смелый Разум, в Доброту
И в Юмор светоносный.

Никто из нас не слаб, не мал,
Не верьте наговорам!
То даже Сатин понимал,
Хоть был, по сути, вором.

Бежит за часом час, за мигом миг,
Сегодняшнее делая вчерашним.
Экраны отдирают нас от книг.
Конец музеям и старинным башням.

Мертвеют реки, беззащитен лес,
А техника, всеобщим став кумиром,
Чадит, грохочет, как велит прогресс,
И безраздельно властвует над миром.

Прогрессу слава! Но понять пора,
Что ход времён не раздроблён, хоть сложен.
И без многовекового «вчера»
Путь к творческому «завтра» невозможен.

«ХВАЛА ПУСТЫНЕ»

Как почернело на Руси!
Грызёмся сплошь. Смеёмся редко.
И тянем: «Господи, спаси»,
Как будто внук стал тенью предка.

И каждый каждому – не брат,
А враг, подобный хищной твари…
Нет, не сквозит нам Китеж-град
В уже не светлом Светояре!

Его нетленны купола,
Но в мутной топи их не видно.
И не звучат колокола
Ни празднично, ни панихидно.

Назад оглянешься – тюрьма,
День завтрашний – в тумане мглистом.
Сегодня – Гришка-Кутерьма
Вкрутился в жизнь с кабацким свистом.

И что-то взято на прицел,
И что-то липнет, как зараза…

Но Китеж вечен! Китеж цел!
Хоть приумолк и скрыт от глаза.

НА ПОРОГЕ 1992-го

Моя страна, дурея, свирепея,
Скрутила в общий дьявольский мотив
Классический «Последний день Помпеи»
И «Герники» бредовый примитив.

Мы в буйных распрях лишь того добились,
Что всё – вверх дном, что всё – наоборот,
Что горы-монолиты раздробились
На шлак и щебень, на пласты пород.

Но время – лекарь ошалелым людям!
Отбушевав, проспавшись, наяву,
Абсурды Зазеркалья мы забудем,
Проглянет Разум!..

ПРЕДЪЮБИЛЕЙНОЕ

Легко шуршит листва – предзимний мусор чахлый.
Спокойно и легко и я клонюсь к концу.
Уйти я не боюсь: стократ страшней быть дряхлой
Тянуть пустые дни…
Мне дряхлость не к лицу!

Чьи страсти вас вели? Чьи козни вас подставили?
Мальчишеские рты трагически молчат…
Как страшно сознавать: те каины и авели –
Ровесники моих – ещё живых внучат.

7.10.1993

У ТЕЛЕВИЗОРА

Нас учат батюшки и патеры
Как надо жить и как не надо.
Потом взрываются ораторы –
Мефисто-вальс и клоунада
С крикливыми полишинелями…

Боюсь наплыв бесовских звуков
Сползёт солдатскими шинелями
На плечи неповинных внуков…

Окт. 1994

ПРЕДВЫБОРНОЕ

Благословляю сериалы,
Их романтический мираж,
Когда в борьбе за идеалы
Политиканы лезут в раж.

Мелькают карты разной масти
В ладонях шустрых игроков.
Их цель одна – прорваться к власти,
Пролез в тузы – и был таков.

На них страна наводит глянец…
А мы не ходим в казино,
Играем в дурака и пьяниц,
Раз нам иного не дано.

2.08.1996

Зачем эстеты технику ругают?
Как без неё прожить? В конце-концов
Авто владеть пространством помогают,
А фильмы оживляют мертвецов.

Стабильным формам, краскам дать движенье
Способна электрическая нить,
А быстролётной музыки скольженье,
Как птицелов, в ловушку заманить.

Телеэкраны презирать не надо,
Пусть будничность развеется, как дым…
Бушуйте страсти! Лейтесь серенады,
Клянясь в любви и бабушкам седым!

Бояться обнажённости не надо!
Но иногда смотреть невмоготу,
Как опошляет модная эстрада
Былых наяд святую наготу.

Наносим мы античности нетленной
Немало незаслуженных обид.
Навек связав с Венерой белопенной
Не гребни волн, а сифилис и СПИД.

Стал доминантой уличного ада
Совсем не сладкогласный рёв сирен.
Заглох Парнас. Живёт Олимпиада
Лишь культом стадионов и арен.

Такого ли мы ждали поворота?
И от таких ли прятались угроз?
Эротика зарезала Эрота.
Нет мыслящей Психеи. Есть психоз.

МОЕЙ ПРАВНУЧКЕ

Баюкаю красавицу мою,
Не оторвусь от хрупкого созданья,
Но с горечью при этом сознаю
Всю невозможность нашего свиданья.

Грустны несовместимые года!
Я стану тенью – ты меня забудешь,
А мне – не знать, не ведать никогда
Что увлечёт тебя? Какой ты будешь?

Чем встретит новый век твою весну
Как ты сама, – он для меня загадка…
Но дать совет непрошенный дерзну:
Держись подальше от всего, что гадко!

НОЯБРЬСКИЕ ДЕРЕВЬЯ

Предзимье мы ругаем невпопад
И склонны видеть в нём одну невзрачность:
Нет буйства красок. Кончен листопад.
Погас цветник… Но чем плоха прозрачность?

Парк стал сквозным, раздвинув кругозор,
А глянешь вверх, – деревья ткут над нами
Ветвей перехлестнувшийся узор
Фрагментами гравюр и письменами,
Кладут штрихи, сплетают кружева…

В ЧЕТЫРЁХ СТЕНАХ

Предел мой близок. Но до той поры
В пространствах моего воображенья
Воссоздаю счастливые миры
Из прежних красок, музыки, движенья.

Невидимо для посторонних глаз,
То я в кругу ушедших побываю,
То в горы устремлюсь, как верхолаз,
То в лес нырну, то к Волге уплываю.

Пока дышу. Пока, – чертям на зло, –
В небытие меня не занесло.

1.08.1997

СВЕРСТНИКАМ

Без грусти век свой доживаем
И исчезаем без печали –
Настолько мир неузнаваем,
Настолько люди одичали.

Январь 2000

Метели бьют без промаха
По мёртвым и живым.
Обрушилась черёмуха
Под грузом снеговым.

Погибла белоснежная,
И в скорбной тишине
Дорогу в неизбежное
Прокладывает мне.

Февраль 2001

МЕЧТА

Утешь, судьба-пророчица!
Не обрывай мой путь!
На праздник мой мне хочется
Хоть в щёлочку взглянуть.

Порхающие зяблики,
Шумливые скворцы
Рисуют мне кораблики,
Вагоны и дворцы.

На кухне – дамы в фартучках,
Я – в стайке правнучат.
Они на фотокарточках
Взрослеют, но молчат.

Сегодня быстроногие
Горланят и поют,
Хотя их мамы строгие
Им волю не дают.

Взбодрясь, собравшись с силами,
Я заново живу
И девочками милыми
Их бабушек зову.

Апрель 2001

В те невозвратные деньки,
Что быстро пробежали,
Казалось, только старики
Нас плотно окружали.

Сейчас – куда ни забредёшь, –
Везде одно и то же:
Везде сплошная молодёжь…
Мир полон молодёжи!

Апрель 2001

VII

авторское послесловие

Нечто, претендующее на поэзию (а также на художественную прозу), я начала строчить, как только родители научили меня выписывать буквы и связывать эти буквы в слова. Иначе говоря, с семилетнего возраста.

Я была начитанной девочкой, и с тех пор, как себя помню, перед моими глазами были самые высокие образцы русской классической поэзии прошлого века, начиная с баллад Жуковского, кончая Фетом. Вряд ли я тогда могла в этих высоких образцах многое уразуметь, но они мне нравились, и подражала я прочитанному изо всех моих силёнок. Получалось гладко: и рифмы не хромали, и с ритма я никогда не сбивалась. Я была довольна, старшие – тем более. Однако мои первые опыты настолько примитивны, а, главное, настолько подражательны, что о них и вспоминать не стоит. Родители их бережно хранили, но я этому примеру следовать не стала.

В настоящий сборник я включила лишь написанное после того, как у меня с возрастом «прорезался» мой собственный голосок – наивный, простенький, но всё-таки собственный, всё-таки – мой.

Что я под эти подразумеваю? Неужели какое-нибудь осуществлённое мною новшество в области стихосложения? Разумеется, нет! Не потому даже, что это было бы выше моих возможностей, а потому, что я нисколько к этому не стремилась.

В дни моей юности всякого рода новаторские искания были в большой моде. Однако, ни символистская завуалированность смысла, ни футуристическое трибунное громкоголосье, ни бальмонтовски-северянинская

салонная изысканность, ни гумилевская экзотика не привлекали меня. Нравился Есенин – кумир многих моих однолеток, нравились никем даже не обработанные тексты народных песен, которые влияли, в частности, и на него, но внутреннее чутьё мне подсказывало, что горожанке в таком стиле писать не следует: получится натянуто и фальшиво.

Мой вкус сформировался раз и навсегда в согласии с нормами и канонами классики XIX века. Только в этой простой и предельно прозрачной манере мне и самой хотелось воплощать мои впечатления и настроения. Любая другая была бы мне «не по голосу», – как говорят певцы, когда предложенное не соответствует их вокальным данным.

Таким образом, смолоду наметив себе путь, я и двинулась по нему напрямик, никуда не сворачивая и никаким побочным веяниям не поддаваясь. Этот путь является не чьим-либо частным владением, а традицией общего, широкого плана. Поэтому, следуя ему, я перестала наконец-то рабски подражать какому-нибудь отдельному автору, копируя характерные для него стилистические обороты, – словом, «плестись в чьём-то хвосте». У меня много любимых поэтов, но я беру на себя смелость заявить, что не являюсь эпигоном ни одного из них. Согласно выбранному мною канону, я принялась писать о сугубо личном, заветном, иногда настолько интимном, что стеснялась показывать многое из написанного даже самым близким людям. Ведь принято прятать от посторонних глаз свои исповедальные дневники, а моя лирика была именно таким дневником, только зарифмованным.

Безусловную искренность моих стихов я и называю «моим голосом». Мне кажется, я имею право это сказать. «Чужими голосами» не пользуюсь никогда, разве только в пародийном жанре, в шутку.

Мой лирический дневник охватывает полные шестьдесят пять лет моей жизни (разумеется, лишь внутренней, эмоциональной, – всё бытовое осталось «за скобками»). Его открывают стихи, написанные пятнадцатилетней школьницей, а завершают те, которые вышли из-под пера пенсионерки в канун её девяностолетия. Мировосприятия подростка, девушки, женщины периода любовных бурь и трагедий, молодой и совсем уже не молодой матери, старой бабушки… Один и тот же человек, но на разных этапах своего жизненного пути. Естественно, меняющийся при этом, но в чём-то последовательный, верный самому себе.

Кстати сказать. Возрастная изменчивость моих стихов в значительно большей степени относится к их содержанию, чем к форме. Выбранное

мною «платье» с его невзыскательным фасоном оказалось настолько мне «по фигуре», что желания его варьировать и совершенствовать у меня никогда не возникало. Мне даже кажется, что кое-что полудетское, при всей своей наивности, лучше многого позднейшего. Свежее, непосредственнее. («Я тогда моложе, я лучше, кажется, была…»)

Хоть я – ничья не эпигонка, но несомненная дилетантка. Стихосложение – моё «хобби», всю жизнь меня сопровождавшее, но всегда на обочине, в сторонке. Я была человеком по горло занятым и много писавшим – только под диктовку не Аполлона, а Минервы. Иногда у моего «хобби» случались длительные «антракты»: то жилось слишком напряжённо – свободной минутки не хватало, – то просто «не писалось»: по тем или иным причинам временно отключался необходимый для этого душевный настрой.

Естественно, мои «беседы с музой» происходили преимущественно в каникулярно-отпускные месяцы. Поэтому стихов с летними мотивами или зарисовками здесь значительно больше, чем с зимними.

Просторно со временем у меня стало лишь после того, как я была выпровожена «на заслуженный отдых». Тут бы и «отдаваться вдохновению» с утра до вечера! Да вот беда: «две верных подруги – любовь и разлука», вместе со всеми прочими эмоциями, обычно составляющими суть лирики, остались уже за моей спиной. А много ли выжмешь из старушечьих настроений или раздумий?

Зато моё уже ничем не ограниченное время предоставило мне возможность, не спеша, порыться в собственном архиве, извлекая из его закоулков мои относящиеся к разным годам и десятилетиям «шедевры». Где только они мне не попадались! И на листках блокнотов, и на изнаночной стороне моих лекционных конспектов, и просто на разрозненных бумажных клочках… Всё это я решила «собрать в одну корзину» и расположить в хронологическом порядке, словом, придать моим находкам «божеский вид». При этом, помимо «находок», и новинки набежали… Не иссяк ещё источник! Поблескивали ещё, на радость «старателю», кое-какие крупинки-искорки в том ветхом грунте, который, казалось, был уже размыт до конца.

Составила я этот сборник и сама удивилась: когда только при моём постоянном цейтноте я успела столько накатать?

Дилетантом я называю себя не из скромности и не потому, что отда-

вала стихам лишь нечасто выпадавшие мне свободные минутки. А главным образом, по той причине, что и фантазия у меня небогатая, и от лица вымышленных персонажей писать я не умею, и к широким обобщениям не способна. Иначе говоря, не дано мне выходить за рамки узко-субъективного и сиюминутного.

Аналогия с изобразительным искусством нагляднее объяснит эти слова.

Настоящий художник обычно переходит от подготовительных этюдов к широким пейзажным панорамам или к многофигурным композициям. Ему, как правило, подвластны и жанровые сцены, и исторические или мифологические сюжеты. Другими словами, – и пространство, и время. А что делает дилетант типа чеховской «Попрыгуньи»? Он от этюдов – ни на шаг и способен воспроизводить лишь что-нибудь незатейливое, находящееся непосредственно перед его глазами: букет в вазе или другой какой-нибудь объект того же порядка.

Именно такой «Попрыгуньей» оказалась и я, только в другой области. Весной мне писалось только о весне, осенью – об осени. О прогулках – во время прогулок, благо ритм собственных шагов хорошо способствует «отливке» беспорядочно лезущих в голову мыслей в форму ямбов или хореев. Мой Пегас, подобно обычной бескрылой лошадке, всегда обходился подножным кормом. Воспарить над землёй он никогда не пытался. Заранее знал, что ничего из этого не получится. Более чем скромным является и «пастбище» этого Пегаса, его, так сказать, «географическое пространство». За редкими исключениями, это – уголок Подмосковья, притом не сельского (я плохо знаю деревню), и не усадебного (в усадьбах жить мне не приходилось, – только пробегала по некоторым из них в торопливой стайке других экскурсантов). Моё Подмосковье – это дача избушечного типа, палисадник, где сорняков обычно бывало больше, чем цветов, небольшая речка, смешанный лес, засеянные всякой всячиной поля с пересекавшими их тропинками. А когда, по преклонности возраста, лесные и полевые прогулки стали мне недоступны, – географические горизонты моих стихов ещё больше сузились, замкнувшись в пределах московских парков и бульваров.

Откуда эта ограниченность пространства? Не могу похвалиться ни количеством, ни дальностью моих поездок, но всё же я побывала и в Санкт-Петербурге с его пригородами, и на крымско-кавказских морских побережьях, и неподалёку от Эльбруса, и у подножья Казбека. Слы-

шала шум Терека и Арагви, видела магнолии, кипарисы и многое-многое другое. И, разумеется, не осталась бесчувственной ко всему этому природному и архитектурно-скульптурному великолепию. Почему же там моя «муза» молчала, мой Пегас не взлетал?

Прежде всего, потому, что я была в тех благословенных местах лишь гостьей, – скорее даже визитёршей. Не успевала в них «вчувствоваться», «вжиться», т.е. слиться с ними в некое нерасторжимое целое. Ведь когда мы впервые слушаем что-нибудь симфоническое, – оно может нам понравиться, нас захватить, но мы ещё не в состоянии «прокрутить в памяти», а тем более «промурлыкать» – составляющие его мелодии. Самая красивая музыкальная вещь не становится «нашей», пока мы не научимся узнавать её, как старую знакомую, с первых же аккордов.

Это относится не только к музыке.

Кроме того, область моих эмоций всегда была настолько обыденна и далека от каких бы то ни было психологических сложностей, что для поисков метафор и аллегорий мне с лихвой хватало того немногого, что непосредственно меня окружало. Совсем некстати было бы ради этого тревожить горные вершины или морские просторы. Только Козьма Прутков был мастером привлекать титанические силы природы для выражения маленьких мыслишек. Но на то он и пародийная фигура.

Необходимо сказать и о другом.

Как «полуденные волны Тавриды», так и «теснины Дарьяла» воспеты великим поэтами. Разве я могла бы что-нибудь прибавить к сказанному ими?

Я уж не говорю о «гранитах Невы» и о Царском Селе. Ахматова хорошо сказала о деревьях Царскосельского парка: «Здесь столько лир повешено на ветки…» С полным правом отыскала она там местечко и для своей. Ведь она была у себя дома! А я – человек случайный, приезжий – с какой стати вздумала бы за эти же ветки цепляться? Мало разве раскидистых деревьев в других местах, – в том числе и тех, с которыми я сроднилась?

По той же причине я «помалкивала», когда бродила по Пушкинскому заповеднику возле Святогорского монастыря и среди «берёзового ситца» есенинской Рязанщины.

Моё тихое, ничем не примечательное Подмосковье великие поэты, к счастью для меня обошли стороной. Правда, Маяковский одно время был почти моим дачным соседом, но общением с Солнцем, в соавторстве

с которым он решал глобальные проблемы современности, полностью отвлекло поэта от того, что в тех местах росло, цвело и чирикало.

Если мои стихи не отличаются широтой по отношению к пространству, то по отношению ко времени их рамки ещё более ограничены.

Я не принадлежала к числу мечтательниц даже в те годы, когда многие девушки, вслед за корью-дифтеритом проходят и эту стадию развития. В «завтрашний день» заглядывала редко, да и то не всерьёз, а на уровне гадания с лепестками ромашки: «любит – не любит, плюнет – поцелует». А по достижении того почтенного возраста, когда мои сверстницы уже не гадают на ромашках, но охотно «отдаются воспоминаниям», оказалось, что «вчерашний день» в моих стихах почти стёрт. В жизни – другое дело: в беседах с близкими я охотно вспоминаю эпизоды далёкого прошлого, благо память мне ещё не изменяет. Но стихи! Туда я мои воспоминания не тащу.

Почему же?

Грустно вспоминать даже хорошее, поскольку оно невозвратимо и нередко подёрнуто дымкой траура. Вспоминать плохое ещё больнее. Метерлинк прав, показав, что Синие Птицы, пойманные в Стране Воспоминаний, неизбежно чернеют…

Как только в минуту «стихотворческого настроя» вздумаешь обратиться к минувшему, пережитому, так под пером обязательно возникает что-то элегическое. Типа всем знакомого «Вечернего звона». А мне элегическая расслабленность ни к чему. Предпочитаю, чтоб при естественных колебаниях «мажора» и «минора» в моих настроениях стихи поддерживали во мне именно «мажор», – иначе говоря, то, что называют жизненным тонусом.

Может быть именно для этого они мне и были нужны?

Так называемая «лирическая героиня» моих стихов часто бывает чуточку более волевой и мужественной, чем я сама. Это не соцреализм, – то есть не сознательное стремление выдать желаемое за действительное, а всего лишь лёгкий макияж: твоё лицо остаётся твоим, не загримировано, только на какую-то едва заметную дольку делается менее бледным и кислым. Искренности моей лирики это не вредило, поскольку я и сама при этом непроизвольно начинала подтягиваться вслед за моей «лирической героиней», а учась у «неё» при любых обстоятельствах жизни держать голову высоко. Грани между «ею» и мною сами собой стирались. Как бы взбадривая саму себя, я сама становилась «ею».

Мои стихи редко «хандрят» и меня, своего автора, редко допускают до этого. Таким образом, они – не просто развлечение в минуту досуга, а нечто, играющее положительную роль в моём существовании, которое далеко не всегда бывало безоблачным. Они иногда утешали, а иногда и «подстёгивали» меня: «Взбодрись, милая! Держи себя в руках!» Потому-то в моём лирическом дневнике мало стихов-воспоминаний. Потому-то в них полностью отсутствует романсовое начало с обязательными «Я помню…», «Вспомни…» и т.п. Жанр романса я люблю, особенно, когда красивые слова сочетаются с красивой музыкой и задушевной манерой исполнения. Но это – не мой жанр.

Совсем не характерны для моих стихов понятия «вчера» или «завтра». Сплошные «сегодня», «сейчас» или даже «в настоящий момент». Если бы Равель не опередил меня, я бы охотно дала многим из них подзаголовок «Мимолётности».

Естественно поэтому, что коротенькие зарисовки-наброски здесь преобладают. В основном, это восьмистишия из парочки строф, более пространные размеры мне почти никогда не требовались. Не та тематика! Радует меня то, что художники импрессионисты, которых я ценю и люблю не меньше, чем авторов хороших романсов, сделали сиюминутность одним из своих основополагающих творческих принципов…

Значит, ничего плохого в этом нет!

Плохо другое. А именно, – мой чрезмерный субъективизм. Просматриваешь эти «мимолётности» и узнаёшь, как некая М. Я. переживала свои любовные и окололюбовные волнения, чем она любовалась, чему радовалась… Но в каком столетии довелось ей жить, – по этим стихам догадаться невозможно. Только Великая Отечественная война на короткое время извлекла её из скорлупки, – да иначе и быть не могло: в те годы решительно все, – включая даже самых заскорузлых обывателей, – были охвачены общим страхом, общей болью, общей надеждой… Но кончилась война, и мои стихи снова нырнули в узко-личное…

Я никогда не принадлежала к числу так называемых «внутренних эмигрантов», которые «уходят в себя» в знак демонстративного протеста против окружающей их действительности. С этой действительностью я всегда находилась в ладу. Правда, пафос в духе Маяковского и подоб-

ных ему был мне чужд. Моё мировоззрение более всего приближалось к настрою кинокомедий Г. Александрова. В согласии с ними, я понимала, что в нашей жизни немало нелепостей, глупостей и пошлости, – вспомните колоритную фигуру Ильинского-Бывалова в фильме «Волга-Волга». Но всё это мелочь, легко слетающая шелуха. А главное в том, что «Широка страна моя родная», где «вольно дышит человек».

Страна была и в самом деле широка – достаточно взглянуть на карту. И дышалось мне вольно: прекрасная родная семья, друзья, любовные увлечения, интересная работа, книги… Именно это в своей совокупности было центром моего существования, его основой. А чем была для меня общественно-политическая жизнь? Не более, чем сценическим задником этого насыщенного разнообразными красками спектакля, не более, чем его фоном.

Когда смотришь на картину, фон обычно не замечаешь. Даже не думаешь о нём. Главное – лица, фигуры, ну разве ещё выдвинутые на передний план или по-особенному освещённые предметы. Однако, фон не нейтрален. Незаметным образом, независимо от нашей воли он тоже воздействует на зрителя, то своим светлым колоритом, то, наоборот, угрюмой чернотой.

Общественно-политический фон моего существования казался мне светлым.

Я была воспитана в марксистском духе, и мне были по душе принципы социализма, которые, как мне казалось, не только безусловно справедливы, но и успешно воплощались в жизнь. Трудности? Они неизбежны и, в конце концов, преодолимы. Знала я, конечно, что отдельным людям (я искренне верила, что они – враги нашей страны) приходится круто, но они были для меня столь же отвлечёнными понятиями, как римские гладиаторы или уничтоженные Иваном Грозным бояре.

Надо ли удивляться этой моей слепоте? Я принадлежала к благоденствующей среде и стала литературоведом-зарубежником. Мой мирок замкнулся в вузовских аудиториях и библиотечных залах. Ни в заводских цехах, ни на колхозных фермах мне никогда бывать не приходилось. Жизнь собственной страны я знала больше по романам и кинофильмам, чем непосредственно.

Однако, инстинктивное чувство, некий неосознанный внутренний запрет решительно ограждали меня от поползновения посвятить хотя бы одну-единственную стихотворную строчку «великим стройкам ком-

мунизма» или революционным праздникам. Связанные с праздничными датами демонстрации-иллюминации были пышны и красивы. Любуйся! Гордись! Я действительно любовалась и гордилась, но моя «лира» упорно бездействовала. А воспевать вождей? Боже упаси! Такое мне и в голову не приходило, хотя ни к одному из них я дурно не относилась.

Видимо моё подсознание было мудрее моего сознания!

Но вот наступило время гласности, начавшееся обильным потоком трагических разоблачений. Фильм Абуладзе «Покаяние»… Романы и повести Солженицына… Мемуары Евгении Гинзбург, Георгия Жжёнова, Надежды Мандельштам и многих-многих других… Обнародование конкретных обстоятельств травли академика Сахарова и поэта Пастернака…

Это было потрясением. Потрясением основ. Коренной ломкой всего привычного, начиная от идеологического фундамента. Для меня не было новостью, что кого-то уничтожают, но я понятия не имела о том, в каких астрономических цифрах это выражается, а, главное, что это относилось к людям, ничем себя не запятнавшим. Не имела также понятия ни о характере допросов, которые, как оказалось, не отличались от того, что делалось в гестапо, ни о том, какие условия и нравы царили в так называемых «исправительных лагерях».

Разумеется, эти всколыхнувшие меня открытия резко и навсегда оторвали меня от так называемой «чистой лирики».

Даже в первые, самые мрачные годы Великой Отечественной, когда враг интенсивно захватывал наши земли, и о близкой победе никто ещё не смел и мечтать, я не ощущала себя до такой степени подавленной. Тогда верилось в нашу безусловную справедливость, тогда не было сомнения в том, что злое начало сосредоточилось на чужой, вражеской стороне. А сейчас выяснилось, что мы сами не хуже так называемых «фрицев», барахтались среди палачей и стукачей. Наконец-то до сознания дошло, какие люди нами правили и какой «социализм» мы строили.

Страшное было открытие! Даже для человека, который, сколько возможно, отстранялся от социально-политической сферы и не принадлежал к числу её горячих энтузиастов.

Хуже всего оказалось то, что не только вчерашний день предстал во всей своей кровавой, грязной наготе, но и сегодняшний ничего ободряющего не дарил и не сулил. Сплошной развал, глухое бездорожье без единого указателя. Вместе с крушением коммунистических идеалов рухнули

все перспективы, все нравственные устои, за исключением пропахших нафталином.

Бедные мои современники!

Одни опустились до циничного всеотрицания, вплоть до озверения, уголовщины. Другие, точно утопающие за соломинку, схватились за церковь и прочую мистику. Третьи возрадовались тому, что «заграница» не обходит нас, «нищих и заблудших», своей милостыней, подбрасывая нам кое-что «с барского стола» и «с барского плеча».

Нет, всё это не для меня! Я непоколебимая материалистка, «язычница», как я иногда себя в шутку называю. Равняться на «дядю Сэма» или на какого-нибудь другого доброго чужеземного «дядю»? Ещё того хуже! Совсем не потому, что зарубежное мне чуждо. Ведь культура зарубежных стран – моя специальность, я очень много в ней ценю и люблю. Я в такой же мере убеждённая интернационалистка, как и материалистка, далёкая от того, чтоб считать свою землю и культуру лучшими в мире. Мне никогда и в голову не приходило гордиться своей национальной принадлежностью или гражданством. Но видеть родную страну униженной и, – что ещё хуже, – унижающейся? Протягивающей руку за подаянием? Невыносимо! Никакая личная драма по своей остроте не в состоянии сравниться с этой далеко не личной, тем более что в частной жизни я никогда униженной себя не чувствовала. Не допускала этого.

Лишь на старости лет, под влиянием внешних обстоятельств, мне довелось осознать, что я – человек, отнюдь не лишённый патриотических чувств, – правда, подсознательных, дремавших до поры до времени в самых потаённых закоулках моего внутреннего естества. Ни в одном моём стихотворении (за исключением разве только нескольких самых последних, 1991 года), нет слов «Родина», «Россия», «русский народ», а уж тем более «Советский Союз».

Сейчас многое во мне перевернулось и круто изменилось, хотя я, как и раньше, этих слов стараюсь не произносить. Слишком уж они громко звучат и слишком затрёпаны поэтами официального толка.

Никогда не брошу камень в тех, кто добровольно покинул родную страну. Это их дело! Но я бы не последовала бы их примеру ни при каких обстоятельствах. Даже сейчас. Особенно сейчас.

Запоздало забившаяся во мне патриотическая жилка породила самые безрадостные строки моего лирического дневника.

Уж не проснулась ли во мне нежданно-негаданно душа моих отдалённых прапрабабушек, которые насытили русский фольклор «плачами» и «причитаниями»?

Нет, это мне чуждо, это «не моё», так же, как и жанры «жестокого романса» или сентиментальной элегии. Удержать себя от горестной интонации я не смогла, но не смогла и застыть на этой ноте. Ведь жизнь учит нас, что всякому «смутному времени» рано или поздно приходит конец, что судьба переменчива…

Но с какой стороны, откуда может блеснуть какой-то лучик надежды для нас, растерявшихся?

Демократия? Но это понятие весьма расплывчатое, почти внеисторическое. Демократами ведь называли себя и античные рабовладельцы.

А если конкретнее?

Одни уповают на возврат к дореволюционной, так называемой «николаевской» России, не жалея иконописных красок при упоминании известных купеческих или великосветских фамилий. Другие с обезьяньим упорством норовят тянуться за Америкой, «Страной Восходящего Солнца» или ещё за кем-нибудь из процветающих и высокоцивилизованных. Но каждый, читавший русскую и иностранную литературу, в частности, и художественную, – отлично знает, что и и наше «тёмное царство», и зарубежная «Американская трагедия», – далеко не сахар. К тому же наши соотечественники – прескверные ученики! Им бы поучиться у соседей умной деловитости, бережному отношению к материальным ценностям, а они вместо этого берут у них уроки оголтелого обогащения любыми путями, равняясь не на Форда и ему подобных, а на мелкое жульё и ворьё из новелл О'Генри. Таким же образом из глубин Средневековья эти «двоечники» вместо законов рыцарства и чести, которые очень бы нам всем пригодились, выкопали только междоусобицу и мистическое чернокнижие. Все хотят приобщиться к чему-то значительному, но вместо того, чтоб снимать пенки со сливок, довольствуются пеной, извлечённой из сточных канав, воображая, что это и есть «то самое»…

Если даже мы и впрямь учимся у тех, у кого надо, то совсем не тому, чему надо.

Что же маячит у нас впереди? Возвращение к «ленинским заветам»? Мир бизнеса? Реанимация «их сиятельств»?

Всё это мне враждебно, ничего такого я не хочу! Так же твёрдо не

верю в благодетельность любых исторических реанимаций, как не верю в Царство Божие.

Во что же я в таком случае верю?

Верю в способность всего живого возрождаться. Это относится, прежде всего, к природе, – как её, бедную, ни терзают, как ни отравляют, но даже на развалинах и пустырях всегда что-то с каждой весной поднимается зеленеть. Это относится и к людям, которые, слава Богу, не только злодействующие «цари природы», но и её детища и её неотъемлемая часть... Если после двух кровопролитных войн – гражданской и Великой Отечественной, после ежовско-бериевской «системы воспитания» и блокадных голодных смертей страна каждый раз оказывалась способной встать на ноги, – значит способны к возрождению и мы.

Не случайно Возрождением – Ренессансом называется одна из прекраснейших исторических эпох, культура которой досталась в наследство всему человечеству.

Во что ещё я верю, если даже оставить в сторону такие понятия, как природа и человечество в целом?

Верю в свою страну! Верю в русскую творческую мысль и в самобытную русскую культуру! Всему миру известны и всем миром признаны её глубокие и крепкие корни. Невозможно, чтобы потомки, все как один, были недостойны своих предков! Верю в генетику, как и подобает дочери Александра Александровича Яхонтова.

Верю, что не вся наша молодёжь сбита с пути истинного! Что не все наши светочи погасли и способны только коптить и чадить! Огоньки ещё мерцают кое-где и кое в чём, готовые ярко разгореться, как только для этого представится хоть какая-нибудь реальная возможность.

Продолжаю верить даже в социалистический принцип равенства и справедливости: «кто не работает, тот не ест» и «каждому – по труду». Ведь, если наши физиономии свернуло на сторону гримасой, то это случилось лишь потому, что преждевременно сорванное зелёное яблоко оказалось твёрдым, как камень, и горько-кислым. Но из этого совсем не следует, что когда плоды той же яблони поспеют и нальются соком, их вкус останется таким же... И совсем необязательно им гнить, необязательно, чтобы в них завелись черви. Возможно, для моих праправнуков, – да благословит их судьба, – эти яблоки окажутся вполне съедобными. Даже сладкими…

По-видимому, моё марксистское воспитание ещё даёт себя знать, только ленинско-сталинский вариант воплощения в жизнь замыслов Маркса настолько себя загрязнил и опозорил, что с ним я распростилась бесповоротно. Противоречия в этом нет, – можно ведь чтить Иисуса Христа, не питая ни малейшего почтения ни к «святой инквизиции», ни к «юродствующим во славу божию».

Заглядывать в будущее – не в моих привычках и не в моих возможностях. Знаю только одно: Люди – не раки! Ползти назад им противопоказано, хотя имеется несколько охотников тянуть своих сограждан по тому ли, по иному ли, но обязательно возвратному пути. Так никогда не было и не будет.

Следовательно, и в прогресс я всё-таки верю.

Вера – понятие расплывчатое. Поэтому даже заключительные стихи моего «Эпилога» далеки от подлинного оптимизма. Какой в наши дни может быть оптимизм! Но всё-таки это не «причитания»…

Завершён мой лирический дневник. Продолжения не предвидится. Хотя я сейчас ещё нахожусь «в здравом уме и в твёрдой памяти», как принято писать в нотариальных завещаниях, – за моё «завтра» я не поручусь. – Великий закон возрождения и обновления к отдельным личностям, – как это ни грустно, – отношения не имеет.

Даже величайшие из величайших – Гёте и Лев Толстой – переступив через свои 80-летия, ничем примечательным литературу не обогатили…

Что поделаешь! Природу не переспоришь. Не дай мне бог походить на актрису преклонных лет, которая не догадывается сойти со сцены, хотя и грим её уже не берёт, и голос у неё дребезжит…

Поэтому умолкаю. Ставлю черту.

22.12.1991
М. Яхонтова

ПОСЛЕДНИЙ ИЮЛЬ

Памяти
Марины Александровны Яхонтовой

Лист клёна, как и лист осины
От ветра малого трепещет.
Вот-вот закончатся смотрины,
Потрескивают стрелки трещин.

В последний день июля небо
Открыто было душам смертных.
Ни облачка! И то и дело
Вздымался Дым по воле Ветра.

От гладиолусов прохладой
Уже не веяло, сгорели…
Мы понимаем, что так надо,
Но вслух сказать того не смели.

Отпела. Отошла, как лодка,
От берега – и по теченью!
А в памяти её походка
Дарует ритм стихотворенью.

А в памяти её манера –
Не царствовать, чтоб стать царицей.
И эта трепетная вера,
До дня последнего – влюбиться!

А в памяти глаза и слово,
Соединённые в поступке.
Чего скрывать, она готова
Оставить Жизнь, дни стали хрупки.

Мелькнула дачная веранда…
Сошла на нет, как цвет жасмина,
Марина, дочка Александра…
Остался шум воды. Плотина…

Евг. Исаев
31 июля 2001 года

VIII

улыбнёмся

ТЕМА И ВАРИАЦИИ

Тема:
«Урну с водой уронив, об утёс её дева разбила,
Дева печально сидит, праздный держа черепок.
Чудо! Не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой.
Дева над вечной струёй вечно печальна сидит».
(А. С. Пушкин. «Статуя Царскосельского лицея»)

I. Первый цикл вариаций, дошедших до М. А. Яхонтовой в пятидесятых годах, принадлежит неизвестному ей автору (распространялись в интеллигентских московских кругах по традициям самиздата).

М. Лермонтов

О скалы гордого Кавказа,
На злого демона сердясь,
Черкешенка разбила вазу,
Что подарил ей старый князь.
Рыдает горестно и страстно
Седых хребтов младая дочь, –
Не плачь, дитя, не плачь напрасно, –
Слезами горю не помочь.

С тех пор текут водой прозрачной,
Обнявшись, точно две сестры,
Из вазы девы неудачной
Струи Арагвы и Куры.

А. Кольцов

Ой ты гой еси,
Добрый молодец,
Не кори меня
Красну девицу,
Что не вышла я,
Сиротинушка,
На свиданьице
За околицу.

Приключилося
Горе-горькое:
Опрокинула
Я ведёрышко.
Потекла вода,
Словно слёзыньки,
Замочила мне
Белы ноженьки.

Н. Некрасов

Ну и молодка! Кувшин свой разбила!
– Хватит, – сказала, – мне воду носить!
Что мне до мужа? Во мне ли не сила:
Я эту гору могу своротить!

Лейся, вода, на широкое поле!
Русская песня – лети в небосклон!
Женская доля – тяжёлая доля.
Только б дождаться счастливых времён!

В. Маяковский

В сто голосов
раскатилось,
набросилось:
Чашка разбита!
Погибла чашка!
Вот ведь дура
опростоволосилась,
И вода течёт
точно манная кашка.

Девушка, бросьте,
не надо плакать!
Чёрта ли вам в черепке?
Знайте, –
на полюс
И к тропику Рака
Проще шагать
налегке!

А. Вертинский

Что вы плачете здесь в одиночестве, деточка?
Ваши нежные пальцы печально ласкают муар,
Вы, как сердце поэта разбили розеточку,
И теперь, словно слёзы из раны струится нектар.

А. Жаров

Над страной знамёна багряные,
Эх, колышутся на ветру.
Комсомолка сидит румяная
На скале крутой, на юру.

Ничего, что о камни твёрдые
Чашку треснула – раз и два!
Улыбается девушка гордая,
Потому, что за ней – Москва.

М. Исаковский

Ой, шумит метель сердитая,
Снегом окна порошит.
А над кружкою разбитою
Грустно девушка сидит.

Убивается, несчастная,
Слёзы льёт туда-сюда, –
– Не горюй, девица красная, –
Будет новая вода!

К. Симонов

Мне хочется сказать тебе о том,
Что, если чашку ты свою разбила, –
Вернись опять в покинутый мой дом, –
Пусть снова будет всё, как прежде было.

Нет, мне не нужен от тебя отчёт, –
К изменам вкус обычен в человеке!
Пускай вода из черепков течёт, –
Я всё тебе простил. Я твой навеки.*

II. М. Яхонтова.
ВТОРОЙ ЦИКЛ ВАРИАЦИЙ

А. Фет

Нежный запах ёлки,
Трели соловья…
Искрятся осколки,
И бежит струя.

Блики, отраженья,
Тени без конца.
Грустно выраженье
Милого лица.

Где же счастье наше,
Дева-красота?
– Ах! Разбита чаша
И пуста, пуста…

*У автора было немножко по-другому. Отредактировано мной. М. Я.

В. Брюсов

В краю легенд, где некогда Патрокл
Погиб от сына мудрого Приама,
Где гнев Медеи воспевал Софокл,
Где моря гладь блестит, как амальгама, –

В венке из рододендронов и астр,
Котурною расплющив скарабея
И амфору разбив об алебастр,
В песках Эгейских никнет Ниобея.

К. Бальмонт

Задумалась малютка златокудрая,
С колен скатилась чашечка кофейная.
Как будто прозвучала сага мудрая,
Как будто прозвенела сказка фейная.

Навеял ветерок мечты несмелые,
Как тающее облачко, неясные…
«В моём саду мерцают розы белые,
Мерцают розы, белые и красные».

Д. Бедный

Толстенная брела на речку попадья.
За ней – её золовки и дядья.
Но не пришлось напиться кровососам!
Бадья как хрястнет! – Все остались с носом.

Тебе, пролетарьят, марксистских свет идей!
Карай, история, попов и попадей!

А. Блок

В ресторане с улыбкой прощальной
Ты разбила бокал «Аи»…
Тут раздался благовест дальний,
И умолкли твои соловьи.

Ты скользнула, шурша шелками.
Я – во храме. Средь лилий. Один.
Вьюга Русь занесла снегами.
Хохотал в углу Арлекин.

И. Северянин

I

В роскошном будуаре аметистовом,
Где два виконта грезили с утра,
Ударом стека, страстно и неистово
Разбила куртизанка баккара.

И в орхидеях скрылась с девограцией
Под звуки флейт, сонетов и сонат.
А на столе ампирном с инкрустацией
Льнул к ананасам устричный салат.

II

В Версале, на жасминовой аллее,
Играя с королевой в бильбоке,
Флакон духов разбила Лорелея –
Маркиза Виолетта де Трике.

Рассыпались душистые осколки,
Блестя, танцуя, прыгая, шаля…
Но королевы взгляд стилетно-колкий
Узнал «Бёль-флёр» – подарок короля.

В минуту эту, став бледней опала, –
Как авиатор, брошенный в пике, –
Прошелестела: «Боже! Я пропала!»
Маркиза Виолетта де Трике.

А. Ахматова (ранняя)

Истомлёно тебя ждала,
Как монахиня ждёт причастья.
Но графин упал со стола,
И разбилось с ним моё счастье.

Влажен пол. Под ногами вода…
А ты и взглянуть не хочешь?
От меня уходишь куда?
И какое мне зло пророчишь?

Н. Гумилёв

Глухо воет собака динго,
В баобабах гепарды кричат.
Как сомнамбулы бродят фламинго
Над таинственным озером Чад.

На бархане – феллах прохожий,
Паланкин златотканый несут.
Дева-жрица с эбеновой кожей
Уронила священный сосуд.

Обнажённые тонкие руки
Заломила она, зарыдав…
… И ей вторил в густом бамбуке
Заблудившийся там жираф.

Б. Пастернак (ранний)

С крыши –
с лестницы –
с бухты-барахты
Раздробила кувшин навзрыд.
Словно гром восвояси трахнул,
Словно солнце –
В тартарары!

Эти вдребезги!
Эти некстати!
Эти злые спросонья твои!
Стань мадонной в иконостасе!
Благолепьем меня удиви!

Э. Багрицкий

Шла казачка по опушке,
Шла вишнёвым садом.
Молоко из битой кружки
Хлещет водопадом.

Загудит свекровь, что улей
Яростью большою!..
....
Пахнет горькою цыбулей,
Пряной черемшою!

А. Вертинский

I

В ночном притоне Сан-Франциско
Хруст пиалы… Адьё, шербет!
Рыдает крошка-одалиска,
Лиана Суматры – бабет.

Коралловый жокей обрызган.
Запятнан голубой мулат,
Как ласточки, вспорхнули с визгом
Кот Пруст и фокстерьер Марат.

О, Ночь! Ты – бархат Валансьена!
Сапфирно-синь пленёр в саду…
… Печальные стихи Верлена
Твердит печальный какаду.

Я вторю горестным строфам:
«Шерше ля фам!»

II

Скатилась тихая росинка
Из хрупкой чашечки левкоя.
И Трамболетта-абиссинка
Затрепетала: «Что такое?»

Откуда бусинка опала?
Не у меня ль слеза упала?

С. Есенин

Ой ты, ситцевая Русь!
Ой, Рязанская сторонка!
Квохчут куры, бродит гусь,
За гумном сидит девчонка.

Кринка битая в пыли,
Молоко бежит полоской,
Пролетают журавли –
Над осеннею берёзкой.

Ты в сермяге и в лаптях,
Но в твоём лебяжьем взоре
Взгляд той пери, что Аллах
Подарил мне на Босфоре.

Плюнь на кринку, Шаганэ!
Выпей кружку крепкой браги!
Топят грусть свою в вине
Скандалисты и бродяги.

В. Маяковский

Ананасы – снедь плохая,
Но едят!
«Ноблес оближ!»
А у нас – жратва лихая, –
Миску досуха оближь!

Чокнутой чашке
место – свалка,
Пусть фарфорьё перебьют!
Жизнь распрекрасна!
В гниль катафалка
Сплюнем мещанства уют!
Сплюнем,
Харкнем,
Сдунем,
Шваркнем
Старый быт
Прочь с копыт!
Жирным Рокфеллерам –
свите-элите
сладок домов очаг.
Деточка! Встаньте!
Глаза утрите!
Радостней жить натощак!
Чашки-плошки
Разом
Наземь!
К свиньям –
Хрусталь с серебром.

Вещи растопчем!
Морды расквасим!
Грянем:
Даёшь Моссельпром!
Там папироски,
Ириски, соски,
Промокашки ластики,
Трусы для гимнастики,
С вождями клише, –
Всё, что мило душе!

Со штыком, с огнём
Сто Европ согнём
Пропадай,
Сто Европ,
Наподдай,
Эфиоп!
И гони сто Европ
Прямо в гроб!
Раззудись, Китай,
И круши-катай.

Мы кольём-дубьём
Пентагон добьём!
Парни –
на танки!
Хлопцы –
по коням!
Чёртовых янки
Вмиг перегоним!
Что нам Дейтройты!
Что нам Шанхаи!
Шахт понастроим!
Полюс вспахаем!
Гори,
Заря,
Твори
Моря!
Покорим
Целину,
Воспарим
На Луну,
Реки свернём, –
К Солнцу рванём!
Мы с ним – два брата –
Вдвоём когда-то
Чаи гоняли,
Престиж роняли.
(Тот грех – не в счёт:
Гостям – почёт!)

Дыши свободой,
Люд молоткастый,
И над природой
Цари и властвуй!
Дав отпор
Врагу,
Под топор –
Тайгу!
Степь затопим всласть
Ведь на то и власть!

Слава Труду!
Октябрю спасибо!
Деточка!
Хныкать – старо!
Жми в Каракумы
Класть рельсы Туркситба!
Рви скалы!
Долби метро!
Быстрым шагом в бой, –
Комсомол с тобой,
Там, где лесоповал, –
Весь народ побывал.
Гвозди бы делать из этих людей!
Людям – лафа!
– Только жаль лошадей!

М. Цветаева

Морская пена создала Марину.
И если мне напиться поднесут
Простую воду, –
разобью, отрину
Тот осквернённый пресностью сосуд.

Мне слаще драгоценного «Токая»
Лишь круто просолённая сода.
Ведь я Морская!
Я сама такая
На вкус, на цвет – горька и солона!

Не путайте меня с Мариной Мнишек!
Я не люблю заносчивых парнишек,
Но – буря грянь и разразись беда, –
С растерзанным сольюсь.
И навсегда!
Мне дела нет до пресных Лже-Марин!
Я соль с лазурью!
Я – аквамарин!

С. Щипачёв

(а, может быть К. Ваншенкин, Е. Долматовский, – словом, любой мастер поэзии соцреализма, сочетающий в своём творчестве картинки современного быта с глубокими философскими раздумьями).

Сегодня пятница была.
Упала в кухне табуретка.
И воду на пол пролила,
Разбив кувшин, моя соседка.

Смахнула крошки со стола
И, хлопнув дверью, скрылась к мужу.
А черепков не собрала
И не подтёрла даже лужу.

Товарищ! Если у страны
Открыта в коммунизм дорога,
То все мы разве не должны
Оставить мусор у порога?

С. Маршак

Дядю Сэма клонит в сон,
Наступила ночка.
С кружкой вышла на Гудзон
Трумэнова дочка.

Вдруг скала. Случился грех.
Взгляд у мисс безумен:
Скоро лопнет, как орех,
Сам папаша Трумэн.

А. Твардовский

Встал Василий и глядит,
Выйдя из землянки:
Что-то девушка хандрит
У разбитой банки.

Эй, сестрёнка! Не тужи!
Али слёз не жалко?
Пусть возьмётся за гужи
Русская смекалка!

Все стекляшки подобрал,
Выругался сочно,
Поскоблил, поковырял…
Аль наладить?
– Точно.
Вася – парень молодец,
Лучшего не надо!
Ухмыляется боец,
И деваха рада.

Месяц козырем встаёт
Из-за тёмных грядок.
Вася банку отдаёт,
Говорит: «Порядок»!

С. Михалков

Не знаю для чего, однажды Марь Иванна
С кувшином за водой на реку побрела
(Что всё-таки довольно странно),
А на пути ей встретилась скала…

Вода течёт, но ставлю вам на вид –
Во-первых, нечего таскаться за водой
Раз дома есть водопровод – Вот!

А если уж приспичило такое, –
Так береги народное добро –
Бери с собой железное ведро.

В. Инбер

Где взлетают над степью дрофы
И любовники роз – соловьи,
Где звенят цикады и строфы
Сладкозвучного Навои,

Там, где чахли поля Шираза,
Там, где хлопок сеял таджик, –
Дева смуглая бросила вазу
И забил из земли родник.

Расцвели МТС и колхозы
На душистых полях Ферганы,
Дали масло эфирное розы
Парфюмерным заводам страны.

Грудь наполнив одеколоном,
Гордо встанет флаконов ряд,
К коммунизму шагать легко нам
Вслед за смуглою Мамлакат.

*Конец 50-х годов**

* О М. Цветаевой и В. Маяковском написано значительно позже – в 1990–1991 годах. Но в хронологическом отношении их место здесь, а не в кругу поэтов позднейшего поколения. (Прим. М.Я.)

ДОПОЛНЕНИЕ (позднейшее)

А. Вознесенский

Со мной приключилось такое:
Я – Моцарт
Я – Гомер!
Я – Гойя!
В такую высь я ушагал,
Что равен мне лишь Марк Шагал.
Я – Стенька Разин!
Я – монах!
Я – вихрь!
Я – Облако в Штанах!
Я в парке сказочном одном
Нагая дева с кувшином.
(Ахматова и Пушкин сам
Её воздели к небесам.)

Не красят изгороди хной,
Верблюдов не сажают на кол.
Флобер не пьянствовал с Махной
Над «Бедной Лизой» Кант не плакал.

Течёт река Березина,
Торчит на юге Арарат
Есть в огороде бузина,
Есть в Киеве у мамы брат…

Ты здесь не понял ни черта?
Заткнись!
Подведена черта.

Громя все стили, все каноны,
Слова кромсая вкривь и вкось,
Я истязаю слух Юноны,
Равняю компас на «Авось».

Всё в жизни – гниль!
Все мысли – хлам!
Чту лишь себя и Божий Храм.

Господи Иисусе Христе! Прости и помилуй мя грешного!

Б. Ахмадулина

Я внучка итальянца и монгола,
Я кружева словесные плету.
Кручу спиралью зеркала глагола,
Цикличность прорезаю на лету.

Я – эпицентр контрастов!
Лёд и пламень
В скользящем танго снеговых вершин…
О, Пушкин!
Подсади меня на камень!
Дай в руки мне ту лиру, тот кувшин!

Н. Матвеева

Я вижу деву. Это безусловно.
Её здесь видит каждая собака.
Но кто она? Диана ли? Мадонна?
Иль в небесах созвездье Зодиака?
Миньону ли мы злим или Данаю?
Офелию? Корделию? Джульетту?

Хотя я сонмы дев припоминаю,
Вовек я не постигну тайну эту.

Зачем к ней на плечо легла снежинка?
Что рядом с ней? Кувшин или кувшинка?
Кто знает? – не Кувшинное ли рыло
Из «Мёртвых душ» тайком сюда приплыло?

Евг. Евтушенко

Я – русский! Но душою чист:
Мне брат и сват любой народ.
Я не погромщик, не нацист
(А партактив – наоборот!)

И где б ни вспыхнула авария, –
На помощь людям я лечу.
Объездил оба полушария…

…Мне все проблемы по плечу,
Что ни схвачу, – всё по зубам!
Случалось мне мотать на БАМ,
И с работягами Курил
Я пил первач, махру курил, –
И снова в путь!

– В тайге состав, –
А в том числе и бензовоз, –
Застрял под самый ледостав
И к рельсам накрепко примёрз.

Всё обернулось очень скверно:
С мороза лопнула цистерна, –
Топчась у лужи из бензина
Вопила стрелочница Зина, –

С неё одной, без всяких прав,
Какой-то падлой содран штраф.

И я там был!
Мёд-пиво пил,
И суд вершил,
И с Зиной жил, –

Её б утешил я сполна, –
Но не могу!
Другие ждут!
Всем помощь братская нужна,
Как Фигаро, я там и тут.

Вот и теперь, –
Приспел экспресс
Меня подбросить в Братск, на ГЭС,
А там, глядишь, придёт пора, –
От всяких Зин, от всяких Галь, –
В Париж –
на Пляс дель Опера,
На Пляс Конкорд,
на Пляс Пигаль.

Потом – Нью-Йорк!
Потом Мадрид…
Такая жизнь меня бодрит!

Там за бугром я очень мил
Всем социальным полюсам,
Поскольку сроду не хамил
Ни их низам,
Ни их тузам.

Зато клеймлю,
Зато громлю
Родную нашу притерпелость,
Луплю наотмашь по Кремлю…

… Ох, любят же меня за смелость!
Я – знаменит! Я всем знаком!
И сам –
и в связке с «Огоньком».

В. Высоцкий

Меня не обходила слава,
Но и крута ж была облава!
Девятый вал!
Шторма и бури!
Я завывал! Мёрз в волчьей шкуре!
Средь шоферни я был шофёр,
В тайге – охотник,
с вором – вор.
В солдатской гуще воевал,
На горы лез,
гранит взрывал.
Таёжный разводил костёр
С лихим бродягой.
Особо весел и остёр
Был с доходягой.
Кому не доползти к врачу,
Того я хохмами лечу
И хохочу,
Гоношась у порога,
Как захочу.

Лишь деву с битым кувшином
Сдвигаю на потом.
Как бедолаге подсобить?
Ведь с ней не станешь водку пить?
Хоть баек у меня вагон
(Под них заборист самогон),
Как с ними быть?
– Блатной жаргон
Не для девических ушей.
– Так рот зашей!
А то – взашей!

Колымская шуточка
Солона и корява.
Она ж – незабудочка,
А не шалава.
Опущено темячко…
Грустишь, недотрога?
Знать и в старое времячко, –
– Вас коснулось маненечко
Наших дней безнадёга,
И слезу выбивает.

Бывает!

Б. Окуджава

В тишине переулков Арбата,
На Собачьей Площадке моей
Вспоминал я седого комбата,
Фронтовых моих славных друзей.

Медицинскую нашу сестричку,
Что впотьмах расплескала чаёк:
Опоздали мы чиркнуть ей спичку,
А в землянке погас огонёк.

Нет на свете седого комбата,
Нет сестрички и многих друзей…

…Вместо тихого Чудо-Арбата
Разгалделся московский Бродвей.

Март 1991 г.
М. Яхонтова

АВТОРСКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Многие, вполне достойные внимания поэты нашего времени здесь отсутствуют. И по различным причинам.

Кощунственно было бы подходить с улыбкой, – хотя бы с доброй, – к трагическому наследию замученного О. Мандельштама или к стихотворениям Ю. Друниной, основное содержание которых – фронт Великой Отечественной и всё, с ним связанное.

Н. Асеев, С. Кирсанов, В. Луговской и некоторые им подобные были всего лишь последователями Маяковского, а плеяда крестьянских поэтов равнялась на Есенина.

Р. Рождественский в начале творческого пути был где-то около Евтушенко, а потом понемногу включился в поток песенных текстовиков. Его творческая индивидуальность представляется мне расплывчатой.

И. Бродского, о котором сейчас много говорят, я недостаточно знаю: его стихотворения до недавнего времени считались крамольными, только ещё начинают пробиваться на страницы литературных журналов.

Поздних Ахматовой, Пастернака, а также Н. Заболоцкого зрелой поры касаться не смею из-за моего к ним почтения. Смотреть «снизу вверх» и пародировать – дело несовместимое.

М. Петровых и В. Тушнова – прекрасные и тоже очень любимые мной лирики, но их тематика и манера близко подходят либо к Ахматовой, либо к Цветаевой, либо к ним обеим вместе. Это относится ко многим современным поэтессам. «Я научила женщин говорить» (А. Ахматова).

С. Куняев, Н. Доризо, Н. Грибачёв и кое-кто ещё

из их команды настолько талантливо сами себя пародируют, что соревноваться с ними – пустое занятие! Их «мастерская самообслуживания» работает с размахом. Пародистам тут делать нечего. А дань С. Михалкову я уже отдала. Хватит с него!

Больше я никого пародировать не собираюсь и в чужие шкуры отныне не влезаю, а то, чего доброго… Господи, упаси…

Впрочем, эту мою заключительную мысль проще не размазывать прозаически, а включить в стихотворные рамки:

На лад любой могу настроить гусли.
Но от чужих красот уберегусь ли?
Не потерять бы своего лица,
Преобразившись в попку и скворца…

15/III – 1991
М. Яхонтова

А. К. Толстой

РУССКАЯ ИСТОРИЯ ОТ ГОСТОМЫСЛА
(с IX по XIX век)

Послушайте, ребята,
Что вам расскажет дед.
Земля наша богата,
Порядка в ней лишь нет.

А эту правду, детки,
За тысячу уж лет
Смекнули наши предки:
Порядку-де, вишь, нет.

И стали все под стягом,
И молвят: «Как нам быть?
Давай, пойдём к варягам:
Пускай придут княжить.

Ведь немцы тороваты,
Им ведом мрак и свет,
Земля ж у нас богата,
Порядка в ней лишь нет».

Посланцы скорым шагом
Отправились туда
И говорят варягам:
«Придите, господа!

Мы вам отсыплем злата,
Что киевских конфет;
Земля у нас богата,
Порядка в ней лишь нет».

Варягам стало жутко:
«Ну, – думают, – что ж тут?
Попытка ведь не шутка –
Пойдём, когда зовут!»

И вот пришли три брата,
Варяги средних лет,
Глядят – земля богата,
Порядка – вовсе нет.

«Ну, – думает команда, –
Здесь ногу сломит чёрт,
Es ist ja eine Schlande,
Wir müssen wieder fort[1]»

Но братец средний Рюрик,
«Постой, – сказал другим, –
Fortgehen unwürdig,
Vielleicht ist's nicht so schlimm.[2]

Хоть вшивая команда,
Почти одна лишь шваль;
Wir bringen's schon zu stande
Versuchen wir einmal![3]»

И стал он княжить сильно;
Княжил семнадцать лет;
Земля была обильна,
Порядка ж нет как нет!

[1] Ведь это срам, мы должны уйти.
[2] Уйти недостойно, может быть, не так плохо!
[3] Мы ещё справимся, попробуем немного.

За ним княжил князь Игорь,
А правил им Олег,
Er war ein grosser Krieger[1]
И умный человек.

Потом княжила Ольга,
А после Святослав;
So ging die Reihenfolge[2]
Языческих держав.

Когда взошёл Владимир
На свой отцовский трон,
Da endigte fur immer
Die alte Religion.[3]

Он вдруг сказал народу:
«Ведь наши боги дрянь,
Пойдём креститься в воду!»
И сделал там Иордан.

Перун уж очень гадок!
Когда его спихнём,
Увидите, порядок
Какой мы заведём!

Послал он за попами
В Афины и Царьград
Попы пришли толпами,
Крестятся и кадят.

Поют себе умильно
И помнят свой кисет;
Земля как есть обильна
Порядка только нет.

Умре Владимир с горя,
Порядка не создав.
За ним княжить стал вскоре
Великий Ярослав.

Оно, пожалуй, с этим
Порядок бы и был;
Но из любви он к детям
Всю землю разделил.

Плоха была услуга,
А дети, видя то,
Давай тузить друг друга:
Кто как и чем во что!

Узнавши то, татары:
«Ну, – думают, – не трусь!»
Надели шаровары,
Приехали на Русь.

«От вашего, мол, спора,
Земля пошла вверх дном,
Постойте ж, мы вам вскоре
Порядок заведём».

Кричат: «Давайте дани!»
(Хоть вон святых неси).
Тут много всякой дряни
Настало на Руси.

Что день, то брат на брата
В орду несёт извет
Земля, кажись, богата –
Порядка ж просто нет.

Иван явился третий;
Он говорит: «Шалишь!
Уж мы теперь не дети!»
Послал татарам шиш.

[1] Он был великий воин.
[2] Таков был порядок.
[3] И пришёл конец старой вере.

И вот земля свободна
От всяких зол и бед
И очень хлебородна,
А всё ж порядка нет.

Настал Иван четвёртый,
Он третьему был внук;
Калач на царство тёртый
И многих жён супруг

Иван Васильич Грозный
Ему был имя рек,
За то, что был серьёзный,
Солидный человек.

Приёмами не сладок,
Но разумом не хром;
Такой завёл порядок,
Что покати шаром!

Жить можно бы беспечно
При этаком царе;
Но – ах – ничто не вечно, –
И царь Иван помре.

За ним царить стал Фёдор,
Отцу живой контраст;
Был разумом не бодор,
Трезвонить был горазд.

Борис же, царский шурин,
Не в шутку был умён,
Брюнет, лицом недурен,
И сел на царский трон.

При нём пошло всё гладко,
Не стало прежних зол,
Чуть-чуть, было, порядка
В стране он не завёл.

К несчастью, самозванец,
Откуда ни возьмись,
Такой задал нам танец,
Что умер царь Борис.

И на Бориса место
Взобравшись, сей нахал
От радости с невестой
Ногами заболтал.

Хоть был он парень бравый
И даже не дурак,
Но под его державой
Стал бунтовать поляк.

И то нам не по сердцу;
И вот однажды в ночь
Мы задали им перцу
И всех прогнали прочь.

Взошёл на трон Василий,
Но вскоре всей землёй
Его мы попросили,
Чтоб он сошёл долой.

Вернулися поляки,
Казаков привели.
Пошёл сумбур и драки:
Поляки и казаки,

Казаки и поляки
Нас паки бьют и паки;
Мы ж без царя, как раки
Горюем на мели.

Прямые были страсти –
Порядка ж ни на грош.
Известно, что без власти
Далёко не уйдёшь.

Чтоб трон поправить царский
И вновь царя избрать
Тут Минин и Пожарский
Скорей собрали рать.

И выгнала их сила
Поляков снова вон,
Земля же Михаила
Ввела на царский трон.

Свершилося то летом;
Но был ли уговор –
История об этом
Молчит до этих пор.

Варшава нам и Вильна
Прислали свой привет;
Земля была обильна –
Порядка ж нет как нет.

Сел Алексей на царство;
Тогда роди Петра.
Пришла для государства
Тут новая пора.

Царь Петр любил порядок
Почти как царь Иван,
И так же был он сладок,
Порой бывал и пьян.

Он молвил: «Мне вас жалко,
Вы сгинете вконец;
Но у меня есть палка,
И я вам всем отец!

Не далее как к святкам
Я вам порядок дам!»
И тотчас за порядком
Поехал в Амстердам.

Вернувшися оттуда,
Он гладко нас обрил
А к святцам, так что чудо
В голландцев нарядил.

Но это, впрочем, в шутку,
Петра я не виню:
Больному дать желудку
Полезно ревеню.

Хотя силён уж очень
Был, может быть приём;
А всё ж довольно прочен
Порядок был при нём.

Но сон объял могильный
Петра во цвете лет,
Глядит, земля обильна,
Порядка ж снова нет.

Тут крепко или строго
Царило много лиц,
Царей не слишком много,
А более цариц.

Бирон царил при Анне
Он сущий был жандарм,
Сидели мы, как в ванне
При нём, dass Gott erbarh![1]

Весёлая царица
Была Елисавет:
Поёт и веселится,
Порядка только нет.

Какая тут причина
И где же корень зла,
Сама Екатерина
Постигнуть не могла.

«Мадам, при вас на диво
Порядок зацветёт», –
Писали ей учтиво
Вольтер и Дидерот. –

Лишь надобно народу,
Которому вы мать,
Скорее дать свободу,
Скорей свободу дать».

«Месьё, – им возразила
Она, – vou me comblez[2]».
И тотчас прикрепила
Украинцев к земле.

За ней царить стал Павел,
Мальтийский кавалер,
Но не совсем он правил
На рыцарский манер.

Царь Александр Первый
Настал ему взамен,
В нём слабы были нервы,
Но был он джентльмен.

Когда на нас в азарте
Стотысячную рать
Надвинул Бонапарте
Он начал отступать.

Казалося, ну ниже
Нельзя сыскать дыры,
Ан глядь, уж мы в Париже,
С Луи де Дезире.

В то время очень сильно
Расцвел в России цвет,
Земля была обильна,
Порядка ж нет как нет.

Последнее сказанье
Я б написал ещё,
Но чаю, наказанье,
Боюсь месьё Вильо.

Ходить бывает склизко
По камешкам иным,
Итак, о том, что близко,
Мы лучше умолчим.

Составил от былинок
Рассказ немудрый сей
Худый смиренный инок,
Раб божий Алексей.

[1] Помилуй, Бог!
[2] Я весьма тронута.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ ОТ ГОСТОМЫСЛА ДО НАШИХ ДНЕЙ

М. А. Яхонтова в соавторстве с А. Толстым

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Монахиня Марина
Ту летопись берёт
И, помолившись чинно,
Давай плестись вперёд.

О Николае Первом
Не скажем ничего:
Ведь пушкинскою эрой
Зовётся век его.

Он был красив и строен,
Строптивых усмирил
Но, – так уж мир устроен,
Не он – поэт царил.

Пришёл Освободитель
Царь Александр Второй,
Рабам – второй родитель,
Все за него горой.

Вот он бы всё устроил,
Взыграли б мужички, –
Но завелись герои:
Разорван царь в клочки.

Потом был Миротворец, –
Его народ любил
(Тогда кремлёвский горец
Ещё малюткой был).

Жилось при нём неплохо:
– Трудись, не голодай!
Бац! – новая эпоха
И новый Николай.

Его не отличали
Ни ум, ни бравый вид.
К японцам лез вначале,
Но ими был побит.

Потом к нему Распутин
Прилип, как банный лист.
И пьян был, и распутен,
И хам, и стрекулист.

Вертел царём с царицей
Нахальный тот болван
«Нет, – это не годится, –
Решил придворный клан. –

Он гадкий, нехороший,
Гнёт линию не ту…»
И, глядь, – одна калоша
Чернеет на мосту.

Не стало Николая,
Уж Керенский царит,
Россию не спасает,
Хоть много говорит.

Затем ему на смену
Явился большевик.
Такую перемену
В момент народ постиг,

Поскольку не скупился
На посулы Ильич
И многого добился
Как только бросил клич:

«Рабочий класс немедля
Пусть фабрики берёт,
Хватай, крестьянин, землю
И – с песнями – вперёд!»

Был всем хорош Владимир, –
И прост, и нравом мил…
…Да жаль, – народ повымер,
Детишек схоронил.

К нему ходили, плача,
Он ходоков жалел
При Сталине иначе –
Всем скопом – на расстрел!

Чтоб попросторней было:
Народ ведь гол и нищ, –
А надо, чтоб хватило
И хлеба, и жилищ.

Всех прочих – по ГУЛАГам,
Ну вот и все дела,
Чтоб с песнями и флагом
Отчизна расцвела.

Войною пахнуть стало.
Наш вождь беду отвёл:
Повывел генералов,
Полковников извёл.

С противником опасным
Был ласков, не хамил,
И славил громогласно,
И досыта кормил.

Враг бил нас по мордасам,
Но нас не побеждал:
Ведь вождь солдатским мясом
Путь танкам прегражда.л.

Земля измокла кровью.
Где доблестная рать?
Тут холуи с любовью
Давай вовсю орать:

«Великий полководец!
Учитель и отец!» –
Поганый был народец,
Из племени овец.

Потом пришёл Никита, –
Тот самый – кум Кузьме, –
Разоблачил бандита,
Но сам – ни бэ, ни мэ.

Хотя ботинком сдуру
В ООНе он стучал, –
Никто его культуру
Совсем не замечал.

А мыслил он масштабно, –
Живи и не тужи! –
Искусство крыл похобно
И гнал за рубежи:

«Мне не нужны Карузы,
Пикассы не нужны!
Давай мне кукурузы,
Да прямо с целины!»

Никита был не вечен.
Пришёл другой маньяк,
Весь звёздами засвечен,
Как марочный коньяк.

Ох, соболины брови!
Ох, богатырский стан!
«Не пожалеем крови,
Спасём Афганистан!»

В Афгане было люто, –
Но не об этом речь, –
Солдаты – не валюта,
Чего их зря беречь?

Культура стала сонной, –
Сбежавших – не вернуть!
Но он своей персоной
Решил дыру заткнуть.

Плёл Михалков про заек,
И сам Софронов сник,
Но молодой прозаик
Негаданно возник,

И так воспел героя
Той самой целины,
Кто Малою Землёю
Решил исход войны, –

И бухнул на колени
Литературный сброд:
«Пришёл великий гений!
К вершинам нас ведёт!»

Черненко и Андропов
Мелькнули раз, – и нет!
В событиях Европы
Их не приметен след.

Старанья, правда, были,
Случался и прокол…
…Густел у Мавзолея
Гранитный частокол.

На гоголевской тройке
Взлетел и воспарил
Свершитель перестройки –
Великий Михаил.

С искусства снял оковы,
Цензуру отменил,
По замыслу Петрову
В Европу дверь открыл.

Без долгих осложнений
Всё кувыркнулось так:
Кто был врагом – тот гений,
Был гений – стал дурак.

Кто левым был, – тот правый,
В почёте зек простой,
Был Николай Кровавый, –
Стал Николай Святой.

От Маркса отшатнулись,
Чтоб Фрейда возлюбить,
Безбожники метнулись
В церквях поклоны бить.

Капут рабочим сменам, –
Ведь каждый индивид
Стать супербизнесменом
Сегодня норовит.

Противно без зарплаты
Лезть в цех или в забой, –
Прочь дыры да заплаты, –
Пускаемся в разбой!

Партпросы мы отвергли,
Что ни журнал – стриптиз!
Все «Ильичи», как кегли,
С подставок сбиты вниз.

А города, – по-птичьи
Вспорхнув на новый путь, –
Фамилии девичьи
Спешат себе вернуть.

Экраны стали пёстры.
В театрах кутерьма…
…Неужто, братья-сёстры,
Мы спятили с ума?

То голая красотка
Нам тычет в нос свой зад,
То вдруг священник кроткий
К Христу зовёт назад,

То Кашпировский пучит
Целебные глаза,
То нас астролог учит
Глазеть на небеса

И там искать пришельцев,
Пытаться их понять, –
Чтобы у них, умельцев,
Умишко подзанять.

Здесь роки обрывают
Классический мотив,
Тут голы забивают,
Там крутят детектив,

И мы глядим, балдея,
А вывод наш таков:
Далёко тем злодеям
До наших теняков!

Да, поучить нас надо!
Хоть гласность хороша, –
От фабрик и от стада
Не видно ни шиша.

Коровы не доятся.
Без рыбы водоём…
С протянутой рукою
Мы лазаря поём.

Наш вид Европе гадок.
Все шепчут: «Чур меня!»
Какой уж там порядок, –
Погромы да резня!

Живём мы по талонам
И самогонку пьём,
Дырявым панталонам
Модерность придаём.

Скучать по ассамблеям
Судьба нам не велит:
Наносим бакалеям
Трёхчасовой визит.

Стал рынок натюрмортом:
– Взглянул, – и проходи,
А с будущим комфортом
Маленько погоди!

Ещё б добавить строки
Про наш «визитный» корм,
В каком трясёмся шоке
От денежных реформ…

И я не продолжаю
Сей горестный рассказ,
Поскольку уважаю
Соавтора наказ:
«Ходить бывает склизко
По камешкам иным,
О том, что слишком близко,
Мы лучше промолчим…»

24 марта 1991 г.

ПИСЬМО ТАТЬЯНЫ ОНЕГИНУ

(новая редакция)

От Вас тащусь… Гнилое дело,
Хоть и не трёп, и не фигня!
Заткнуться, блин, не захотела, –
Ох, и пошлёте ж Вы меня:
«Не возникай, чеши обратно,
Линяй отсюда, отвали…»
Вы – тот мужик! Ежу понятно –
Такого сунься, расколи.

Когда б с потрясно клёвым видом
Вы не припёрлись бы сюда,
Других – и фейсом, и прикидом –
Я б охмурила б без труда.

Но на фиг мне придурки эти, –
Всех – в задницу! На всех плевать!
Мне в высшем суждено совете
Лишь в Вашей хате кайфовать!

1990 г.

содержание

3 I. «КОЛОРАТУРА» (1927–1932)
4 Каникулы
4 «Шумливый, крупный летний дождь...»
5 «Говорят, что стихи – титанический труд...»
5 «Свой бас густой вплетая в звон...»
5 У пруда
6 «В саду трепещут липы и берёзки…»
6 «Сентябрь. Чемоданы уложены…»
6 «Истрёпан, измочален мёртвый плющ...»
7 «Невесел палых листьев мёртвый хруст...»
7 «Где летом стайка птиц порхал…»
7 «Иду левей, иду правей, –…»
8 «На всех полях всё скошено и сжато...»
8 У окна
9 «Здесь – портреты, там пейзажи…»
9 «Под шелест трав, под посвист соловьиный…»
10 «Почему я весь день беспричинно горю…»
10 «Я твой…» «Твоя…» «С тобой – хоть на край света…»
10 Софийская набережная
11 «Зима, уймись! Не к месту фокусы!..»
11 «Сегодня верб мохнатые пушки…»
11 «К затейливым выдумкам я равнодушна…»
12 «Я с музой дружбу не водила…»
12 «Когда для божьих птиц в кормушки…»
12 «Лишь для людей глуха лесная глушь…»
13 «От живого остался пенёк...»
13 Мелькнувший год
14 «Дань классицизму – нимфа над фонтаноме…»
14 Моё гнездо
14 «В клоках тумана прячется река...
14 «Жемчуга цветущих вишен...»
15 «Мы не в саду, мы в сказочных хоромах...»
15 «Букетик выглядит невзрачно...»
16 Соперница
17 «Во власти чувств тревожных, незнакомых...»
17 «И берёз серебро, и сосновая медь...»
17 Падучие звёзды
18 «Иудино дерево»… «Барская спесь»…

18 «Головками склонёнными желтея...»
18 «Оставлен город. Грохот, толкотня....»
19 «Случайный вздох, случайный взгляд...»
19 «В семнадцать лет как лёд я холодна...»
20 «Жизнь бурлит как хрустальный родник...»
20 «Лесные тайны не мной разгаданы...»
21 «В хрупкой зелени сада весеннего...»
21 «Мне нарядность лета дорога...»
22 «Мои стихи колоратурны...»
22 «Ночь разлилась. Луна в ущербе…»
23 «Широко, величаво, богато…»
23 «Мы не были влюблёнными. Хотя...»
24 «Так мирно спят предсумрачные воды...»
24 «Ну как отсюда я уеду?…»
24 «Мы – девушки, мы – первый вздох весны…»
25 «Блеск весенний разбросан зыбко...»
25 «Нет! Я не верю лилиям болотным…»
26 «Искусство прошлых лет вам кажется рутиной…»
26 «Жасмин раскрылся ароматный…»
26 «Вообразив, что жизнь пресна…»
26 «Зелёные свои раскинул сети…»
27 Светляки
27 «Убогий домик. Садик неказистый...»
28 «Шла в лес послушать перекличку птичью…»
28 Ноктюрн
28 Рассвет 1
29 «По распластанным крышам кирпичных громад…»
29 «Как ландыши в лесу призывно пахнут…»
29 Рассвет 2
30 «Говорят, с милым рай в шалаше…»
30 Грибная пора
31 На пляже
32 «Стал ты добрым, прилежным садовником…»
32 Над рекой
33 Лесной ручеёк
33 «Сумрачной я не была от рожденья…»
34 Старая басня
34 «Застольные песни не девушкам петь…»
34 «Как ландыши весною хороши…»
35 Медовый месяц
36 Кошмар
37 «Роняет небо золотые блики…»
38 «Бывают жизни яркого накала…»
38 «Не гневайся, Царевна Несмеяна…»
38 «Через витраж причудницы-реки…»

39 Непогода
39 «Отпылал закат багряный…»
40 В ночном трамвае
40 Подруге
42 Две встречи
44 Постскриптум
44 «От незрелости в мыслях и нравах…»

45 II. «КОЛОРАТУРНОЕ СОПРАНО» (1933-1938)

46 «Ты в шумном чаду вечеров танцевальных...»
46 «Для дружбы полутень нужна едва ли...»
47 «Бандура, балалайка и зурна...»
47 «Мы себя иллюзиями тешим...»
48 «Зверей стреляют. И кроят манто...»
48 «Не ищи зовущего в доказанном...»
48 «Поэт страдал: назойливо и громко...»
49 «Сухие листья рассыпают клёны...»
49 «Кто запретит мне собственной судьбою...»
50 У фонаря
51 «Гроза. В траве переполох...»
52 «Провозгласил седой поэт...»
52 «Над страницами "Анны Карениной"...»
53 «Не люблю я никого...»
53 Подсолнух
54 «По пустынным задворкам, по улицам голым...»
54 «У поздней осени нет связи...»
54 Иней
55 «Привет тебе, зима! Ты мраморной богиней...»
55 «Кипит болтливых вод веселье...»
56 Весенний триптих
58 «Земля бурлит в весенней смуте...»
58 Полсе грозы
59 «Колышет ветер лёгкие качели...»
59 «Ряд избушек. Дорога. Колодец...»
60 «Среди осоки молодой...»
60 «Июньский полдень ярок и палящ...»
60 Силуэт
61 Полнолунье
61 Звёздное небо
62 «Вас, беды, никому не избежать...»
63 «Как душен воздух! Как горяч!..»
63 «Мрачны, черны озёрные глубины...»
64 В пасиладнике
65 «Ещё не вечер. Свод хрустальный...»
65 «И я на вернисаже побыла...»

65 Июль
66 Читая «Фауста»
66 «На западе тускнеет отблеск розовый...»
67 Бегство
67 «Зловонный город тонет в дымке чёрной...»
68 «Брожу я без цели тропинкой кривой...»
68 «Легла зима. Запели вьюги...»
69 «Мягче пуха, свежей лепестков...»
69 Дно памяти («Дом Веснина»)
70 В музее
71 Старые книги
71 Читая «Кандида»
72 Читая Анатоля Франса
72 Вечер в парке
73 «Я не знакома с Гангом и Тибром...»
75 Баркаролла
76 «Рассвет сначала бледен, как мертвец...»
76 «Родной когда-то уголок...»
77 «Мой критик привередливый, ты прав...»
77 «Ненастный день. Нам скучно. Мы раскисли...»
78 «И Дева, и Телец, и Скорпион, и Лев...»
78 Давно минувшее (мои 16–17)

79 III. «ДРАМАТИЧЕСКОЕ СОПРАНО» (1940–1946)

80 «Я хочу быть твоей любимой...»
80 «Как празднично блестят чертоги наши!..»
81 «Средь зелени, спорхнувшей с акварели...»
81 «Иван Купала зорям дал раздолье...»
82 Приглашение
83 «Недаром вьются пчёлы и шмели...»
83 «Не со мной ты ходишь на охоту...»
84 «Какой я покорилась ворожбе?...»
84 «Да. Люблю...»
84 «Хочешь любви безрассудной шальной...»
85 Кредо (символ веры)
86 «Расставшись с асфальтом, расставшись с трамваем...»
86 Почти песня
86 «И облака сверкают белизной...»
87 Попытка объяснить необъяснимое
87 Чёрное лето (1941 года)
88 «Вдруг чувствуешь: так дух твой изнемог...»
88 Колыбельная
89 «Мой реквием застыл...»
89 «Сквозь мельканье километров...»
90 «Солдатский путь суров, тяжёл...»

90 Вечером
91 В воскресный день
92 «Снежинки вьются, ласковы и плавны...»
93 Читая К. Симонова
94 Саратов. Пединститут. 1944 год
96 «Как запад сегодня малинов!..»
97 На повороте событий
97 Почти романс
98 «Здесь маки рдели. Там сирень дышала...»
98 «Пышноволосый и широкоплечий...»
99 Над Волгой
99 Новогодний тост
101 Апрельское утро
102 «Суматошной будет радость встречи...»
102 Май 1945 года
104 Праздничный тост
105 «Звенит любовь ручьём певучим...»
105 «Свинцовой, мёртвой стала гладь реки...»
105 «Вчера вы все смущённо замолчали...»
106 Почти баллада
107 «Нет беды в размолвке, бурной ссоре...»
107 «При солнце даже капли на былинке...»
108 «Любовь живёт в бурливых красках...»
109 «Чтоб устыдилась, чтоб была не вправе...»
109 «Когда ты счастлив, блёклая трава...»
110 «Идя путями фронтовыми тяжкими...»
110 «Отцвело и конец... Та, другая, умней...»
110 «Всё обошлось без бурь и без истерик...»
111 «Как камушку тепло на солнцепёке!..»
112 «Бились в стёкла осенние капли...»
112 «Смеялся, искрился прибой...»
112 «Любовь – и высота, и крутизна...»
113 «Тебя измучило моё...»
113 «Давно ль над прудом золото волос...»
114 Прощальная записка
114 Под стук колёс (Прощание с Саратовом)
115 Сталинград–46

116 IV. «МЕЦЦО» (1947–1977)

117 Неотправленное письмо
117 Городские прогулки
118 Листопад
119 Кропоткинская площадь
119 «Как же я страшилась доли брачной!..»
120 «Спит притихший ангелочек...»

120 «Весна деревьям головы вскружила...»
121 «Как сладостно кружилась голова!..»
121 Моим сверстницам
122 Молитва
123 «Спит земля пустая, заснеженная...»
123 «Сирень не расцветёт, когда кустарник стар...»
124 О песне
124 «Крадётся ночь угрюмой тенью...»
125 После спектакля
125 «Срезать цветы, срывать их не люблю!..»
126 На улице
127 В Эрмитаже
127 Дочке
130 Контрасты (Цветочный павильон ВДНХ)
130 «Садами цветущими дышит весна...»
131 «К чему мне рай? Но не хочу и ада!..»
132 «Мне грустно, дорогой, что ты не молод...»
132 «Мы часто прошлое шевелим...»
133 «Мы, беззаботные, душистым маем...»
133 Сосны
134 На художественной выставке
135 «Новые кручи познал человек...»
135 «Сумрак осени глубокой...»
135 «Тебе, я знаю, тоже не легко...»
136 Элегия
137 Маме
138 Моё завещание
139 «Всё тянешься ты вверх, моя отрада!..»
139 На концерте
140 Площадь Дзержинского
140 «Ты и в радости, и в горе...»
141 Городские деревья
141 Московские радуги
142 Лицо Москвы
142 «Огнём прощальным отсверкав...»
143 «Нет полевых цветов. Колосья сжаты...»
144 «Ты, младшая, весенний мой подснежник...»
144 14 мая 1961 года (свадьба дочери)
145 «Берёзы без листвы, в вороньих гнёздах...»
145 «Здесь лето зеленело и дышало...»
145 «Хватает в жизни горя и ненастья...»
146 Девичье поле
147 Слушая Моцартину
147 «Штурмуют телефон баском...»
148 «В наследниках своих мы ищем с ними сходство...»

148 Внучка-первенец
149 Бывшим девочкам
149 «Всё, что во мне – моря и сушу...»
150 «Какое поношенье – стать бабулей!..»
150 «Я к яркому пристрастна, как цыганка...»
150 Книжные полки
151 «Ненастными бессолнечными днями...»

152 V. БЕЗ ПРЕТЕНЗИЙ НА ВОКАЛ (1987–1989)

153 Опять вдвоём
153 Ей, неотвратимой
154 «Крадётся и ко мне неотвратимым ходом...»
154 «Вы нас порой бранили, но любили...»
154 «Лес порублен, но помнит о лете...»
155 «На кладбище кричит зловеще вороньё...»
155 «Как обветшал мой милый дом!..»
155 «Мы равнодушьем сердце не остудим...»
156 «Плохо птицам, потерявшим стаю!..»
156 «Под снегом лужи больше не таятся...»
156 «От вывертов, от своеволья злого...»
157 «Когда я нестерпимо устаю...»
157 Слушая Бетховена
158 «Пришла весна на радость всем влюблённым...»
158 «Ночь тонким лунным серпиком срезала...»
158 «Хоть лето давно не в зените...»
159 «Стемнело. Пестрота цветов мертвеет...»
159 «Берёзы всех деревьев мне родней...»
159 Кустодиев
160 «Забыть успели о весёлом лете...»
160 Перечитывая знакомое
160 «По воле украшателей Москвы...»
161 «Над вечным покоем»
161 Черёмушки
162 «С родных ветвей, не помнящих родства...»
162 «Ноябрь листву сорвал, разнёс...»
162 «На фоне синевы, насыщенная соком...»
163 «Не сожалей о том, что годы мчатся мимо...»
163 «Любить бы всеобъемлющее море...»
163 «Из каждого окна прохожим шлёт привет...»
164 Сентябрьский рынок
164 «Что впереди? Стена. Бесцветность мела...»
164 «Хоть хмель весны наш больше не дурманит...»
165 «Мир звучных красок, красочных созвучий...»
165 «Привычный ритм… Ребячий гам...»
166 «Листы берёзы, только что опав...»

166 «В последний круг вхожу без сожалений...»
166 «Твердит рассудок: голову нагни...»
167 «Развевая огненные волосы...»
167 Дамам моего поколения
167 Арбат обновлённый

168 VI. ФИНАЛ (1990–2000)

169 Запоздалое покаяние
170 «Мертвы… Унижены… Гонимы...»
171 Знакомые мотивы
171 А. Ахматовой
172 «К духовности метнулись люди...»
173 Святое причастие
173 Искателям святынь
175 У разбитого корыта
176 «Так было. Стали хрупки...»
177 «Гнёт Лубянки развеялся прахом...»
177 Моим детям
178 «Расстаёмся со звёздами алыми...»
178 «Кумиры оплёваны. Новых не стройте!..»
178 Мартовская распутица (1990-го)
179 «Прозрели мы! И смело, без опаски...»
180 «Плыла галера – воплощенье зла...»
180 «Давным-давно, в те призрачные годы...»
180 «Что дальше? Кто придёт? Какая смена?..»
181 Пасхальное
181 «Горланим, спорим, тычемся, блуждаем...»
182 Городской мотив
182 «Мир озверел. Ощерились народы...»
183 Августовские дни
183 «Я верю в Троицу!..»
184 «Бежит за часом час, за мигом миг...»
184 «Хвала пустыне»
185 На пороге 1992-го
186 Предъюбилейное
186 «Чьи страсти вас вели? Чьи козни вас подставили?..»
186 У телевизора
187 Предвыборное
187 «Зачем эстеты технику ругают?..»
188 «Бояться обнажённости не надо!..»
188 Моей правнучке
189 Ноябрьские деревья
189 В четырёх стенах
190 Сверстницам
190 «Метели бьют без промаха...»

190 Мечта
191 «В те невозвратные деньки...»

192 VII. АВТОРСКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

205 Последний июль.
Памяти М. А. Яхонтовой. Евг. Исаев

206 VIII. УЛЫБНЁМСЯ

207 Тема и вариации. Цикл I.
207 М. Лермонтов
208 А. Кольцов, Н. Некрасов, В. Маяковский
209 А. Вертинский, А.Жаров, М. Исаковский
210 К. Симонов
210 II. М. Яхонтова. Второй цикл вариаций.
210 А. Фет
211 В. Брюсов, К. Бальмонт, Д. Бедный
212 А. Блок, И. Северянин
213 А. Ахматова (ранняя), Н. Гумилёв
214 Б. Пастернак (ранний), Э. Багрицкий, А. Вертинский
215 С. Есенин
216 В. Маяковский
219 М. Цветаева, С. Щипачёв
220 С. Маршак, А. Твардовский
221 С. Михалков, В. Инбер
222 ДОПОЛНЕНИЕ (позднейшее)
222 А. Вознесенский
223 Б. Ахмадулина, Н. Матвеева
224 Евг. Евтушенко
226 В. Высоцкий
228 Б. Окуджава

229 АВТОРСКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

231 *А. К. Толстой*
Русская история от Гостомысла (с IX по XIX век)

236 Русская история от Гостомысла до наших дней
М. А. Яхонтова в соавторстве с А. Толстым

241 Письмо Татьяны Онегину *(новая редакция)*

ЛИТЕРАТУРНО –
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
ИЗДАНИЕ

Марина Александровна
ЯХОНТОВА

Лирический дневник

1927–1997

сборник стихов

редактор
ВЛАДИМИР ЖИДКОВ

для оформления обложки
использована картина
АЛЕКСАНДРА ФЕДОТОВА
«Весна. Солнце 2014»

макет, вёрстка, препресс
СЕРГЕЙ ВОРОНЧИХИН
студия «Бюро-СВ» or-ko.ru/burosv/

Подписано в печать 11.11.2020 г. Заказ 509. Тираж 30 экз.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 14,58. Свободная цена.
Отпечатано в ООО «Издательство «Аверс». 610020, г. Киров, ул. Труда, 70.
Тел.: 8 (833-2) 47-42-77, +7 (905) 870-88-77. E-mail: avers@kirovnet.net

Этот сборник недаром назван «Лирический дневник». Марина Яхонтова буквально жила поэзией, поэтическое творчество сопровождало все этапы её долгой и насыщенной жизни – от первых восторженных, немного наивных строк, до откровений мудрой, много прожившей и пережившей женщины.
О ней можно сказать, что это поэт тонких душевных настроений. Стихи её светлы, чисты, многим из них присуще редкое чувство доброжелательного юмора.
Это настоящая русская поэзия, где душевные переживания автора тесно переплетены с восприятием ею волшебной российской природы в лучших традициях истинно русской поэзии Тютчева, Пушкина, Брюсова, Ахматовой и других и тем самым находит самый тёплый и горячий отклик у читателя.